Другой мир

Книга первая

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Лилия Барс

Другой мир «книга первая»

«Автор»
2026

Барс Л.

Другой мир «книга первая» / Л. Барс — «Автор», 2026

Мое имя Алиса.И моя история о том как учиться жить в чужом мире.Что ждет меня в этом мире?Встреча с парнем, который меня оберегает и учит всему что знает сам.Да я с ним как за каменной стеной.Но я не всегда буду слабой.Я изменю этот мир и все враги умоются кровью.

© Барс Л., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 « Может это сон? » 5
Глава 2 « Принятие реальности» 8
Глава 3 « Дар » 11
Глава 4 « Проверка тела » 14
Глава 5 « Очищение и признание » 17
Глава 6 « Встреча » 20
Глава 7 « Приручение дара » 24
Глава 8 « Первый бой » 30
Глава 9 « Пустая деревня » 34
Глава 10 « Красная зона » 38
Глава 11 « Деревня Храномир » 41
Глава 12 « Новые знакомства » 44
Глава 13 « Обучение и усиление » 48
Глава 14 « Спарринг » 54
Глава 15 « Камни и мана » 61
Глава 16 « Дорога в Миркар » 71
Глава 17 « Миркар » 78
Глава 18 « Обратно в Храномир » 86
Глава 19 « Усадьба » 92
Глава 20 « Звон колокола » 101
Глава 21 « Тени прошлого и голос совета » 111
Глава 22 « Налог » 121
Глава 23 « Солнце, что не греет » 130
Глава 24 « Когда тень становится врагом » 140
Глава 25 « Шаг, дистанция, свет » 148
Глава 26 « Мера и вес » 155
Глава 27 « Лидия » 165
Конец ознакомительного фрагмента. 170

Лилия Барс
Другой мир «книга первая»

Глава 1 « Может это сон? »

Меня зовут Алиса, мне семнадцать. И эта история — обо мне.

Я молодая девушка, люблю родителей и своего братишку Егорку. Ему всего шесть, и он такой забавный! Родители живут за городом, у нас свой дом. А я обитаю в общежитии при училище — перешла на второй курс. Сама не знаю, почему выбрала медицину, но мне нравится. Нравится помогать людям.

По натуре я открытый и добрый человек, а вот соседки по комнате… Иногда мне кажется, будто меня в наказание подселили к этим оторвам. Из–за них каждые выходные я сбегаю домой — там хоть спокойно. А тут только и слышишь сплетни: кто кого зажал в туалете, кто к кому приставал… Слушать противно.Субботний вечер. Дождь хоть и перестал, но на улице по прежнему холодно и неуютно.До своей остановки я добралась довольно быстро.

— Алло, мам, привет! Я приеду примерно через полтора часа. И, пожалуйста, приготовь свои фирменные блинчики — очень хочется.

— Привет, доча! Конечно, приготовлю. Тут Егорка всё спрашивает, когда ты приедешь. Соскучился, ждёт тебя.

— Скажи, что уже еду. Пусть первым встречает — я ему вкусняшки привезу, которые обещала.

— Хорошо, передам. – сказала мама.

В голосе мамы слышалась улыбка, и от этого на душе у меня становилось так радостно, будто солнышко выглянуло из-за туч и ласково согрело. Я положила телефон в карман и поежилась от прохладного ветра. И тут вдруг поняла: что-то не так. На остановке люди были, но среди них не оказалось тех, с кем я обычно сталкивалась в автобусе по дороге домой.Я открыла в приложении отслеживание маршрута автобуса — но его не было. Либо он уехал раньше, либо последний рейс вообще отменили. Вот почему я особо и не удивилась. Ладно, придётся ловить попутку.

Я простояла с поднятой рукой минут пятнадцать. Ну а что ещё делать? У нас такое частенько бывает: автобус либо опаздывает, либо вообще не приходит — и тогда только попутка спасает.

Октябрь… Погода никудышная. Мелкий дождь снова начал моросить, пробирая до костей.

Машины проезжали мимо одна за другой, будто не замечая меня. Первым промчался тёмно серый седан — стёкла тонированные, лица не разглядеть; только на секунду вспыхнули жёлтые огни поворотника, и он растворился в серой пелене дождя. За ним торопливо проскочил потрёпанный фургон: по стеклу стекали косые струи, щётки метались туда сюда, едва справляясь с дождем. Водитель даже не глянул в мою сторону — ему бы самому не потерять дорогу в этой мокрой мути. Потом медленно, с натужным рёвом, прополз старый пикап. В кабине двое: мужчина в кепке крепко сжимал руль, а парень рядом что-то быстро говорил, размахивая руками. Они скользнули по мне взглядом и тут же отвернулись — понятно, лишних пассажиров им не надо.А следом вынырнул из темноты высокий внедорожник, фары резанули по лужам, выхватывая на миг дрожащие блики. Он прогрохотал мимо, вздымая веер брызг, и снова всё потонуло в октябрьском полумраке.

Я плотнее запахнула куртку, пряча ладони в рукава, и снова подняла руку. Дождь становился всё упрямее, стекал по капюшону, забирался за воротник. И каждый раз, когда оче-

редная машина проносилась мимо, внутри всё чуть сжималось — а вдруг сейчас? — и тут же опускалось, стоило ей скрыться за поворотом.

Подъехала машина, щёлкнуло стекло — окно плавно опустилось, и мужчина средних лет, чуть нахмурившись от дождя, спросил:

— Девушка, вам куда?

Я не стала медлить — быстро подбежала, наклонилась к окну, стараясь укрыться от мороси, и выпалила:

— В Александровку!

Он чуть улыбнулся, будто оценил мою решительность, и кивнул:

— Запрыгивай, мне как раз туда. Только по пути надо племянника забрать — не против? – спокойно кивнул мужчина.

Я скользнула на заднее сиденье, плотнее запахнула куртку и щёлкнула ремнём. Машина мягко тронулась, шины чуть шуршали по мокрому асфальту, а капли стекали по стеклу, сливаясь в тонкие ручейки.Водитель был приятно одет — в тёмносинюю куртку поверх простого свитера, чисто выбрит, волосы с лёгкой проседью аккуратно зачёсаны. В салоне было тепло и тихо, только тихо постукивали дворники да чуть слышно играл какой-то спокойный трек на фоне.

Подумала, что, может, взять у Егорки пару конфеток… Но нет, он мне этого не простит — свои сладости он бережёт как сокровище. Вот надо было хоть бутерброд в общаге перехватить, но я так торопилась домой, что даже не задумалась об этом.

Водитель, не отрывая взгляда от дороги, чуть улыбнулся и спокойно бросил, будто между делом:

— Ну вот, сейчас согреешься. Октябрь такой: вроде и не зима, а пробирает до костей.

И от этих простых, будничных слов вдруг стало как-то спокойнее. Не как от громких обещаний, а как от чего-то настоящего — будто рядом просто есть взрослый человек, который знает, что делать, и которому можно немножко довериться на эти полчаса дороги.

Машина плавно остановилась посреди какой-то глухой окраины — ни фонарей, ни домов, только тёмные силуэты деревьев и мокрая обочина, блестящая в свете фар. И тут внутри у меня будто что-то дёрнулось: чуйка забила в колокол так, что даже в ушах зазвенело.Я покосилась на водителя. Он сидел спокойно, будто ничего странного не происходило, и, заметив мой напряжённый взгляд, тихо, без суеты сказал:

— Ждём племянника. Не пугайся, я же говорил.

Я кивнула, но пальцы сами собой вцепились в ремень безопасности. В голове мелькнуло: надо выбираться, прямо сейчас, бежать прочь, пока ещё можно. Но прежде чем я успела пошевелиться, из кустов вышел парень, распахнул переднюю пассажирскую дверь и плюхнулся на сиденье рядом с водителем.

Племянник оказался высоким, плечистым, в тёмной куртке и с капюшоном, надвинутым почти на глаза. Он коротко кивнул мне через зеркало, будто проверяя, всё ли в порядке, и буркнул:

— Привет.

И только от этого простого «привет» напряжение чуть отпустило. Не до конца, но хотя бы не хотелось больше выпрыгивать на ходу. Двигатель ровно взвыл, машина тронулась, и мы снова покатили по трассе. Дождь тем временем набирал силу — он уже не моросил, а хлестал по крыше и лобовому стеклу, заставляя дворники работать на пределе. Но чуйка всё равно не успокаивалась. Она тихо, упрямо шептала где-то в груди: «Что-то не так… что-то ещё впереди…»

Только я успела об этом подумать — резкий, глухой удар сбоку встряхнул машину, меня швырнуло в сторону, ремень впился в плечо, а перед глазами вспыхнули искры. И следом — густая, непроглядная темнота.

Знаете, бывает такое состояние — будто ты между сном и явью, ни там, ни тут. А тут к этому прибавилась адская боль — она вгрызалась в тело, рвала из полузабытья, не давая спрятаться обратно в темноту. В ушах стоял густой, тяжёлый гул, похожий на отдалённый рокот.

Я сделала судорожный вдох — и открыла глаза.

То, что я увидела, ударило по сознанию, как ледяной поток.

Я лежала в тесном каменном помещении, будто внутри скалы. Тусклый свет давал небольшой костёр — его пламя вздрагивало, отбрасывая неровные тени на грубые стены. Вокруг ни души.

Встать не было сил: каждая мышца кричала от боли, кости будто переломаны. Первая мысль была простой и отчаянной: «Где я?» Я попыталась приподняться на локтях, и тут же мир качнулся, а боль вспыхнула заново. И только тогда я заметила… Я была не в своей куртке, не в привычной одежде. На мне висели какието грязные лохмотья, тяжёлые от сырости и пыли.А руки… Я смотрела на них, будто на чужие. Кожа исцарапана, ногти обломаны, под ними въелась тёмная грязь. Я провела ладонью по лицу — и пальцы дрогнули, не узнавая собственных черт.

«Что произошло?» — эта мысль билась в голове, как птица в клетке. Или это всё сон? Может, я всё ещё сплю, и боль — лишь обман? Но нет. Боль была слишком настоящей, слишком острой, чтобы быть выдумкой.

Глава 2 « Принятие реальности»

Я всегда верила в сказки. Да что там говорить, я и принца ждала на белом коне. Когда мама мне перед сном читала сказки на ночь. С малых лет я себя представляла принцессой. Как принц меня спасет, и все у нас будет хорошо. Но что со мной произошло...

Где я оказалась.

Помню, ехала в машине, а дальше что. Вспомнить бы, что было дальше.

Звук тихий доносился до меня, как будто кто то идет, тихий, крадущийся. Я затаила дыхание и закрыла глаза. Ко мне кто то подошел, постоял и отошел дальше, и голос парня разлился по комнате:

–Ну что, здравия. Я думал, не очнешься.

Я вздрогнула и открыла глаза. Передо мной стоял парень. Невысокого роста, крепкого телосложения, а волосы, как мне показалось, белее чем сам снег. И глаза его горели оранжевым светом. Как у кота. Я попыталась снова встать, но это у меня плохо получилось. Все тело обдавало дикой болью:

–Как я оказалась здесь? Где мои вещи и кто ты?

–Я нашел тебя в лесу у дороги. Видимо, кто то проезжал мимо, подумали что ты умерла тебя и бросили там. Знаешь, а я тоже думал что ты умерла, но что то заставило меня принести тебя сюда. А где вещи твои, я не знаю. Ничего у тебя не было. Как тебя зовут? Меня зовут Антон, но все называют Тоша.

– Меня Алиса, – не уверенно произнесла я. –Антон. А у тебя есть телефон? Мне бы маме позвонить, она переживает, наверно, что меня долго нет. И наверное звонка ждет.

–Телефон? Что это такое? Я не слышал о таком. Что то придумали, пока я тут сижу.

И тут он щелкнул пальцами и над потолком появился маленький шарик и осветил всю комнату ярким мягким светом. И сам костер потух. Я заметила, что место, где был костер, не осталось и следа от костра. Как?

Вот честно, я готова была встать и убежать отсюда. Как он это сделал. Из мыслей выдернул его вопрос:

–Ты кушать хочешь?

И вынул от куда то тарелку с курицей и хлебом. Я открыла рот, чтобы сказать, что голодна, но ответ у меня застрял где то в горле. И тут до меня дошло. Я читала книги о попаданцах. Они попадали в параллельные миры или какие то другие.

Мы с парнем разговаривали на русском, это укладывалось у меня в голове. Но вот то что я попала в другой мир, это как вообще могло произойти.

Я не спеша села, хоть и вышло у меня с трудом. Протянула руку и уставилась на нее. Это не была моей рукой. Кожа смуглая, тонкая ручка, пальцы длинные, такими только пробирки мыть...

Антон посмотрел на меня и сказал:

–Нет, тебе сначала надо умыться, а потом только кушать. Подожди сейчас я воды принесу.

И он выбежал и через две минуты принес ведерко с тряпкой. Намочил тряпку, отжал и начал протирать мне лицо.

–Можно мне самой это сделать?

Антон пододвинул ведро ближе ко мне, что бы я могла ополоснуть лицо и я увидела отражение в воде.

На меня смотрела девушка, и это была не я. Черные волосы до плеч, зеленые глаза, смуглая кожа. И очень миловидное лицо. Большие распахнутые глаза, пушистые ресницы, тонкие черты лица, носик чуть вздернут к верху. И губы, напоминающие бантик.

Я ополоснула лицо чистой водой, взяла тряпку из рук Тоши и протерла ею шею, грудь. Руки я тоже вымыла в ведре и протерла до плеч.

–Ну вот хоть на человека стала похожа. –сказал Тоша

И тут я поняла, что у меня щиплет шея, очень сильно. Да что это? Я потянулась к шее.

–Да от следа ошейника. Такие одевают, если ты раб. Ну или антимагический. Хотя я не чувствую в тебе магию. Алиса, ты помнишь, как тут оказалась? Что с тобой произошло?

Я помотала головой. Нет, я не буду ему рассказывать, что я из другого мира. Для меня проще сказать, что я ничего не помню. Вот лишь бы не сболтнуть лишнего.

–А имя ты мне все же свое назвала. -сказал Тоша

–Просто какое первое пришло на ум, то и сказала.

Я протянула руку, чтобы взять тарелку с едой. Но Тоша так на меня посмотрел, с каким то недоверием, что ли. Но тарелку отдал мне.

Я вцепилась зубами в курицу, такое чувство, что я не ела нормально уже очень давно.

–Не торопись, ешь спокойно, ни кто не отнимет. Еды хватает. Запасы есть. -с улыбкой произнес он.

Ну как же так, я даже не заметила, как все съела. А все так же чувствовала голод. Нет, много есть нельзя. Да и что Тоша подумает обо мне. Нет, надо будет отблагодарить его за это. То, что жизнь мне спас, что ли.

–Знаешь, на вид бы я тебе дал лет двенадцать, но чувствую, что ты старше.

–А тебе сколько? –спросила я.

–Мне шестнадцать.

На вид, конечно, и не скажешь, что ему столько. Думала, он старше. Но возможно, что и жизнь была у него не простой.

–Ты здесь живешь? Почему? –спросила я

Он отошел к стене и сел на камень, который выперал из стены. И ответил, задумавшись:

–Я живу здесь примерно года два, родители погибли, когда я был совсем маленький. Воспитывал меня дед. Бабушку я тоже не помню. Она болела очень сильно, а денег не было на ее лечение. А к лекарям и не подойдешь без денег. Потом как проснулся у меня дар, мне пришлось бежать из дома. Иначе меня бы забрали. А я не хочу идти под пушечное мясо. Пусть сами разбираются.

–А какой у тебя дар? –мне стало интересно, что он еще покажет. Вот, конечно, да, мое любопытство бежит впереди меня.

Он протянул руку ко мне, ладонью вверх, и на ней появился огонь. Язычок пламени так красиво танцевал на его ладони, что я смотрела на него как заворожённая.

–Я огневик, моя стихия это огонь. Огневиков забирают в большие города сразу, как только пробуждается дар. Приезжают из гильдии и собирают детей . Обычно дар пробуждается от десяти до двенадцати лет. У меня пробудился в одиннадцать. Вот тогда дед сказал, что мне надо бежать. Бежать без оглядки и подальше от дома. Так, дорогуша, тебе бы помыться и переодеться. А эту одежду лучше сжечь.

–Помоги, пожалуйста, встать, ноги не слушаются. –сказала я.

Он подошел так, чтобы я смогла встать и опереться на него, но у меня ничего не вышло. Он меня поднял, поставил на ноги. Я покачнулась, но устояла. Он заботливо меня приобнял за талию, повел.

С трудом переставляя ноги, поковыляла за ним.

Он вывел меня в комнату намного меньше той, в которой мы были. Я огляделась, стены такие ровные, как будто их кто то обтесал. С потолка текла тонкой струйкой вода.

Протянула руку, дотронулась до воды и тут же одернула руку. Она была обжигающе ледяной.

–Но как я буду мыться в такой воде?

Он ухмыльнулся и дотронулся до стены. Сразу в комнате стало жарко. Я протянула руку к воде, и она стала теплой:

–Ух ты! Круто!

Он вынул большое полотенце и положил на выступ от стены. И сказал:

–Быстрее мойся, недолго будет идти теплая вода.

Вышел из комнаты, оставив меня одну. Я быстро сняла с себя все грязное, оборванное тряпье, бросила в угол. Осмотрев себя, мне стало дурно. Ребра торчат, ноги как палки, надо же быть настолько худой. Синяки по всему телу. Что же было с этой бедной девочкой.

Я быстро помылась, закуталась в полотенце и держась за стенку, пошла обратно. Антон подбежал ко мне и взял на руки.

–Пошли, худышка, на сегодня прогулки окончены.

Вернувшись в комнату, я заметила кровать. Ну как кровать, похожее что то на нее. Деревянная, низкая, и матрас тоненький. Ну это лучше, чем лежать на каменном полу.

Он меня усадил на нее и положил передо мной стопку одежды.

–Выбери себе что нибудь, но я не думаю, что здесь тебе что то подойдет. Не ходить же тебе голышом или в одном полотенце.

–Но тут же не было ничего как ты эти вещи все достаёшь? -недоуменно спросила я.

–Ммм... Это пространственный карман. Когда дед сказал мне бежать, вот это и был его подарок мне. Научил им пользоваться. Это действительно стоящий подарок. И я каждый день мысленно его благодарю за это. Ладно, пойду за чистой водой, надо суп сварить и тебя накормить. Хотя я редко готовлю, чтобы запахами не привлекать к себе внимания. Но думаю, сегодня можно. Потому что на улице сильная метель.

–Метель? Сейчас зима? А почему здесь так тепло и сухо?–оторопела я.

–Потому что мы в горах, но если спуститься ниже то там довольно таки тепло. И не забывай, кто я. Поэтому здесь тепло. – он развернулся и вышел. А я осталась снова одна.

Почему то когда я остаюсь одна со своими мыслями, у меня так накатила тоска. Что мне делать. Как дальше жить. Неужели обратной дороги домой нет.

Мама, папа, братик. Ждите меня, я вернусь, я обязательно вернусь! Чего бы мне это ни стоило!

Ну а пока что, будем иметь, что имеем.

Глава 3 « Дар »

Я взяла первую попавшуюся рубашку, надела ее и поняла, что в ней я утонула. Мать его как на вешалке. Чесслово...

Взяла что то похожее на футболку, но более из грубого материала. Лен, до похоже на лен. Одела, ну и так сойдет. Выбирать не приходится. Не в магазине. Штаны, а что делать со штанами. Перебрала три пары, выбрала что то похожие на джинсы.

Странно, одеждой мы тоже не отличаемся. Почти тоже самое, но более ткань натуральнее, что ли. Одела их конечно, великоваты, но не критично. А обувь...

Только об этом подумала, как вернулся Антон:

–Ты уже оделась. Хорошо.

Он поставил котелок на пол, забрал все вещи и обратно убрал все в пространственный карман. Достал кроссовки и протянул их мне. Я примерила их тоже оказались великоваты.

–Лучше так, чем босиком. Носков к сожалению нет, извини. Но как я спущусь в ближайшую деревню, может, найду что-нибудь тебе. – сказал он, повернувшись к котелку, чтобы подвесить его.

Щелчком пальцев появился под ним огонь.

Вот удобно. Раз и костер, где угодно. Не мучаешься с этими спичками или зажигалкой.

–Антон. –начала было я говорить, осторожно и смущаясь. –А как это, когда в себе пробуждаешь дар? Или это само собой получается?

Он задумался, но не отвлекаясь от готовки.

–Хм... Так сразу и не объяснишь. Вот я тебе попробую объяснить, но прошу сейчас не пытайся это делать, ты еще слаба. Окрепнешь я тебе помогу, может он в тебе есть и его просто запечатали. Да такое бывает. Знать бы кто это с тобой сделал.

–Прошу, пожалуйста, расскажи, а если во мне есть дар, я должна это знать. Мне это нужно.

–Хорошо, но я тебя предупредил. Смотри, в человеке с даром... У человека есть ядро или сфера. Физически ты его не чувствуешь, но когда ты медитируешь, можешь его чувствовать и ощущать все его разветвления по всему своему телу. Это как сердце с сосудами, понимаешь?

Я кивнула.

–Вот и с этим ядром и каналами в состоянии медитации можешь делать что угодно. Но ядро плохо поддается расширению, а вот каналы можешь перенаправлять, расширять, переводить в другое место. Но да, это делать могут не многие.

Вот вроде бы все просто, а как это сделать. Медитация что это такое? Как начать?

В моем мире была и медитация, и йога, но я как то все стороной обходила.

Чесно сказать, что я была расстроена, это ничего не сказать.

–А как расширять ядро? Я же правильно поняла, чем оно больше, тем лучше? -в задумчивости спросила я.

–Да, ты все верно поняла. Ядро увеличивается только тогда, когда ты полностью сливаешь свою силу "ману" мы ее так называем. А как слить? В кресталы или в бою. Ну или опять же медитация прокачивания своего физического тела. Очень много на это сил уходит. И это очень неприятный процесс.

Как все сложно. Как я далека от этого. Я как маленький ребенок.

–Ты собрался в деревню, возьми меня с собой. Я не хочу оставаться тут одна.

От такого он аж завис. Повернувшись медленно ко мне, сказал:

–Ты же понимаешь, что я не на прогулку иду? До ближайшей деревни идти пешком примерно около пятнадцати часов. Ты не в том положении сейчас, чтобы такие расстояния пре-

одолевать. И за мной тебе придется бежать. Нет, ты останешься здесь. Тем-более ты будешь не одна.

Я удивленно посмотрела на него и спросила:

–Здесь еще кто то есть? Ты не один?

–Нет. Ко мне иногда приходит друг, но я тебя с ним познакомлю чуть позже. Он тебе понравится.

Мы поужинали супом. Было вкусно. По всему телу разлилось тепло, и меня начало клонить в сон.

Я даже и не заметила, как уснула.

Снилась мама, она плакала. Мама была в моей комнате, сидела на моей кровати и обнимала мишку. Которого она мне подарила на день рождения, шесть лет мне тогда исполнилось. Сказала, что он будет спать с тобой и оберегать тебя всю ночь.

Я проснулась от того, что хотела пить.

Открыла глаза, и передо мной на полу сидел Антон. В позе лотоса, его все тело окутывали языки пламени. Это было настолько потрясающе, что я даже забыла, что мне надо было.

Я просидела на кровати не знаю сколько времени. Боялась даже пошевелиться, что бы не мешать ему. И тогда я поняла ,какой мощью он обладает.

Мне тоже надо пробудить свой дар. Да, о чем я думаю. Мне хотя бы узнать, какой у меня дар.

Я села на кровати так же, как Антон, но старалась сделать это как можно тише. Закрыла глаза.

Старалась выкинуть все мысли из головы, но мне плохо это удавалось, потому что перед глазами всплывало мамино лицо с глазами, полные слез.

И я начала мысленно произносить "мама я вернусь, не плачь! Я живая!"

Вот она вспышка, в моей душе что то треснуло и, как мне показалось, зеленой вспышкой.

Открыв глаза, я поняла, что выдернуло меня из этого состояния. Это Антон стоял надо мной, сложенными ладонями вместе. Он что в ладоши хлопнул.

–Я же сказал, чтобы ты этого не делала. Ты хочешь умереть? Снова?

От этого у меня лицо налилось краской. Из за стыда или ярости, я так и не поняла. Но я была близка.

Мой путь до моего дара это мама. Я цепляюсь за нее чтобы вернуться домой.

Меня прервал голос Антона:

–Ого так, у тебя все таки есть дар. Не ожидал, конечно, но я удивлен. У тебя дар лекаря. Хоть и очень слабый, но все таки есть. Ты сломала печать. Поздравляю тебя. Кстати да, ты чего проснулась то?

–Пить хотела, -буркнула я

Антон протянул мне железную кружку с водой.

Выпив ее, протянула кружку обратно.

–Спасибо.

–Алиса, ты пойми, пожалуйста, меня правильно. Я жил один с одиннадцати лет. Я привык быть один. Но ты появилась в моей жизни, и мне действительно это нравится. Мне, судя по всему, приятно о тебе заботиться. Для меня это все новое. Я не прощу себе, если что то с тобой случится.

–Я поняла. Хорошо, больше не буду. Но надеюсь, ты позже меня всему научишь. Хотя у нас силы отличаются. А ты можешь рассказать о лекарях?

Антон подошел к котелку, налил в чашку бульона и протянул ее мне. Я с улыбкой взяла ее. Он сел напротив меня, у противоположной стены. Немного помолчал, видимо решал, стоит говорить мне или нет. Но все таки начал говорить, осторожно подбирая слова:

–Лекари, что могу я о них сказать, только со слов деда. Живут они в крупных городах, но и в мелких селеньях тоже есть, но они слабые, даже несложный перелом вылечить не могут. Так только царапины да синяки убрать. В городах они уже посильнее, но тоже ничего особенного. Но вот правда, кто сильный, их забирают в гильдию на обучение, а потом идут работать к царю, и так еще к прихвостням царя. Да, их много, и они что только не обещают им, чтобы служили у них. Ну есть и военные госпитали, туда их тоже забирают. Вот там реальная каторга. Работают без сна и отдыха.

И только до меня дошло, какие цари. Куда я попала. Хоть и узнаю этот мир по чуть чуть, и мне все меньше хочется выходить отсюда. Но и тут сидеть я так не вернусь домой.

–Давай так поступим, –выдернул из мыслей меня Антон. –Как только ты поправишься и наберешь массу тела, мы с тобой начнем заниматься твоей прокачкой, я не думаю, что у нас сильная разница. Но я надеюсь, что ты без меня ничего делать не будешь.

Я кивнула и попыталась улыбнуться, но что то на душе не хорошо. Звоночек был, снова, но не такой как перед тем как попасть сюда, в этот мир.

Глава 4 « Проверка тела »

Прошло три дня с момента, как я попала в этот мир, и понятия не имею, какой он.

Из пещеры я так и не выходила. Да и сил особенно то и не было. Но сейчас по тихому встаю, хожу по комнате. Даже в туалет дохожу без помощи Антона.

Ах да, про туалет вообще молчу. Даже рассказывать не буду. В общаге, где жила, там трон с против этого. Ну да ладно.

–Тоша, может, на улицу выйдем не надолго. Мне сегодня легче. Честно...

Антон делал вид, что занят, он вытащил из межпространственного кармана двуручный меч и натачивал и чистил его.

Но особо делать тут нечего. Если только книжки читать. Вот одну из книг я у него и выпросила. История России.

Как я поняла из этой книги, что здесь Россия намного больше, чем в нашем мире, но, как оказалось, материков всего четыре. В наших книжках есть рисунки, карты, а тут же ничего.

А еще, оказывается, есть красные зоны, и там жить нельзя. Появились они примерно лет сто назад. Антон сказал, что после этого дети начали рождаться особенные. С даром. Это не только в России, но и на других материках.

Вот попытался мне объяснить он, но я так ничего не поняла. Он махнул рукой и сказал, что со временем все поймешь.

Антон положил меч обратно и вытащил куртку. Я ее надела, а она мне оказалась ниже колен. Ну хоть что то.

–Сейчас выйдем, далеко не отходи, там обрыв. Надо знать, куда наступать, чтобы не скатиться вниз. –сказал мне и потянул за собой, за руку.

Мы вышли на улицу, у меня дыхание сбилось, я и слово сказать не могла. Такой вид, не передать словами. Над нами высоченная гора, такое чувство, что облака просто расступаются перед ней. Снега на вершине горы было очень много. Хоть и было морозно, но солнышко грело. Я зажмурилась и повернулась. От горы простерлась равнина, и видно, что сейчас зима. Засохшая трава выбивается из под снега. Хвойный лес стоял дальше, но такие большие и величественные деревья-великаны я видела впервые.

–Если сейчас друг придет, то я тебя с ним познакомлю. Он будет охранять тебя, пока меня не будет. Я примерно уйду на два, три дня, не больше. –сказал негромко, почти шепотом Антон.

И вот тут меня накрыло, я заплакала.

Он меня обнял, я уткнулась в его грудь и ревела. Более менее успокоившись, я поняла, что он в одной футболке:

–Ой, ты в одной футболке, у тебя куртка только одна, пойдем обратно, простынешь. –пробубнила я и хотела зайти обратно. Антон меня остановил и сказал:

–Не переживай за меня, я не чувствую холода. Огонь во мне. Замерзнуть мне не суждено. Ага, а вот и друг пожаловал, смотри.

Я развернулась, куда показал Антон и остолбенела.

Это кот! Огромный, мать его, кот!

Антон помахал ему рукой, и тот грациозно начал спрыгивать с утеса скалы.

В метрах в двух от нас, кот остановился и посмотрел на меня.

–Лис. Вот и ты, рад тебя видеть. Знакомься, Алиса, это Лис. Протяни ему ладонь, пусть он тебя понюхает, запомнит твой запах.

Я впервые видела такой вид. Огромный, он мне доходил до пояса. Окрас меня поразил белый и с серыми полосками, а на ушках кисточки.

–Не бойся, Алиса, дай свою руку.

Протянув руку к коту, я хотела зажмуриться, но Антон сказал смотри...

Лис осторожно приблизился, понюхал, потерся о руку Антона. С осторожностью понюхал мою, но тут же отошел на безопасное расстояние.

–Ничего, он научится тебе доверять.

Лис что то фиркнул, развернулся и пошел вниз по склону. А я так и осталась наблюдать за ним. Меня поразило это до глубины души.

–Пойдем, я хочу кое что проверить. –Сказал Антон и подал мне руку. Чтобы я шла за ним.

Мы обошли выступ горы и оказались на небольшой полянке. Снегом было чуть припорошено, но земля замерзшая.

– Алис, ты умеешь обращаться с луком или метательными ножами, что нибудь помнишь? –спросил так, как будто я все помню, ага.

Я помотала головой и что то хотела сказать, но он вытащил из пространственного кармана мишень, лук со стрелами и метательные ножи. Я хотела сказать, что я не буду и не умею этим всем пользоваться, как он метнул в меня нож. Я не знаю, как это вышло, но я уклонилась от него, и нож влетел в трещину в скале. Я тяжело дышала и поверить не могла, что он так сделает.

–А ты молодец шустрая. Попробуем еще раз? -и снова метнул в меня.

И снова это чувство, что как будто не я управляю своим телом. В этот раз нож полетел в голову, но мой корпус ушел влево, и я услышала, как просвистел нож.

–Ладно, хватит на сегодня. Я понял, что ты боевой маг. Вот и решил проверить.

–Как ты это понял? Что во мне не так? -настороженно спросила я

–Когда ты спала, я медитировал, вышел из транса, а ты все еще спала. Мне стало скучно, и я начал щелкать светлячком. А ты в это время от каждого щелчка вздрагивала. Вот я и подумал, что ты боевой маг. Память памятью, но у тела своя память, как защититься. Это как инстинкт самосохранения. Понимаешь?

Я была в шоке от сказанного. А если бы он ошибся? И я сейчас бы лежала с ножом в животе и истекала кровью.

–Пойдем, хватит. Еще кушать готовить надо, тебе на три дня и чтобы с запасом было. Сегодня ночью ухожу в деревню, так думаю, к обеду я туда доберусь. Дела улажу и обратно. Напиши список, что тебе из вещей нужно, я куплю.

Мы весь вечер болтали просто ни о чем и обо всем на свете, пока готовили ужин. И тут я не знаю, на что мне это надо было, я сказала:

–Оставь мне метательные ножи, я потренируюсь их покидать. Может, что то и получится.

Антон без разговоров дал мне два метательных ножа.

–Только не сломай, они на вес золота. Ммм, еще забыл сказать, воду ты знаешь, где брать продукты я тебе оставлю. Что то здесь, а что то ближе к выходу там попрохладней. И костерок со светлячком я напитаю силой, на три дня тебе хватит. Все, ложись спать.

Утром я проснулась, Антона уже не было. Как то одиноко что ли стало. И я решила встать позавтракать.

Ммм, Антон мне чай оставил из заваренных трав. Чай из трав самый вкусный, не то что магазинная химия в пакетиках. Спасибо ему.

Попила чай, выложила тушеную картошку с мясом из котелка. Вроде бы наелась.

За последние дни вроде бы начала обрастать мясом. Ребра уже не так сильно выпирают, ноги и руки тоже уже пришли в норму. Синяки где то прошли, а где то еще сине-фиолетовые, но не страшно, пройдет.

Прошло пять дней, как я тут, но так и не привыкну, тут все мне чужое.

Я села на кровать и не знаю, что мне делать, чем себя занять. Решила, что приберусь немного. Венник стоял возле входа, помойму его видела, когда выходила на улицу и совок тоже там.

Два дня прошли как то, я ела, спала, пыталась помедитировать, но у меня так ничего не получилось.

Ножи крутила в руке, но боялась их кидать. Тяжеленькие, в руке держать приятно. Но подумала, один раз кину в мешень не попаду, оставлю это гиблое дело.

Кинула, просто кинула, и снова тело само сделало все за меня. Попала, прям в самое "яблочко", как это может быть. Подумала, что мне просто повезло, решила еще раз, но нет, снова метнула рядом с предыдущим ножом. Значит, тело действительно все помнит. Помнит изнурительные тренировки, и выработалось все в инстинкты и рефлексы.

На третий день приготовила еду, фрукты все съела, овощи тоже. И булочки вкусные были, как у мамы. Мама, я скучаю.

И снова вспышка зеленым светом. Да что это.

Это дар мой рвется наружу и пытается освободиться.

Дождусь Антона, пусть поможет с даром, он обещал, и три года я ждать не буду.

Глава 5 « Очищение и признание »

Антон пришел очень поздно. Почему то молчал и ни слова мне не говорил. Я тоже молчала и не стала к нему лезть с вопросами. Легли спать.

Мне снова снилась мама, она стояла на веранде и кого то ждала, в руках был так же мишка. Она молчала, а в глазах пустота. Я попыталась ей крикнуть, что я здесь, я рядом, я жива. Меня снова выкинуло из сна, и снова эти зеленые вспышки...

Я открыла глаза, резко вскочила с кровати и побежала на улицу. Выбежав, я закричала и рухнула на колени, слезы текли сами собой. Я даже не плакала.

До меня дошло, что это не сон. Это что то другое. Я вижу маму в реальном времени. Во сне сознанием я с ней. Как жаль, что она меня не слышит. Она знала бы, что я жива. Интересно, сколько там прошло времени.

Антон выбежал с встревоженным видом из за угла скалы, где мы тогда тренировались.

–Алиса, что случилось? Почему ты кричала?

Он сгреб меня в охапку и отнес обратно, усадил обратно на кровать и испуганно на меня посмотрел.

–Алиса что с тобой, расскажи мне, я смогу тебе помочь. Не молчи...

Я вздохнула:

–Антон, то, что я тебе расскажу, только не пугайся, я такой же человек, как и ты. Я из другого мира, для меня здесь в этом мире все чужое, я каждую ночь вижу маму, вижу, как она страдает и мучается там, то, что она потеряла меня. Единственное, что меня больше всего беспокоит, это после этого сна или когда я думаю о ней, появляются зеленые вспышки. Это мой дар? Это он?

Антон отодвинулся от меня и долго молчал, переваривая то, что я сказала. Но знаете, мне стало легче. Я выговорилась.

–Нам надо ехать в деревню к деду. Он знает, что с этим делать, а с даром я тебе помогу. Но если ты хочешь вернуться домой, ты должна быть сильнее, намного сильнее, может быть, одной из самых сильных в этом мире. Путь очень долгий, трудный, и в каком то смысле болезненный.

Я поморщилась, если я хочу вернуться домой. Я сделаю что угодно.

–Ложись на кровать, расслабься и подумай о маме... Когда появятся вспышки, улови, откуда они идут, и иди к источнику, там ты найдешь ядро. Твою сферу. Я рядом, я тебе помогу.

Я легла, и начала вспоминать сон, который недавно видела, все до единой детали, мамины пустые глаза. Не прошло и минуты, как вспышки стали ярче. Пульсирующий свет ослеплял. И голос Антона:

–Иди к свету, не упусти его. Иди за ним, он ведет тебя.

Я пыталась идти за ним, но он ускальзал, но я волю взяла в кулак и рванула за ним. И вот наткнулась на ядро, я нашла, а что с ним не так. Почему оно черное и с зелеными прожилками. Вот эти прожилки и давали мне свет. Я потянулась к ядру и силой воли начала чистить его, убирать всю черноту.

И тут почувствовала всю мощь силы Антона. Он подключился ко мне и начал выжигать всю дрянь, что окутывало ядро и каналы, затронутые чернотой.

Я не знаю, сколько это продолжалось, но это было больно, очень больно. Когда все закончилось, я тяжело дышала. На мне футболку можно было выжимать от пота.

–Я надеюсь, это все? Еще раз такого я не выдержу.

Антон только усмехнулся и сказал:

–Это только начало. Дальше больше. Путь твой долгий. А теперь завтракать и надо собираться. Еще проход надо запечатать, чтобы никто не знал что здесь можно жить или еще что то. Не для них я это так долго строил.

–Собираться? Уже?

–Да не будем время терять. До моей деревни идти ну примерно недели три. А с тобой мы будем идти все четыре.

Я закатила глаза и тут же вспомнила про Лиса.

–А как же Лис?

– А что Лис? Он не домашний питомец. Живет на свободе. Приходит иногда потереться об меня, пофыркает, вот и все. Но защитник, конечно, хороший, не спорю. Буду скучать по нему. Но я обязательно вернусь сюда.

Мы быстро позавтракали, собрали все вещи. Антон все убрал в свой "кармашек".

–А ой забыл. Вот держи носки теплые, куртку вроде бы как должен был угадать с размером, и зимние кроссовки.

–Спасибо. -тут же все переодела, вроде бы все как раз.

– Слушай, Антон, а здесь все люди пешком ходят или только мы так где то нагрешили?

–Нет, только мы. А что топать устала? Где ты думаешь лошадей держать в горах. Тут снег лежит, бывает по девять месяцев. Чем их кормить. И стойла, конюшни. А мне с этими постройками нельзя. Сразу поймут прохожие, что здесь кто то живет. Доложат кому надо и прибегут за мной.

–А как мы сейчас придем к деду. Так и там доложат, что ты объявился. –сказала я задумчиво.

– Не успеют. Мы уже уйдем оттуда. Только в этот раз я деда там не оставлю. Хватит. Надо жить вместе. Прокормить я вас смогу, а жить где найдем место. Страна большая.

Мы шли до самой темноты, хорошо, что луна светила ярко. Снег лежит, и видно было, куда наступаешь.

Я задумалась и спросила у Антона, что дальше мне делать со своим ядром и каналами. Потому что, что я там видела, это был полный пиз... Ой, простите. Короче, ужас. Я чувствовала, что все востанавливается, но очень уж долго.

На что он мне ответил, дня два лучше не трогать, пока каналы не зарастут. А дальше каналы распределять, как они должны стоять, и да, это будет опять больно.

Мы дошли до какого то трактира, он стоял у дороги. Время было уже далеко за полночь. Дверь была открыта, мы осторожно зашли. На месте администратора никого не было. Постучали по барной стойке, и из каморки вывалился обрюзгший и взъерошенный то ли администратор, то ли хозяин, хрен знает, кто он такой. Я как его увидела подумала: лучше переночевать в лесу, чем тут. Антон сразу выпалил:

–Нам номер с двумя кроватями и с душем. На одну ночь.

Толстяк почесал свое пузо. И своими ехидными глазками посмотрел на меня, а документы у вас есть?

Антон протянул ему деньги в несколько купюр и сказал:

–Ты нас тут не видел. Мы рано уйдем, никто не заметит, что мы тут были.

Мужик быстро сгреб все деньги себе в карман:

–Прошу за мной. На второй этаж. –и посеменил, оглядываясь на нас.

Комната была почти в конце коридора. Дверь еще этот, открыл не с первого раза. Ключ повернуть не может, но наконец ему это удалось. Ключ отдал Артему и сказал шепотом, чтобы полседьмого утра нас тут не было.

Да уж хотя бы помоюсь нормально. Первым делом побежала в душ. Быстро все с себя сняла и залезла под горячий душ. Вот оно блаженство! Когда неделю мылась кое как в пещере. А тут даже шампуньки есть. Уххх, обернулась полотенцем и вышла из душа.

Артем уже был в «Дзене», опять медитировал. Мне кажется иногда, что он спит тоже так же. Ни разу не видела, чтобы он спал в кровати. Надо спросить как нибудь, как он это делает. Может, и меня научит.

Я подошла к столу, на столе горячая чашка с чаем и пара пирожков с яблоками. Ммм, как вкусно. Свежие. Неужели этот прохиндей нам принес пока я в душе была.

Утром меня разбудил Антон.

–Вставай, Алиса. Время шесть утра, надо уходить.

–Мам, отстань, мне ко второй паре. –и тут я открыла глаза, понимая, что я сморозила что то не то. –Да все, все, встаю, не надо на меня так смотреть.

И тут Антон выдал такое, что я зависла.

–А ты знала, что лекари могут менять свою внешность? Но, естественно, не те бездари, которые царапины лечат, а уровня, допустим, архимаг.

– Это что получается, я смогу свое тело себе вернуть, какая я была в том мире, дома. Я до сих пор не могу привыкнуть к этому телу. Вижу себя в зеркале и пугаюсь. Я совершенно на себя не похожа. Знаешь, когда я тебе все рассказала, мне стало легче. Зная, что я от тебя ничего не буду скрывать.

Мы вышли из трактира, на улице было все так же темно. Я предложила пойти по дороге, может, в попутную сторону кто то поедет и подвезут нас. Идти утром совершенно не хотелось. Хотелось в кроватку и укрыться одеялком и уснуть. Но увы, придется топать ногами.

Мы шли так до самого вечера, останавливались на привал пару раз попить чай и перекусить. С полными животами тоже было идти тяжело.

–Вот тебе дед подарил межпространственный карман, как он так работает, что ты достаешь оттуда чай горячий, пирожки свежие вседа.

На что Антон улыбнулся и ответил:

–Там нет времени. Ты положил туда только что заваренный чай и достаешь, допустим, его через полгода, он все будет такой же, как ты его туда поместил. И это происходит со всеми вещами.

–А как ты достаешь оттуда ту или иную вещь?

– Легко... Эммм, он привязывается кровью со своим носителем или хозяином. Мне стоит подумать о какой нибудь вещи, открыть карман, и эта вещь у меня появляется в руке. Кстати, да, разорвать эту привязку можно. Убить предыдущего хозяина. Но можно и купить. Это артефакты, но стоят они бешенных денег. Это только для богачей, у которых денег столько, что они их даже и не ценят.

Да в каждом мире все одинаково, у кого то денег много, а у кого то на хлеб в магазине не хватает.

Глава 6 « Встреча »

Мы шли, останавливаясь в трактирах. Нам давали ночлег, и обычные люди в своих домах. Спасибо им за это. Антон расплачивался за комнату, и мы просто ложились спать. У меня сил не было даже пойти помыться. А утром вставали и уходили.

Нам семья встретилась, бабушка воспитывала двоих внуков одна. Отец детей погиб, а мать уехала на заработки в другой город и пропала. Хоть как то сводить концы с концами, вот бабушка и сдает одну комнату тем кто просится на ночлег. Антон, выходя из дома, кинул в пальто бабушки какую то стекляшку.

–Что ты положил в карман старушки?

На что он ответил:

–То что она продаст, и они будут жить долгое время, не зная нужды.

–И много у тебя таких стекляшек? –спросила я, а у самой приятно на душе. Потому что который раз понимаю, что Антон, он... правильный, что ли.

Антон просто усмехнулся и сказал: –Хватает. Я тебе потом объясню, для чего они мне нужны. Думаешь, зря я в пещере жил.

И до меня дошло, алмазы! да ладно!

–Алмазы? Бриллианты? Сокровища?

– Ну уж загнула. –пробурчал он. –Надо остановиться в городе на сутки, чтобы ты отдохнула. Надо каналы твои в порядок привести. Иначе ты так и пользоваться не сможешь даром. Я когда выжигал всю эту дрянь, спалил тебе их. Нужно отращивать заново. Впереди есть город, там и остановимся.

–Может, перекусить остановимся, мы вышли даже не позавтракали: -спросила я

–Нет, я могу тебе тебе дать перекус, но останавливаться не будем. Нам до темноты нужно добраться до этого города.

–А что за город?

– Хм... Город торговый, но не каждый туда может попасть. Проверяют документы у всех. Контроль жесткий. Там знаешь как, завозят сырье, местные жители из него что то делают и дальше продают оптом, скупщикам. Так и живут.

–Хорошо, а как мы туда попадем? У нас документов нет. Тем-более у меня...

–У меня есть знакомый там. Он нам поможет. -серьезно ответил он.

И тут Антон застыл на месте.

–Лошади, много. – шепотом произнес он.

Он меня хотел толкнуть в кусты, но было уже поздно.

В метрах шестистах от нас был поворот на основную дорогу. Конная вереница повернула в нашу сторону. И шли они очень быстро.

Всадники были все один к одному. Они выглядели как ожившие статуи. Латы были начищены и отполированы до зеркального блеска. Такое чувство, что они светились изнутри. Шлемы с забралом украшены черными перьями. Нагрудники казались вообще были непробиваемыми. На плечах были массивные наплечники с гербом рода. На нем был нарисован ворон. Их было очень много, около трехсот человек. И все они двигались строем в колонну.

Когда они проехали, Антон выдохнул.

Я была поражена такой точностью, как они двигались. Как единый организм. Не выдержала и спросила кто они?

–Это армия князя Лукина. Самая мощная в России. С ним никто связываться не хочет. Бывают, конечно, глупцы, что объявляют ему войну, но долго они потом не живут. Вот ты видела когда нибудь снежную лавину?

Я кивнула.

–Вот это его армия. Они не щадят никого. Ни женщин, ни детей, ни тем-более стариков. Ходят слухи, что он тратит бешеные деньги на свою армию. Да ты и сама видела.

Солнце уже начало клониться к закату, но было еще светло. Мы прошли мимо главных ворот и так же пошли по дороге. Метров через триста повернули к лесу и шли вдоль стены. Антон остановился, щёлкнул светлячок и отправил его за стену. Парень выглянул и помахал нам рукой, чтобы мы шли дальше.

Пройдя еще немного, перед нами были массивные ворота, в них же была маленькая калитка, невысокий человек пройдет в них даже не сгибаясь.

Калитка быстро распахнулась, и парень шепотом быстро затараторил:

–Проходите быстрее, сейчас обход будет. Быстрее, быстрее.

Мы протиснулись, и быстро закрыл за нами.

Парень был чуть ниже Антона. Спортивного телосложения — в нём чувствовалась собранность, будто он в любой момент мог сорваться с места и бежать. Волосы рыжие, яркие, будто выгоревшие на солнце, а лицо усыпано веснушками, которые странно контрастировали с его серьёзным видом. Зелёные глаза смотрели прямо, без суеты.

Я осмотрелась, были невысокие серые здания, но похоже как склады. Окон на них не было, большие двойные двери и все.

–Олег, я вечером жду тебя в таверне "У Элли". – коротко сказал Антон.

Тот кивнул и побежал в другую сторону. А мы развернулись и пошли в противоположную...

Обогнув здания, мы вышли на рынок. Это что то... Такое изобилие я не видела никогда. Здесь было все. От обуви до холодного оружия.

Мы прошлись по рынку, Антон покупал штаны, футболки, пару кофт с капюшонами теплые. Себе и мне прикидывая и не меря. Потому что одежду мы носили одну и ту же. Да одежда у нас была только сменная. Если что то порвалось, стирали, зашивали и одевали.

Не смотря на то, что это рынок. У всех была торговая точка и плюс к этому мастерская. Они изготавливали и тут же все продавали. Работали все, даже дети были при деле. Работали семьями.

–Пойдем хочу сделать тебе подарок, повел за руку.

Мы зашли в оружейную лавку. Продавец подскочил к нам и масленым голосом произнес:

–Приветствую вас, господин, что желаете? Все, все покажу и расскажу.

–Мне нужны метательные ножи под женскую руку. Желательно из мифрила.

У продавца вытянулось лицо, и сразу побежал в свою коморку. Что то рылся, гремел и наконец то вылез. Со свертком протягивая его нам.

Я подошла к витрине. Антон развернул ткань, и на ней показались шесть штук. Лезвия были серебристые, матовые, как серая тонкая дымка. Взяла один и спросила:

–Можно попробую метнуть один?

–Конечно, конечно. Сейчас, минуту...

Достал мешень и отошел подальше, чтоб ненароком я его не пришибла.

Я отошла чуть дальше. Мимолетный короткий замах, и нож уже летит в цель. Мужчины даже и моргнуть не успели. Нож воткнулся легко, почти до рукояти. И стук удара металла о дерево.

Антон хмыкнул и сказал:

–Берем. И ножны к ним подберите, пожалуйста.

Продавец задумчиво провел взглядом по прилавкам, подбежал к одной полке и вытряхнул из них ножи. Подбежал к нам и сказал это вам в подарок.

–Сколько стоит? -спросил Антон

–Двести тридцать тысяч. Это мифрил, самый дорогой материал, и плюс работа. -сказал продавец.

–А вы принимаете оружие? мечи, сабли и латы?

–Ну мне нужно посмотреть, я так сразу не могу сказать, что то оценить, а что то пойдет на переплавку. Пойдемте в комнату, вы мне там покажите. А вы, девушка, присмотрите, пожалуйста, за лавкой две минуты.

Мужчины удалились, а я осталась одна. Решила пройтись посмотреть, что тут есть. И мне никак не давала покоя одна мысль. Почему Антон так тратится на меня? Зачем? Одни вопросы, а ответов нет.

Я увидела на полке кинжал. Лезвие с какими то надписями, но я так и не поняла, что было написано. Длинной, как две мои ладони. Рукоять была из дерева, но на ней тоже были надписи. Я даже трогать его не стала. Смотрела на него, а по всему телу волосы дыбом поднимались.

Вышел Антон, следом за ним продавец:

– Вы завтра подойдите сюда, я завтра напишу, что за сколько куплю у вас. А за ножи, скорее всего, тоже завтра разберемся. Потому что я сейчас не могу оценить все то, что вы у меня оставили. Это очень много, но до утра придется посидеть расписать. Думаю, управлюсь.

Мы с Антоном пошли в таверну "у Элли". Уже окончательно стемнело, и меня начало клонить в сон.

Зашли в таверну, на первом этаже были столы и стулья. Барная стойка была возле выхода, а за барной стойкой кухня. Народу было немного, свободные столы еще были. Заказали еду, сели за свободный стол. Еду принесли быстро. Я поужинала довольно та ки плотно. Потому что за весь день у меня был перекус утром. А Антон вообще ничего не ел.

– Фух, Тошка, я думал, меня с работы не отпустит начальник. Зверь, блять! - снимая куртку, шел к нам Олег.

– Олег, знакомься, Алиса. Алиса, знакомься это Олег. Я смотрю, у тебя начальник новый, старого куда дел? Тот тебя без проблем отпускал. -ухмыляясь, сказал Антон.

– Его повысили и перевели в соседний город. А за место этого поставили этого утырка. Ко всему придирается, сука! Ты домой едешь?

– Да деда хочу проведать. Ты не знаешь, у кого можно лошадей купить? Пешком идти долго. Только не в городе, а в ближайшей деревне. Ты завтра часов в пять вечера сможешь нас выпустить?

– Конечно. Это девушка твоя? Зачетная! –с ехидством посмотрел на меня.

–Олег хорош. Она знакомая. Ей помочь некому. Отвезу ее деду. Может он чего посоветует. –сказал Антон напряженно

–Ладно, ладно, шучу же. Кстати да, лошадей можешь купить у Емельянова, деревня Яшкино. По главной дороге, первый поворот налево. Через три километра будет деревня, а там спросишь, у кого купить можно. Там даже ребенок покажет.

–Алис, я сейчас комнату нам оплачу и иди спать. Завтра в дорогу.

Антон встал из за стола, подошел к барной стойке, расплатился. Взял ключ со стойки, и официантка пошла показывать номер. Я встала, подошла к ним взяла ключ из рук Антона...

–Алис, я еще посижу с Олегом, давно не виделись. Позже поднимусь.

Я развернулась и пошла по лестнице на второй этаж за официанткой. Комната была рядом с лестницей.

Открыла дверь, попрощалась с девушкой. Прошла в комнату.

–Ого, вот это кровать. -сказала я в слух.

Кровать действительно была шикарной, большой и двуспальной, массивной, из тёмного дерева, с резными столбиками по углам — будто из другого века. Её широкие доски поскрипывали при каждом движении, и этот звук казался не просто скрипом, а голосом самой комнаты. Изголовье украшали тонкие узоры, местами стёртые от времени, а в одном углу виднелась маленькая царапина — будто кто-то когда-то зацепился рукавом и не заметил. Матрас

был толстым, но уже слегка просевшим посередине, а покрывало — из плотной ткани с геометрическим узором, который будто повторял линии резьбы.

Да в номере была ванная комната, ванна и туалет. Все как полагается. Открыла кран, потрогала воду, пойдет. Пока ванна набиралась, я разделась. Залезла в ванну. Пузырьки с шампунем и пеной для ванны стояли на краю. Открыла все. И налила в ванну. Ногой дотянулась выключила воду. Вот оно блаженство. Сидела в ванной минут двадцать. Помыла голову и вылезла. Решила что одеваться не буду. Обернулась полотенцем и вышла из ванной и сразу юркнула под одеяло.

Как только голова коснулась подушки я уснула.

Проснулась я от того что хлопнула дверь. Но я не стала поворачиваться и попыталась уснуть снова.

–Алиса, ты спишь?

Голос Антона был бархотным, низким, ровным.

Он снял обувь и лег рядом.

Утром я проснулась от того что я почувствовала что меня кто то обнимает.

Я спала на боку, Антон просто прижал меня за талию к себе.

Ох. Что я испытала в этот момент! Я голая, потому что полотенце с меня сползло. Антон видимо уснул прям так, в одежде и не стал укрываться.

Я тихонько выскользнула из под его руки, нащупала под одеялом полотенце. Встала, прикрылась им, взяла одежду и зашла в ванну.

Оделась, умылась и вышла.

–Красивая попка. -с ухмылкой сказал Антон

Я аж опешила.

–Ты же спал.

– Нет, не спал. Но мне приятно было тебя обнимать. Тем-более зная, что ты голая под одеялом. Ладно, давай завтракать и ложись...

–Что? Я не буду с тобой, ну ты понял...

–Ммм, вот оно, о чем ты думаешь. Я всего лишь хочу исправить что сделал. Каналы твои выровнить. И ты сможешь даром пользоваться сразу, но понемногу.

– Извини. Хотя что я извиняюсь, это ты за мной подсматривал...

Антон заржал, встал и пошел в ванну.

Глава 7 « Приручение дара »

–Ложись и сними все лишнее с себя. Ты сейчас опять мокрая от пота будешь.

Я помотала головой. Легла в футболке и штанах.

–Ну как знаешь. Старайся не кричать. Перепугаем всех посетителей. Закрой глаза и найди ярдо. Дальше я постараюсь сам все сделать.

Я закрыла глаза, расслабилась. Нашла ядро и заметила, что все от него каналы это сплошной один клубок.

И тут началась резкая боль в груди. Жгло так сильно, я думала, что сойду сума.

Антон распутывал, наращивал, распределял по моему телу все большие каналы. Мелкие трогать пока что не стал. Когда он закончил и я открыла глаза, был еще день. Я думала, что прошли сутки, так сильно вымотала меня эта боль.

Я была вся мокрая, волосы прилипли к моему лицу, в горле пересохло. Дышала так, как будто пробежала марафон.

Он был не лучше, по лбу, скулам и подбородку стекал каплями пот. Футболки на нем не было. Торс блестел на солнце от пота. И тоже тяжело дышал.

–На сегодня все. Сейчас ты часа три отдыхаешь и собираемся. А мне нужно идти. Еще дела есть. Я закажу в номер обед, никуда не выходи. Тебя за километр видно. Светишься вся зеленым светом.

Я осмотрела себя, вроде бы никакого свечения не было.

–Ты не тем зрением смотришь, астральным. -улыбнулся он.

Одел быстро футболку, легкую кожаную куртку и вышел за дверь.

Я лежала и не могла пошевелиться, а потом вспомнила, что он не оставил мне одежду. Ну и ладно, в халате похожу. Кое как встала, пошла в ванную. Быстро ополоснулась и снова хотела лечь, в дверь постучали.

Открыла дверь, девушка сунула мне поднос в руки и убежала. Я с этим подносом еле доковыляла до стола. На нем был суп, пюрешка с котлетками, салат, нарезка с фруктами и черничный пирог и небольшой кувшин с соком. Ела долго, все в меня не влезло. Снова залезла под одеяло и уснула.

Проснулась от того, что кто то провел рукой по волосам и щеке. Это был Антон.

–Извини, что так быстро убежал. Дела в городе не ждали. Я все сделал, можем собираться и уходить. Вот одежда. Все старое сложи в пакет, выкинем по дороге. Жду тебя внизу.

Антон вышел. Я встала, скинула с себя халат и заметила, что чувствую себя намного лучше.

Одежда была вся новая с биркой. Черные кружевные трусики, такой же бюстгальтер, черные кожаные штаны, бежевая вязанная кофта с большим воротником и такого же цвета куртка с капюшоном. Рядом стояли сапоги на сплошной подошве...

Оделась, посмотрела на себя в зеркало. Вроде бы неплохо. Собрала всю старую одежду в бумажный пакет, в котором была новая одежда. Застегнула куртку, спустилась вниз. Антон у барной стойки разговаривал с владельцем таверны.

–Я готова. Пошли.

–Ты красотка. Пойдем.

Антон попрощался, и мы вышли на улицу. Уже темнело. Мы не спеша дошли до рынка. Народ начал расходиться по домам, закрывались лавки.

Прошли до угла, где были склады. Олега нигде не было видно. Мы подождали минут пять.

Он подошёл незаметно.

Я вздрогнула, когда он произнёс:

–Пойдем, только быстро и тихо.

Подошли к калитке, он быстро ее открыл, высунул голову, убедился, что обхода нет:

–Выходите быстрее, пока нет никого. -сказал Олег

–Спасибо тебе, дружище, что помог.

–Да ладно. Сочтёмся как-нибудь. Только не пропадай.

Мы вышли и пошли быстрым шагом. Олег уже скрылся за калиткой.

–А как он узнает, что ты пришел?- спросила я.

–У него будка прям возле ворот. И через нее можно попасть на стену. Он в ней сидит определенные часы. Утром и вечером. Следит, кто какой груз привозит или вывозит. Когда я кидаю светлячка, он попадает в видимость окна и лопается, привлекая его внимание.

–А как ты с ним познакомился?

–Я с ним не знакомился, мы с ним жили по соседству. Все детство вместе. Он старше меня на три года. Когда мне пришлось бежать, ему четырнадцать было. Да если ты заметила, у него дара нет. Вот и работает здесь и живет тоже тут. Ладно, пошли быстрее. Успеть бы до деревни дойти, лошадей купить, может, и переночевать кто пустит. А утром рано в путь.

Антон забрал у меня пакет с вещами, бросил на землю, чуть отошел, создал огненную сферу, и эта сфера поглотила пакет с вещами за несколько секунд. От вещей осталась только горстка пепла.

–Ого! Вот это круто. –удивлённо произнесла я.

Добрались до деревни примерно за два часа.

Вот я не могу понять, что со мной, шли быстрым шагом, а я даже не устала и не запыхалась, может, я стала чуточку сильнее.

Дошли до первого дома, свет горел. Открыл дверь нам пожилой дедушка.

–Доброй ночи. А вы не подскажите, где живет Емельянов? –спросил Антон.

–Так чего не знать, по нашей улице идите до конца к лесу. Последний дом его. Что то вы поздно, ребятки. Может, ночлег ищите. Я вот совсем старый стал, вижу плохо. Но если что, заходите, комната есть свободная.

–Хорошо. Если что придем. -сказала я.

Мы пошли по указанному направлению. Темень, хоть глаз коли. Проходя каждого дома, во дворе лаяли собаки и были слышны лязги цепей. Я любила собак, но сейчас мне почему то было жутко. Я вцепилась в руку Антона и сжала ее. Мне казалось, что я останусь одна.

–А вот и дом Емельянова. –сказал Антон.

Подойдя ближе, Антон щелкнул светляк, и он повис над нашими головами. Я протянула руку и постучала в окно веранды, но света нигде в доме не было. Я постучала чуть сильнее.

–Иду, иду. Кого там привело на ночь глядя. Еще окно разобьют ненароком. Иду.

Открылась дверь, на пороге стоял дед.

–Доброй ночи. Вы продаете лошадей? Вы же Емельянов? –спросил Антон

–Да, это я. С утра был им... Да и лошадей продаю. А чего вы так поздно то? Вам ночевать то есть где?

Я помотала головой.

–Ну тогда проходите, чего в дверях стоять. Сейчас бабку подниму, пусть вам, чай, что ли нальет и кровать постелит. У нас дом большой, всем места хватит. Клава вставай, у нас гости.

Шустрая бабушка усадила нас за стол, налила чай и поставила миску с пирожками.

–Ой, ребятки такие молодые. Что вас привело сюда, в эту глушь. В нашу деревню мало кто заезжает, все мимо в город едут. Ой, с расспросами лезу, пейте чай. Пойду вам кровать застелю. Устали небось с дороги то. Сейчас...

–Фига се, вот это бабка. Она любой молодой фору даст. –сказала я шепотом.

Антон подавился чаем. И посмотрел на меня так укоризненно, что мне не удобно стало.

Она снова забежала на кухню.

–Ну пойдем, я ванну тебе покажу, как там и что. А затем и комнату. Мы с дедом на первом этаже, а дети и внуки на втором. Колени болят, скакать по этой лестнице не могу. Годы уже не те. Молодая была, бегом бегала. Лекари все пустоголовые, денег дай, а лечить не могут. Криворукие все.

Ванна была просторной, видно, что сделали недавно ремонт в доме. Чисто уютно. Дом действительно был просторным. Большая светлая кухня. Гостиная с камином. Спальня была не то чтобы тоже просторная, но было где развернуться.

Я смотрю, меня преследуют большие кровати. И здесь она тоже большая.

Антон поблагодарил бабушку, зашел в комнату и закрыл за собой дверь.

–А ты где будешь спать? Кровать моя. – спросила я.

–С тобой где же еще. Мне этой ночью показалось, что тебе понравилось, когда я тебя обнимал.

–Ключевое слово показалось, Антон. И прошу руки держать при себе. – фыркнула я.

Я сняла с себя штаны, залезла под одеяло, а этот даже и не думал отворачиваться. Я под одеялом сняла кофту и бросила на стул. Он снял с себя футболку, штаны и лег рядом, немного полежал и укрылся моим одеялом.

Я проснулась, было уже светло. Я положила руку, где должен быть Антон, но там было пусто.

Встала, быстро оделась, прошла на кухню. Бабушка Клава пекла блинчики. Увидев меня, она быстро прощебетала:

–Доброе утро, золотце. Иди умойся, а я тебе чаю налью. Сашка с Антоном какие то дела пошли решать, сказали тебя не будить пока.

–Доброе утро, бабушка Клава, хорошо.

Сделав свои дела в ванной. Я прошла на кухню, села за стол, сделала глоток чая. Какой же он ароматный и вкусный, съела пару блинчиков со сметаной. Хотела выйти на улицу, но в дом зашел дедушка Саша и следом Антон.

Антон подошел ко мне и прошептал на ухо:

–Я сейчас попрошу тебя кое что сделать, ты сделаешь?

Я кивнула.

–Бабушка Клава, сядьте, пожалуйста, на стул. – добавил Антон.

–Ой, да не коли мне с вами, у меня блины тут сгорят. Ну ладно уж, выключу потом допеку. Ох, дитятко, колени мои. Точно говорю, сильный снег сегодня будет.

Она села на стул, и по ее лицу не понятно было, любопытство это или полное доверие.

Антон взял мою руку, подвел к бабушке и сказал ровным голосом:

–Я сейчас ее выведу в транс состояние чтобы боли не чувствовала, Алиса, а ты смотри, что у нее с коленями.

Я встала на колени перед бабушкой, провела пальцами по коленям, но так ничего и не увидела.

Антон покачал головой:

–Алиса соберись, смотри так, чтобы ты насквозь видела. Лекари так могут. Они видят ткани, сосуды, кости, и ты это можешь. Я это знаю.

Я взяла себя в руки, закрыла глаза, сосредоточилась на словах Антона. Открыла глаза, мои руки начали светиться зеленым светом. Я увидела причину таких болей у бабушки. У нее разрушились суставы на обоих коленях. И кости терлись друг об дружку. В моем мире ей сделали бы операцию, а здесь что? Что с этим миром не так?

Я приложила ладони к коленям бабушки и начала вливать свою силу постепенно, стараясь удерживать ее. Чтобы не было скачков. Суставы начали восстанавливаться. Убрав руки, я поняла, что я сделала все правильно.

Антон вернул бабушку в реальность.

Она сначала поморгала глазами, потом уставилась на меня, на своего мужа. И произнесла:

–Ну давайте уже делайте что хотели. Мне блины жарить надо. Потом пироги ставить надо, скоро внуки приедут.

Она сначала встала, а потом села обратно. Разогнула и согнула колено.

–А как это... Когда?

Закрыла руками лицо и заплакала.

–Я десять лет мучилась с этими коленями... И дня не проходило, что бы они не болели. Девочка моя, спасибо тебе большое. Пусть Бог тебя оберегает.

Я даже не смогла ничего ответить ей. Мне так было жалко её. Ком в горле стоял.

Дед подошел приобнял свою старушку. И сказал:

–Ничего, Клава, вот внуки приедут, будешь за ними бегать. Небось и по соседке Нинке соскучилась. Зимой боялась выйти на улицу, а сейчас тебя и не удержишь в доме. Сегодня к ней побежишь?

–Ой, ну тебя, старый дурак. К Нинке я завтра схожу. А сегодня с внуками буду.

Мы с Антоном переглянулись, и он сказал:

–Нам ехать надо. Дед Саш, там все готово? Сколько денег должны за ночлег и лошадей?

–Да вы что, ребята? Ничего мне не надо. Вы мою старушку вылечили. Да за такое еще я вам доплатить должен.

–Ну тогда поехали, Алис, ты собралась?... Пошли. – и шепетом добавил. -Надеюсь, ты умеешь ездить верхом.

Верхом ездить я умела, у нас это было единственным развлечением в поселке. Учась в шестом классе, папа отвез меня к Павлу Андреевичу, сказал, что нечего сидеть дома и торчать в телефоне. Каждые каникулы я весь день убиралась в конюшнях, вычесывала их. Но самое любимое, естественно катание на лошадях.

Я вышла из дома, подошла к коню, конь стоял спокойно, лишь изредка поводя ушами, будто прислушиваясь к каждому шороху вокруг. Седло сидело ровно, подпруга была натянута как надо, и животное не пыталось его стряхнуть. Я легко положила руку на холку, конь только коротко фыркнул и чуть повернул голову. Это был знак, что он был готов. В его стойке не было ни напряжения, ни нетерпения: он был собран, внимателен и ждал команды.

Я забралась на коня и на секунду замерла, привыкая к высоте и к тому, как все вокруг чуточку стало шире. Седло оказалось привычным, удобным, как будто ждало меня. Я оправила поводья, чуть сжала бока коленями, и конь мягко шагнул вперед, будто ждал этого.

Антон сразу обогнал меня и ехал впереди. Я помахала бабушке Клаве и деду Саше. Они улыбнулись и помахали в ответ.

Мы ехали молча, каждый думал о своем. Выехали на основную дорогу, и Антон сказал:

–Я хочу твой дар проверить, когда у тебя будет состояние стресса. Ты можешь запаниковать, и что то может пойти не так. От этого зависит наша жизнь. Потому что мы будем проходить мимо красной зоны.

Я напряглась. Что он имел в виду, когда сказал в состояние стреса.

–Впереди город Эльбрук. Плохая слава у этого города. Проституция, наркотики, банды, грабежи. Ночью вообще страшно выйти на улицу. Армии и кто за этим городом смотрит там нет. Банды добились того, что сами за всем тут смотрят. Банды всего три, и город поделили поровну. Но да, бывают стычки у них. Я хочу наведаться к одному, он мне должен, и хочу забрать свое по праву. У него было время.

Мы добирались до этого города три дня, чем ближе к городу, тем люди все какие то скрытные, необщительные. Смотрели с подозрением. Видимо, и их коснулся этот беспредел, что творился в городе. Да и у меня тоже появилось напряжение.

Подъехав к основным воротам, нас осмотрели, заплатили за вход в город.

Въехав в город, я ужаснулась! Кругом грязь, бомжи валялись прям у стен жилых домов. Дети бегали стайками, все грязные, в оборванной и грязной одежде. Девушки и женщины стояли возле окон, почти голые, и зазывали к себе. Одна девушка, увидев Антона, постучала по окну, поманив его пальцем, и оголила грудь. Он посмотрел на нее, но сразу повернул голову вперед, пришпорил коня и понесся вперед. Я рванула за ним.

Доехали до какой то таверны, остановились. Тут же к нам подбежали двое мальчишек лет десяти.

–Добрый вечер, господин. Мы можем забрать лошадей и отвести в конюшню. Напоим и накормим их. - сказал мальчишка, тот что повыше и расторопнее.

Антон спустился с коня, потрепал его по голове. Сунул им в руки по купюре и сказал:

–Следите за моими конями, а если с ними что то случится, я с вас спрошу...

Малец кивнул, быстро убрал деньги в карман куртки и повел лошадь куда то в глубь двора.

Я тоже следом спустилась, другой тоже быстро подхватил поводья у лошади, протянул кусочек сахара моему коню, и тот послушно пошагал за ним.

Мы зашли в таверну. Запах был, конечно, аж голова закружилась. Пахло едой, алкоголем, перегаром, немытым телом и бог знает чем еще.

Антон быстро подошел к барной стойке.

–Мне нужен самый лучший номер в вашей дыре.

Бармен быстро посмотрел в блокнот, что то там выискивая, и произнес.

–Есть один, он на третьем этаже. Стоит сорок пять тысяч в сутки.

–Хорошо. Беру. –протянул ему деньги, взяв быстро ключи, и быстрым шагом пошел к лестнице, я следом за ним.

Номер был не роскошный, но хотя бы чистый, и это радовало.

Приняла душ, такое чувство, что я провоняла вся этим амбре первого этажа. Накинула халат, взяла вещи и зашла в комнату, где сидел Антон. Он был напряжен. Лицо каменное, желваки на скулах пульсировали. Такое чувство, что он к чему то готовился. Он посмотрел на меня и сказал в хищном оскале:

–Ты завтра увидишь, на что я способен. И сейчас ты ляжешь и не издашь ни единого звука. Ты завтра идешь со мной. Ты мне нужна в боевой форме.

Я положила вещи на кресло, села рядом с ним на диван, немного посидев, легла.

–Я готова.

А внутри меня все клокотало. Нервы были натянуты до предела. Да и Антона я в таком состоянии видела впервые. Я закрыла глаза и приготовилась к боли. Но...

Антон дотронулся до моей ноги, резким движением раздвинул мне ноги и таким же резким движением притянул к себе. Я не поняла, как оказалась под ним. Он закрыл мне рот рукой.

Я распахнула глаза, его лицо было рядом с моим. Его дыхание было ровным. Он был собран. Его глаза горели пламенем. И он, не жалея меня, ворвался в мой разум и сфере. Боль была еще хуже, чем тогда. Он из сферы прогнал к моему мозгу канал, и разветвления окутали мой мозг.

Дальше по всему телу мелкие каналы, как сосуды, окутывали руки и ноги. Каналы начали подключаться к моим органам, мои органы начали работать и светиться зеленым пламенем, и в какой-то момент вспыхнула я сама. Это продолжалось как мне показалось вечно, но по часам на стене я поняла что прошло минут сорок.

Он отпрыгнул от меня и, вытирая пот со лба рукавом произнес:

–Вот и все. Ты полноценный маг. Но до архимага тебе далеко. Дальше я скажу что надо делать, чтобы быстрее прокачиваться. Чем быстрее, тем лучше. Для нас обоих.

Боль утихала постепенно. Пот лился градом, весь халат насквозь был пропитан моим потом. Я тяжело дышала. Но было какое то облегчение, что все это позади. Я чувствовала

силу, и она откликалась. Я с легкостью перегоняла ее с одной руки в другую. И не было таких толчков силы. Ее не нужно было контролировать.

–Я хочу испробовать свою силу на ком то. –задыхаясь от возбуждения, сказала я.

–У тебя завтра будет столько практики, что ты научишься всему. А пока что тебе надо научиться ставить доспех. Твоя сила должна выйти из тебя. окутать тебя, она должна лечь так, чтобы была как вторая кожа. Попробуй.

Я призвала свою силу, дала команду "доспех" и выпустила ее из себя. Она резко окутала меня. Я видела, что окутана зеленой дымкой. Это было так красиво.

Антон резким движением метнул мой подарок. Мой метательный нож! Он ударился об мой доспех и отлетел к окну.

–Вот и замечательно. Он должен работать как рефлекс. Независимо от твоей команды.

Я улыбнулась и спросила:

–А подарок ты мне когда отдашь?

Он ухмыльнулся и вытащил ножны с пятью ножами из пространственного кармана. Поднял шестой и вложил в ножны, и протянул их мне.

Глава 8 « Первый бой »

Я разглядывала нож, в руках он лежал идеально.

–Пойдем поужинаем и ложимся спать. Завтра рано вставать. Будет тяжелый день, очень тяжелый день, и я жду, что ты выложишься по максимуму.

–Мне нужно переодеться, не пойду же я в таком виде. –сказала я, осматривая себя.

Антон, кинул мне штаны и футболку. Подойдя к двери сказал:

–Жду тебя внизу.

Я быстро оделась, спустилась вниз. Антон сидел за столиком, и что я вижу... Как официантка флиртует с ним. Она игриво держала ручку между зубов и наклонялась так, что вырез ее кофты и ее груди максимально был на уровне глаз Антона. Кокетливо улыбалась ему.

У меня внутри всё перевернулось. Какая то шлюшка пытается охмурить его. Но у нас с ним ничего не было. Отношения наши я не понимаю. Почему у меня такая ревность?

Я подошла к столику, официантка посмотрела на меня презрительно и ушла к бару.

Не стала ничего ему говорить. Не нужно ему это знать.

–Я заказал курицу и вино. Надеюсь, ты не против, если немного выпьем.

Я согласилась. Надо нервное свое состояние успокоить. Это невыносимо. Все мое тело напряжено до предела.

Зал был почти пустой, здесь были только постояльцы таверны. Однако в углу зала сидели четверо парней и очень бурно что-то обсуждали, спорили и смеялись.

Один из них всё время поглядывал на меня. Он был высоким, крупного телосложения. Судя по всему, и старше всех из своей компании. Волосы были у него черные как смоль, лицо хищника и легкая ухмылка.

Его глаза горели, в итоге он встал и направился в нашу сторону. Дойдя до нашего столика, почувствовала от него запах алкоголя. Видимо, пили они давно.

–Ты идешь сейчас со мной. – резким тоном сказал он.

Резким движением схватил меня за руку и попытался оттащить меня к лестнице.

Нет, на что он рассчитывал... Я не сделала и шага. Мои рефлексы быстры... Я фиксирую его руку своей, которую он держит. Свободной рукой бью в локоть так, что его локоть вылетает из сустава и выгибается под не естественным углом. На развороте моя пятка встречается с его челюстью, и слышится громкий хруст. Похоже, что я сломала ему челюсть. Он падает на пол без сознания.

И тут же моя аура вылетает из меня, готовясь к атаке. Мое тело заволокло зеленой дымкой, и она пульсировала, переливаясь от темно-зелёного до светло-зелёного цвета.

Все в зале смотрели на меня так, что боялись пошевелиться и не отрывая взгляда от меня.

Трое парней метнулись к парню и оттащили в угол к своему столу.

Я же в это время влетела по лестнице в номер.

Я не ожидала такой силы и мощи от себя.

Хотя Антон... Он сидел и улыбался. Вот ведь су... кхм... Что он со мной сделал. Я стала монстром.

Я легла на кровать поджав ноги.

Открылась дверь, зашел Антон. Подошел к кровати и тихо спросил;

–Как ты?

–Уходи. Иди к своей официантке. Оставь меня.

Он развернулся и вышел. Его не было до утра.

Утром пришел в хорошем настроении и с порога сказал:

–Пошли завтракать и выходим. Буду знакомить тебя с ублюдками. Думай, что приехали на испытательный полигон. Другого отношения к себе они не заслужили.

–Я смотрю, ты хорошо ночью развлёкся со своей официанточкой.

Я встала с кровати и хотела пройти мимо него, но Антон схватил меня за руку и произнес жестко:

–Я с ней не спал! Она мне не нужна. Она раздвигает ноги перед каждым встречным. Через десять минут после того, как ты этому дала в челюсть, она в кабинке туалета трахалась с двумя из той компании.

Мы спустились вниз, увидев меня, официантка быстро куда то убежала, пряча глаза.

Антон заказал завтрак, нам заказ принес бармен и сразу удалился.

–Мне сейчас так показалось, что все тут присутствующие считают меня монстром. Когда я сюда спустилась, все разом стихли и сейчас смотрят на меня. – почти шепотом произнесла я.

–Не обращай внимания, просто не каждая девчонка может вырубить мужика. Все нормально, не переживай. Тем более разговаривать он будет не скоро. Если, конечно, лекаря нормального найдет в этой дыре.

Мы позавтракали, поднялись в свой номер. Я оделась потеплее, потому что на улице сильно похолодало. А Антон накинул на себя кожаную куртку и сказал:

–Мы идем пешком. Посмотри свой резерв. Он полный?

Я заглянула в себя, да все в полном порядке. Все работает как часы.

–Да все хорошо.

–Отлично. Идем. Возьми ножи, они тебе сегодня пригодятся.

Я перекинула ножны через плечо, так что бы ножи оказались чуть ниже груди. Доставала ножи все по очереди, вроде бы удобно.

Я не боялась, страх у меня ушел в тот момент, когда последний раз Антон выровнил мои каналы. Я изменилась, тело стало сильнее, выносливость увеличилась в разы. Зрение такое, что я увижу пылинку в другой стороне комнаты.

Мы вышли на улицу и пошли через дворы в глубь города. Отвратительное место. Как тут можно жить. Почему власти ничего не делают. Честно, сравняла бы этот город с землей.

За всеми этими мыслями и не заметила, как мы остановились, и Антон смотрел на невысокое здание, оно отличалось от всех стоящих рядом.

Все здания вокруг обветшалые, обшарпанные. Видно было, что они были построены сто лет назад. А это здание новое, стены из камня, большие зеркальные окна, из за высокого забора не видно было сколько этажей, но предполагаю, что четыре. Люди ходили по периметру. Экипированы хорошо, у всех двуручные мечи.Мы так простояли примерно около двух часов. Потом Антон повернулся ко мне и сказал:–Сейчас заходим, ты молчишь, ничего не делай. Они должны нас отвести к одному человеку. А дальше по ситуации.Я кивнула.Мы пошли ко входу, не доходя метров пять до ворот, нас тут же остановили. Это была охрана.–Мы пришли к Гришаеву, у меня есть к нему дело.– сказал Антон.Нас пропустили, но с нами пошли двое.Мы зашли в здание. На первом этаже был мраморный пол с матовой текстурой, большие колонны без лишнего декора — чистые геометрические формы. Пространство дышало тишиной и светом: высокие окна, нейтральные тона, минимум деталей. Девушка администратор встретила нас приветливой улыбкой и, чуть наклонив голову, спросила:

–Вы к кому-то конкретно или вам нужна помощь?

–К Гришаеву. –коротко кинул ей охранник. Они развернулись и ушли.

–Ну что же, пойдем, я вас провожу до его кабинета. –сказала девушка и, развернувшись на каблучках, поцокала в сторону лифта.

Мы пошли вслед за ней.Миловидная девушка. Белая блузка, юбка-карандаш. Волосы уложены так, что ни один волос не выбивался из объёмного пучка. Минимум косметики на лице.Выйдя из лифта, мы пошли по коридору. Одни двери и коридор, ничего больше. Повсюду горели светляки и установлены так, что казалось, это люстры.

Девушка остановилась возле одной двери, поправила очки. Постучала, затем открыла дверь.

–Извините, Павел Андреевич, к вам посетители.

Пригласила нас жестом войти и пошла обратно к лифту.

–Заходите, заходите. Присаживайтесь. Оп па. Антошка. Удивлен. Какими судьбами? Я думал, ты сгинул в своих горах. А нет. Еще и шлюху с собой привел. – сказал Павел Андреевич.

Я стиснула зубы, так как помнила, что надо молчать и держать себя в руках.

–Я пришел за своим. И узнать, правда ли то что мои родители погибли по вашей вине. –с напряжением сказал Антон.

–А если это и так. Что ты мне сделаешь щенок. За своим он пришел. Нет тут ни чего твоего. Здесь все только мое. А теперь пошел вон от сюда. Свое он требует.

Антон встал, выставил руки перед собой. И начал формировать огненный шар. Шар дорос примерно до футбольного мяча, за несколько секунд и Антон швырнул его в Павла Андреевича. Тот не успел ничего сделать. Лишь удивленный взгляд и немой ужас застыл на его лице.

Огненный шар влетел в Павла Андреевича, как раскалённый кулак. Он отлетел назад, не издав ни звука, и врезался в оконную раму. Стекло треснуло и рассыпалось каскадом острых осколков, которые на долю секунды сверкнули в свете дня. Он выпал наружу и рухнул на брусчатку. Ветер тут же подхватил запах гари, и этот запах стал главным звуком момента — громче звона стекла, громче удара.

Павел Андреевич лежал неподвижно. Его тело было обуглено: кожа потемнела и местами потрескалась, а от одежды остались только края, чёрные и ломкие, как сгоревшая бумага.

–Сейчас начнется самое интересное. Не сдерживайся. –сказал Антон с оскалом.

В дверях появились уже шестеро бойцов и один маг.

Шестеро бойцов побежали на меня, но не тут-то было, ага… В тот момент, когда они рванули вперёд, время будто подстроилось под меня: я видела каждую каплю пота на их лицах, каждый тяжёлый шаг, каждый замах, который был слишком медленным. Я скользнула между первым и вторым, едва не коснувшись их плеч, и тут же ушла в кувырок, вынырнув у третьего за спиной. Они крутились, пытаясь поймать меня взглядом, но я двигалась быстрее их реакции. Это было не сражение — это была насмешка над их уверенностью.

Я убивала их по одному. Одно движение — один труп.

Ножи летели, находили цель, возвращались в ладонь — теперь уже не чистые, а тяжёлые от налипшей влаги. Каждый бросок был как щелчок: короткий, точный, без лишних мыслей. Кровь стекала по лезвию, собиралась каплей на острие и падала, не успевая за мной. Я двигалась быстрее, чем успевали гаснуть их глаза. И когда последний осел на землю, я поймала последний нож, посмотрела на него и тихо сказала: «Теперь ты знаешь, для чего тебя ковали».

Маг шел на Антона, у меня сжалось сердце, но в коридоре слышался топот бегущих ног. Медлить нельзя. Антон справится.

Я взяла двуручный меч, лежавший на полу, и вышла в коридор. Кто то бежал к лесницам, что бы спуститься вниз и выбежать из здания, кто то пытался вызвать лифт, но вам это не поможет...

Я разогналась по коридору, била мечом точно в цель. Взмах– голова отлетает в сторону, взмах– руки отделяются от туловища. Я била всех без разбора.

Почему люди за этими стенами страдают, а эти выродки живут и шикуют за счет других. Из за этого меня ярость охватила еще сильнее.

Я поняла, кого Антон убил. Это был один из трех главарей банды города. Ну и поделом ему!

Я спустилась на второй этаж, меня окружили. Бездари охранники. Я ухмыльнулась.

–Ну что потанцуем, ублюдки. –сказала я и выпустила свою ауру, она заполнила все пространство.

–Я могу не только лечить, но и калечить. Стоп, сердце! –и все, кто были в досягаемости моей ауры, полегли. Просто упали и не шевелились.

Осталось четверо.

Я убрала ауру и выставила доспех.

Быстрым движением метнула два метательных ножа — и они попали в шеи двух охранников, аккуратно между шлемом и воротником доспеха. В этом зазоре была вся уязвимость: ни тяжёлой стали, ни защиты. Лезвия вошли почти без сопротивления, будто сами искали слабое место. Охранники даже не успели схватиться за раны — только дёрнулись, глаза расширились на долю секунды, и они осели на пол, утягивая за собой звенящие цепи и ремни.

А я уже шла к двум оставшимся охранникам, поднимая меч перед собой. Быстрый взмах — и лезвие рассекло воздух с тонким, злым свистом. Первый охранник дёрнулся, попытался закрыться щитом, но я ударила не в сталь, а по сочленению доспеха, туда, где металл стыкуется с кожей. Удар вышел коротким и жёстким: он охнул, пошатнулся, и этого хватило, чтобы шагнуть ближе и завершить движение. Второй уже занёс алебарду, но его замах был слишком широким, слишком предсказуемым. Я скользнула под ним, почти прижимаясь к земле, и мой клинок нашёл незащищённый бок. Ещё один шаг, ещё один выдох — и оба лежали, а коридор стал моим.

Я спустилась на первый этаж.

Ммм... Как это предсказуемо. Остатки былой роскоши, видимо. Три арбалетчика и двенадцать бойцов.

Я слышала Антона, у него был бой с магом. Стены ходили ходуном у здания. Но прежде чем помочь ему, я должна убить и этих. Кого они защищают непонятно. Главаря–то больше нет.

Я посмотрела запас в резерве силы. Чуть больше половины. Если они нападут разом, я не выдержу. На ускорение и на тех охранников ушло много сил. А что, если всех усыпить...

Выпускаю свою ауру, она обволакивает все помещение первого этажа и я даю команду:

–Спать! –все падают до единого.

Даже кто то захрапел.

И тут стало тихо. Антон! Я рванула наверх. Выбегая на четвертом этаже в коридор, я столкнулась с ним. Я выдохнула.

–Умничка, хорошо поработала. Теперь надо валить из города. Срочно.

Глава 9 « Пустая деревня »

Мы вернулись в таверну, где остановились. Быстро собрали все вещи. Коней нам приготовили за ранее, Антон, видимо, договорился. Потому что, добегая до таверны, кони уже стояли и ждали нас. Быстро оседлав коней, мы рванули на выход из города. Не буду по нему скучать.

– Алис нам бы остановиться где то и в порядок себя привести. Ты вся в крови.

– На себя посмотри, выглядишь так что тебя молнией ударяло и не раз. –усмехнулась я.

Мы гнали лошадей до самого утра, вливая в них свою энергию, чтобы они раньше времени копыта не откинули. Лошади выдержали, но мой резерв был почти пуст.

–Антон. Я больше не могу. Надо остановиться. Мой резерв пуст.

– Терпи, впереди поселок, километра четыре еще. Погони за нами я не чувствую так что можно там остановиться на пару дней. Кстати поздравь меня, мне сегодня семнадцать лет исполнилось.

–И ты молчал?

– Не молчал, сказал же. Ты мне помогла вчера, это будет считаться за подарок на мой день рождения. Без тебя я бы не справился. Я знал, что у него в подчинении маг, сильный маг. А мага и войнов я бы в одиночку не осилил. Я ждал этого момента семь лет. Когда узнал о своем даре, начал прокачку. Дед помог, рассказал и объяснил, что надо делать. Я все эти годы прокачивался, не спал, готовился.

–Знаешь, что я тебе скажу. В том мире я пошла в медицинский колледж. Училась, хотела лечить людей. А что я делаю здесь? Правильно, я их убиваю! И знаешь, что мне это понравилось! Ты сделал из меня монстра...

И ведь действительно... В этой резне меня никто не мог ранить. Да на мне царапины не было. Я смотрела в глаза тем людям, в них был страх и ужас. Испытывала я сожаление к ним? Точно нет.

За это время, то, что нахожусь здесь, я изменилась очень сильно. Не могу себя сдерживать и не хочу. Буду делать то, то что считаю нужным... Плевать на последствия.

Мы доехали до глухой деревни. Всего было несколько домов. И выглядели они, конечно... Сказать ужасно значит ничего не сказать.

Мы слезли с коней, и сразу стало слышно, как громко звенит тишина. В деревне было тихо — так тихо, что даже ветер будто боялся шевельнуть сухую листву. Казалось, здесь никто не живёт: ни дыма над крышами, ни лая собак, ни голосов из дворов. Только скрип седла, когда я поправила его, и тихий вздох коня, будто он тоже чувствовал эту неправильность. Калитки покосились, а на крыльце одного дома лежала забытая детская игрушка — совсем новая, будто её бросили минуту назад.

–Где все? Что произошло с этой деревней?

Я увидела движение за сараем, как будто кто то пробежал, и рванула в ту сторону. Добежав, не увидела никого. Но были следы от детских ножек. По следам было сложно определить, какой возраст ребёнка. Было похоже, что то от семи лет, но может быть и старше.

Я увидела, что мальчик бежит уже дальше у другого дома, я рванула за ним. Придала максимальное ускорение своему телу и за считанные секунды его догнала. Схватив за ворот куртки. Этот рывок окончательно опустошил мой резерв.

–Стой, я не причиню тебе вреда. Не убегай.–сказала я мягко чтобы не напугать его еще сильнее.

Мальчишка был напуган и ни чего не мог сказать, только вырывался и кричал.

–Ты кушать хочешь? –спросила я

Он затих, поднял на меня свои голубые глаза — в них застыло что-то доверчивое и чуть испуганное, будто он сам не знал, стоит ли говорить дальше. Этот мальчик лет семи был так сильно похож на моего братишку, что у меня защемило сердце.

На нём была вязаная шапка — плотная, с аккуратным отворотом, явно связанная заботливыми руками; из-под неё проглядывали мягкие белокурые пряди, непослушно выбившиеся и слегка взъерошенные, будто он то и дело проводил по волосам ладонью. Нос у него был небольшой, чуть курносый, а на щеках играл румянец — тот самый, какой бывает у детей, долго бегавших на морозе: кожа раскраснелась, но осталась нежной, почти бархатистой.

Куртка хоть и была немного грязной — видно, не раз валялся в снегу или цеплялся за заборы, — но сидела ладно, по-зимнему надёжно, с тёплым воротником, прикрывающим шею. Штаны плотные, утеплённые, не стесняли движений. На ногах — валенки: добротные, уже чуть потрёпанные по краям, но крепкие, будто специально для долгих прогулок по сугробам.

В нём чувствовалась эта детская смесь неловкости и упрямой самостоятельности — будто он изо всех сил старался казаться взрослым, но всё равно тихо произнес:

–А вы меня точно не убьёте и не съедите?

Антон фыркнул и сказал:

–Точно... Расскажи, что произошло в деревне. Почему ты один? Все дома закрыты, и никого нет.

–Два дня назад приехали люди в доспехах, начали людей всех с домов выгонять. Кричали, что срочно надо уезжать. Говорили еще, что красная зона увеличивается в этом направлении. А я испугался и залез под печку и накрылся старыми тряпками. Меня и не заметили.

– А родители твои и не поняли, что тебя нет? Как так вышло? –спросила я

На что мальчик пожал плечами.

–А с чего ты взял, что мы тебя есть будем? –спросил Антон

На что мальчик нахмурился и ответил:

–Так мне брат сказал, что если я не буду слушаться, то придут плохие люди из леса, меня утащат, убьют и съедят.

–Да... Ну и брат у тебя! –сказала я. –А где ты живешь?

Мальчик показал пальцем на старый дом, но он был куда лучше, чем другие. И пошел к нему.

Поднявшись по ступенькам, мальчишка достал ключ из кармана. Долго ковырялся с замком, но открыл. Мы зашли в дом, дома было темно. Шторы полностью закрыты. Я хотела открыть окна, но мальчик сказал:

–Не открывай, вдруг плохие люди придут и нас увидят.

– Не переживай, не придут. Как же в доме холодно, печку надо растопить. – сказала я оглядывая комнату.

Антон подошел к печке и щелчком пальцев зажег огонь, не было не дыма, не копати ни чего. И сразу по дому начало разливаться тепло.

–Ого вот это да!... Дядь вы фокусник?

–Типо того. –с улыбкой сказал Антон.

Я протерла стол тряпкой которую нашла в ведре с водой. Вода была чистой да и тряпка тоже. Вымыла там же руки от крови. Кровь была брызгами по одежде и моему лицу. Вот куртку выкинуть ее уже не отстираешь.

–Как твое имя? Мы ведь так и не познакомились. – оглянулся на него Антон задавая вопрос.

–Кирилл. – буркнул он.

–Это Антон, а я Алиса. Ну иди руки мой и за стол кушать.

Антон вытащил из пространственного кармана горшочек с тушеной картошкой с мясом, овощи и фрукты.

У Кирилла округлились глаза и сказал:

–Он точно фокусник!

Кирилл ел без остановки. Поедая картошку и зажмурившись от удовольствия, что в пустой желудок попадает вкусная и горячая еда. Съев вторую тарелку картошки, он принялся за фрукты.

–Кирилл, может, ты слышал, куда будут отвозить людей. Это очень важно. Мы не можем тебя оставить здесь одного. И с собой взять тоже не можем. Куда мы идем, там очень опасно. –сказал Антон.

Кирилл задумался, пытаясь вспомнить. Но при этом засовывал в рот все фрукты подряд. Посмотрев на Антона и перестав жевать, выдал:

–Вспомнил! Да точно вспомнил. Деревня называется Сосновка, а интересно почему? Там сосны есть?

Антон напрягся и ответил.

–Совершенно в другую сторону. Нам потом возвращаться сколько? Но я не думаю, что они далеко ушли. А у них, скорее всего, повозки с людьми, плюс еще и припасы. Идти будут медленно. С нашей скоростью мы их догоним завтра к вечеру. Алис, я помню, что у тебя резерв пустой, надо пополнить его. Пойдем...

Я встала, и мы прошли в спальню, видимо, спальня родителей, я села на кровать и, прислушиваясь к себе, закрыла глаза.

–Ядро подключено к реке силы, начинай идти по каналу от ядра к реке... Так, молодец, начинай тянуть силу из реки в ядро, не торопись, постепенно. Как ядро заполнится, сразу уходи оттуда и выходи с транса. –говорил Антон.

Это неописуемое чувство. Как будто тебя переполняет счастье, и ты утопаешь в нем. Хочется продолжать, но ядро заполнено полностью.

Я услышала рык Антона и тут же открыла глаза.

–Вот и умничка. Чтобы прокачивать ядро и чтобы оно было больше, ты должна его опустошать полностью. Поняла?

Я кивнула и сказала:

–Антон, нам бы переодеться, вид, конечно, ужасный у нас.

Он вытащил куртку мне, а себе футболку и джинсы. Я сняла куртку, одела новую. Антон же быстро переоделся, собрал наши вещи и швырнул в печку. Сгорели они быстро.

–Нам надо ехать, Кирилл, собирай вещи, будем догонять твоих родителей.

Кирилл быстро бегал из комнаты в комнату. Принес рюкзачок и сказал:

–Я готов. Поехали.

Антон взял рюкзак отправил его в карман, и взял еще теплое одеяло отправив его туда же.

–Надо лошадей напоить и накормить. Пол часа ждите. И едим.

Мы остались в двоем.

–Так спать хочется, Алиса, можно я чуть посплю, посиди со мной, только не уходи никуда пожалуйста.

–Хорошо, пойдем на диван. –мягко с улыбкой сказала я.

Он свернулся клубочком и тут же засопел.

В итоге мы выехали через полтора часа. Дали немного Кириллу поспать, потом снова его покормили, что бы не мерз.

Антон усадил его впереди себя. Укутав его в одеяло. Одной рукой он держал упряжку, другой рукой прижимал к себе Кирилла. И мы рванули с места. Нам пришлось снова вливать силы в лошадей. Мчали мы всю ночь без остановок и отдыха. Только утром, когда солнце начало пригревать, мы остановились у дороги. Снова напоить и накормить лошадей и самим перекусить.

–Кирюха, потерпи, немного осталось.–сказала я.

Но видно, что малец устал и ему нужен сон и отдых. Но чем больше мы стоим, тем дальше уходит караван с его родителями.

–Следы на дороге свежие. Они вчера здесь проходили. Может, вечером. Часов через пять их догоним. – предположил Антон.

Мы перекусили, и Кирюшу вообще сильно начало клонить в сон. Антон завернул его в одеяло и взял на руки и сразу послышалось сопение.

Антон повернул ребёнка к себе лицом, и тот, даже не просыпаясь, обвил маленькими ручками его шею и положил голову на плечо. Дыхание у малыша было ровным, тёплым, и от этого в груди у Антона что-то тихо сжималось — он замер на секунду, чтобы не потревожить сон. Потом он аккуратно, почти на цыпочках, подошёл к коню и сел в седло. Я тут же шагнула ближе и принялась завязывать одеяло, подтягивая углы на спине Антона, чтобы узел держался крепко.

Получилось как сумка кенгуру — ребёнок был надёжно укутан, будто в коконе, и всё равно мог прижиматься к тёплому плечу.

–Теперь не выпадет, — тихо сказала я, разглаживая край одеяла. Антон кивнул, тронул поводья, и конь пошел медленным, ровным шагом, будто тоже понимал, что сейчас нужна тишина.

Мы шли так часа два, давая ребенку поспать. Антон погладил ребенка по спине и сказал: –Просыпайся, нам надо ехать.

Кирилл проснулся, но пересаживаться вперед лицом не захотел. И мы снова пустились вперед, сокращая дистанцию между нами и караваном.

Мы увидели караван, но не стали близко к нему подходить. Уже темнело, и нас не особо было видно.

–Кирилл, сейчас ты идешь вон туда. Там должны быть твои родители, Подойдешь ближе и кричи маме. Она услышит тебя и мы рядом.

– Спасибо вам. – тихо прошептал Кирилл

Антон вытащил его рюкзак из кармана и отдал ему, укутал его одеялом, и малыш пошел в указанном направлении.

Кирилл дошел до каравана и начал кричать, женщина спохватилась, слезла с телеги и побежала к ребенку. Мать упала на колени перед ним, плакала, обнимала и целовала его. Тут подбежал и отец.

–Поехали обратно, нас ждет тяжелый путь. Ты готова?

–Да. Готова.

Мы развернулись и понеслись галопом прочь.

Глава 10 « Красная зона »

Мы подъехали к так называемой "красной зоне". Антон сказал, что так мы сокращаем дорогу почти вдвое. На первый взгляд все как и везде. Поля, бесконечные леса, воздух настолько чистый, что кружится голова. Ехали мы не спеша, прислушиваясь и временами всматриваясь вперед. Лошади были взволнованы, я то и делала, что поглаживала своего коня по гриве. Он водил ушами, прислушиваясь, фыркал.

Я понимала, что что–то не так, но не понимала в чем дело.

Мы прошли довольно-таки много. Обратно возвращаться уже ни кто не хотел.

–Мы можем наткнуться на патрули военных или одарённых, а это нежелательно. Нам нужно пройти максимально тихо и быть незамеченными. -в пол голоса произнёс Антон.

Я почувствовала, что воздух стал напитан электричеством — будто сама тишина загустела и теперь вибрировала. По моему телу пошли мелкие разряды: они бежали по коже, собирались в кончиках пальцев и щекотали затылок. Волосы едва заметно приподнялись, будто хотели оторваться от головы. Где-то впереди, за тёмной кромкой леса, небо наливалось тяжёлой синевой, и в этой синеве уже не было покоя — только ожидание удара. Я сжала кулаки, чувствуя, как по венам бежит не кровь, а чистый ток, и поняла: буря не просто надвигается. Она уже здесь.

Мой конь встал на дыбы, и я еле удержалась в седле. Это было неожиданно — так неожиданно, что на долю секунды мир перевернулся: небо оказалось внизу, земля рванулась вверх, а руки сами собой вцепились в луку и поводья, будто без воли. Мышцы ног сжались, стараясь удержать равновесие, каблуки ушли в стремена, а спина инстинктивно выгнулась назад. Конь ржал, громко, почти отчаянно, и этот звук ударил по ушам, перекрывая всё остальное. Но я не крикнула, не отпустила хватку. Ещё мгновение — и он рухнул передними ногами на землю, сотрясая землю, сотрясая землю ударом. Я выдохнула, но не расслабилась: что-то его напугало. И это «что-то» всё ещё было рядом.

Слева, в метрах ста от нас, начал формироваться сгусток энергии. До этого в лесу стояла такая тишина, что было слышно, как падает сухая хвоя. А теперь тишина трещала по швам. Сгусток бил разрядами по сторонам и в землю, и каждый разряд звучал как щелчок кнута. Он быстро рос, и вместе с размером росло давление в воздухе — будто кто-то накачивал невидимый шар, и он вот-вот лопнет.Это был похож на портал: в центре уже проглядывала странная пустота, не просто темнота, а отсутствие света, которое тянуло взгляд и не отпускало. Я замерла, боясь сделать лишнее движение, словно любое колебание воздуха могло стать искрой для этого кошмара.

Портал сформировался очень быстро — будто мир просто разорвали по шву, и из прорехи шагнул он. Мужчина был похож на скалу: горы мышц, тяжёлая, неторопливая мощь, от которой воздух будто становился гуще. Ростом он был очень высоким — мне казалось, что я ему чуть ниже груди, и даже стоять рядом было всё равно что прижиматься к утёсу.В одной руке у него был меч — не изящный клинок, а тяжёлое, рубящее железо, будто созданное, чтобы ломать кости. В другой –хлыст,витой, тёмный, с металлическими вставками; он слегка покачивался, как хвост хищника.Он остановился, оглядывая местность так, словно уже считал её своей. Его взгляд скользнул по мне, задержался на долю секунды — и в этом не было любопытства. Только оценка: препятствие или добыча. Я не шелохнулась, но пальцы сами собой скользнули к рукояти ножа. Если он сделает шаг — я буду готова. Даже если шансов почти нет.

Я должна сделать хоть что-то. Спрыгнув с коня, я быстро побежала в его сторону, усиливая скорость. Ветер хлестал по лицу, а в груди колотилось что-то горячее и острое — не страх, а чистый адреналин.

Он начал замахиваться хлыстом. Сначала медленно, будто пробуя воздух, а потом движение пошло по нарастающей: рука пошла вверх, корпус развернулся, и вся эта груда мышц собралась в одном направленном ударе. Хлыст описал дугу, и в тот момент, когда он должен был щёлкнуть, я уже нырнула вперёд, почти касаясь земли. Мир на секунду стал плоским, чёрно-белым, и я видела только одно: как его плечо напрягается, как сухожилия натягиваются, как он ещё не понимает, что я уже не там, где он целился.

Я выхватила метательный нож и резко швырнула в него со всей силы. Лезвие мелькнуло в воздухе, серебряной иглой метясь к его горлу, но он даже не дёрнулся — только чуть повернул голову, и сталь чиркнула по наплечнику, высекая искру и беспомощно звякнула, падая в снег. Он не смотрел на нож. Он смотрел на меня. И в этом взгляде было не удивление, а что-то вроде усталого признания: «Ты хотя бы не стояла». Хлыст снова пошёл вверх, но теперь в его движении была не ярость — а расчёт. Он собирался ударить так, чтобы не убить, а поймать.

В этот раз хлыст я не пропустила, а поймала — ладонь сомкнулась на кожаной ленте, пальцы впились так, будто хотели раздавить саму суть этого оружия. И в тот же миг я напитала руку силой, пустила её по хлысту, как по проводу, и вытолкнула наружу единственное слово:

–Стоп, сердце!

Сила рванулась вперёд, по его же собственному орудию, и ударила точно в цель. В его глазах резко потухла жизнь — не было ни агонии, ни крика, только мгновенное угасание, будто кто-то задул свечу. Огромная фигура качнулась и рухнула, ломая сухую траву припорошенная снегом, и земля вздрогнула от удара. Я не отпустила хлыст сразу — ждала, не будет ли подвоха, не притворяется ли он. Но нет. Тишина. Настоящая. Только тогда я разжала пальцы, и лента выскользнула из руки, как мёртвая змея.

Подойдя чуть ближе к порталу, я увидела, что на его кромке есть каналы: они напоминали тонкие жилы, в которых вместо крови текла чистая энергия. Они шевелились, сплетались и расплетались, будто портал дышал.Недолго думая, я рванула рукой и вырвала значительный кусок. Края портала тут же потемнели, как обугливающаяся бумага, а каналы на кромке забились в судороге, пытаясь восстановиться. Но было поздно.С громким щелчком портал схлопнулся — не постепенно, а мгновенно, как лопается мыльный пузырь, только вместо брызг полетели искры и холодный ветер. Меня отбросило на несколько метров назад, я ударилась плечом о камень и покатилась по снегу перепахивая его с землей. Когда я наконец остановилась и приподнялась на локтях, портал исчез. Осталась только тишина. И запах озона, который висел в воздухе, как после сильной грозы.

Антон подошел, помог встать и произнес с гордостью и удивленностью:

– А ты хороша. Быстро с ним справилась. Но что ты сделала с порталом? Как ты его смогла закрыть?

–На его кромке были как каналы, я ничего больше не придумала, как просто выдрать их. Ты не видел их?–озадаченно спросила я.

–Нет. Я не слышал о таком, чтобы так кто то мог их закрыть. Все давай быстрее убираться отсюда. Пока кто нибудь не прибежал. У них есть артефакты отслеживания открывающихся порталов.

Мы мчались с такой скоростью, что иногда у меня деревья сливались в одну серую тень.

Антон дал знак, что скоро будет остановка. Когда остановились, я слезла с коня и облокотилась на дерево.

–Мы вышли с красной зоны. Еще немного и будем в деревне. Ты как? –настороженно спросил Антон.

–Нормально. Но мне нужен отдых. Мы несколько дней в пути без сна и отдыха. Физически я могу горы свернуть, а морально я выжата. Что со мной?

–Перенапряжение. Ты чуть больше месяца появилась в этом мире и да ты быстро развиваешься. Но сознание за тобой не успевает. Не переживай, все будет хорошо.

Антон подошёл, притянул меня за талию, наши взгляды встретились — и в эту секунду весь мир сузился до его глаз, до этого едва заметного волнения в них. Он нежно меня поцеловал, и этот поцелуй был первым как для меня, так и для него. Я не верила, что это реальность: казалось, стоит моргнуть — и всё исчезнет, снова вернётся холод, звон металла, гул портала. Из-под моих ног ушла земля, будто гравитация вдруг стала чужой, а сердце колотилось так, что заглушало даже тишину вокруг. Дыхание сбилось, и я вцепилась пальцами в его куртку, чтобы держаться за что-то настоящее. И он понял это без слов: чуть крепче прижал к себе, будто говоря: «Я здесь. Это правда».

Для нас мир остановился. Я не знала, сколько прошло времени, но мне казалось, что я прожила целую жизнь за эти мгновения: в каждом его движении, в каждом прикосновении открывалось что-то новое. Поцелуи разжигали во мне бурю эмоций, и они переплетались, сплетались в тугой узел, который невозможно было распутать, да и не хотелось. Я приоткрыла глаза, посмотрела на него и вдруг почувствовала, как к горлу подступает не страх и не радость, а что-то гораздо глубже — что-то похожее на благодарность.

–Спасибо, — выдохнула я, сама не зная, за что: за то, что не дал мне упасть, за то, что был рядом, когда реальность трещала по швам, или просто за то, что сейчас он здесь.

Он улыбнулся, коснулся ладонью моей щеки, и в этом жесте было столько нежности, что у меня снова перехватило дыхание.

–Не за что, — тихо сказал он. –Пока мы вместе, мы справимся с чем угодно.

И я ему поверила.

Глава 11 « Деревня Храномир »

Снег лежал на крышах плотными, тяжёлыми шапками, будто деревня Храномир укуталась в огромное стёганое одеяло. Она и правда была небольшой — Алиса прикинула, что тут живёт от силы пятьсот человек: пара десятков дворов, аккуратная улица, сбегающая вниз по склону, да несколько крепких построек чуть в стороне.

Дома стояли из серого камня — не нарядного, а надёжного, будто выточенного из самой земли. Толстые стены, низкие двери. Чтобы холод не пробирался в дома, а в окнах — настоящие стёкла, пусть и не идеально ровные, чуть мутноватые, но всё же стёкла. В некоторых окнах уже горел свет — тёплый, желтоватый, он просачивался наружу и ложился на снег золотистыми пятнами. Каждый дом выглядел как маленькая крепость: будто люди здесь привыкли не прятаться от ветра, а выдерживать его. Между домами тянулись узкие тропинки, уже утоптанные до твёрдого наста; по ним сновали жители в тёплых тулупах, кто с вязанкой дров, кто с ведром, кто просто спешил по своим зимним делам.

В центре деревни, на небольшой площади, чернел большой очаг — не печь, а именно кострище, обложенное тем же серым камнем. Сейчас там тлели угли, над которыми грели руки двое мальчишек, а рядом стояла бочка со снегом — чтобы в случае чего быстро погасить искры. Алиса вдруг поняла: это и есть тот самый «общий огонь», о котором говорил дед. Пока он горит, Храномир держится.

Над крышами вился густой, плотный дым — не рваный, а ровный, будто каждый дом дышал в такт соседу. Воздух пах дымом, смолой и морозной свежестью, и даже ветер, который гнал позёмку по полю, у края деревни будто терял силу: натыкался на эти каменные стены и смиренно стелился вдоль улиц.

У въезда стояли столбы с резными узорами — охранными знаками. На одном из них поблёскивал тонкий слой инея, повторяя линии резьбы, словно сама зима подтвердила: тут граница. Тут хранят.

Антон ехал рядом, чуть впереди, и Алиса видела, как меняется его осанка, лицо он вспоминает все свое детство проведенное здесь. Он возвращался домой.

— Тут всегда так тихо? — тихо спросила Алиса, вглядываясь в светящиеся окна, будто пыталась угадать, кто за ними живёт.

— Не всегда, — ответил он, не оборачиваясь, но голос его звучал спокойнее, чем раньше. — Но когда тихо — это не пустота. Это значит, что всё на своих местах.

Алиса не была в Храномире, но столько раз представляла эту деревню по рассказам Антона, что теперь ей казалось: она узнаёт знакомые детали, будто возвращается туда, где уже бывала. А деда она и вовсе не видела ни разу, но в голове у неё давно сложился его образ: высокий, прямой, с тяжёлым, спокойным взглядом.

И когда она увидела его у самого большого каменного дома — с широкой скамьёй у крыльца, засыпанной снегом, — ей показалось, что она угадала почти всё. Он стоял, опершись на посох, и смотрел на них так, будто не просто встречал, а проверял: вернулись ли они целыми, не принесли ли с собой беды.

Когда Антон и Алиса подъехали к дому, и слезли с лошадей, подходя к деду. Прибежал парень и быстро увел лошадей в конюшню.

— Ну, приехали, — проворчал он, когда они подошли ближе. — Не стойте на ветру. В доме расскажете, что да как. А ты, кто?

Дед пристально посмотрел на меня, что мне стало не по себе. Его пронзающий взгляд. Такое чувство что он видел людей на сквозь.

–Алиса. –робко произнесла я.

–Ну, а меня звать Владимир Александрович. Приятно познакомиться, заходите в дом.

Голос у него был низкий, неторопливый, без лишней мягкости, но и без угрозы. И от этого Алисе стало чуть легче: он не пытался её убаюкать, не делал вид, что ничего особенного не происходит. Он просто принимал ситуацию такой, какая она есть.

Она сделала ещё один шаг, потом ещё — и вдруг краем глаза заметила движение в окне соседнего дома. Тонкая щель в занавеске чуть приоткрылась, потом снова закрылась. Кто-то смотрел. Алиса не успела разглядеть лицо, но успела почувствовать этот короткий, острый взгляд — любопытный, насторожённый, по-соседски бесцеремонный.

Антон будто почувствовал, как она замерла, и тихо, почти незаметно подтолкнул её вперёд — не силой, а просто своим присутствием рядом.

— Это тётя Марфа, — шепнул он, едва шевеля губами. — Она всё видит. Но если дед тебя принял, она не станет лезть. Просто ей нужно убедиться, что всё в порядке.

Алиса сглотнула, кивнула, хотя не была уверена, что это правда, и поднялась по скрипучим ступенькам. Дед отступил в тёмный проём двери, пропуская их внутрь, и когда за ними закрылась тяжёлая створка, отрезав ледяной ветер и любопытные взгляды, Алиса наконец смогла выдохнуть.

Внутри пахло деревом, сухими травами и печным теплом — запахом, который не был ей родным, но вдруг показался удивительно правильным.

–Ну проходите на кухню. Сейчас чай заварю, не ждал Антон тебя, да еще и со спутницей. Удивил старика

Кухня была просторной, но не за счёт пустоты, а за счёт того, что каждая вещь знала своё место. Вдоль левой стены тянулась огромная русская печь — широкая, основательная, будто сама по себе была сердцем дома. Её белёные бока местами потемнели от времени, но по-прежнему излучали ровный жар. Над устьем висели кованые крюки, на которых покачивались пучки сухих трав — шалфей, зверобой, чабрец, — и лёгкий пряный запах смешивался с запахом печного камня и хлеба.

В центре кухни стоял тяжелый дубовый стол, покрытый простой льняной скатертью. На нём — глиняная миска с сухарями, медный подсвечник, стопка аккуратно сложенных льняных полотенец. У стены притулился массивный буфет: дверцы чуть перекошены от времени, зато стекло в них чистое, а внутри поблёскивает фаянс и стоят банки с заготовками.

Стол окружали такие же дубовые стулья, на некоторых были вязанные подстилки чтобы сидеть было мягче.

В углу были полки с уставленными баночками, мешочками и коробочками; на некоторых виднелись аккуратные надписи углём: «от кашля», «для сна», «на рану». Алиса вдруг поняла, что это не просто приправы — это аптечка боевого мага: травы, которые помогают удержать силу, снять жар, унять дрожь.

–Дед у нас разговор будет долгим. И я надеюсь, что ты нам поможешь. Мы проделали долгий путь, и сейчас время терять нельзя. Когда здесь были из Гильдии последний раз?

Дед задумался и ответил:

–Недели две назад приезжали. Но без толку, детей одарённых у нас нет. После тебя трое было, а больше никто не пробудился. Так думаю, что в ближайшее время они не приедут. Можешь не переживать, но и на улицу пока не выходите. Мало ли...

Стук в дверь прервал нас.

Я встревоженно посмотрела на Антона. Но дед сразу успокоил,

–Ничего, это соседка Марфа, скорее всего. –сказал дед, поднимаясь со стула и направляясь к входной двери.

Соседка, бабушка Марфа, прошла на кухню вслед за дедом. Очень сухонькая старушка, но бодрая. На голове платок, теплая кофта с горлом, меховой жилет, юбка в пол. В руках миска, накрытая полотенцем.

Посмотрев на нас со своим колким взглядом сказала:

–Антоша, ты ли это? Не узнать тебя. Возмужал. Я тут вам пирожков принесла. Чаю попьем, как в старые добрые времена. А это кто? Чернявая какая... Ты откуда такая?..

–Так Марфа, не задавай лишних вопросов. –быстро осек ее дед. –Завтра приходи, поговорим. Видишь, дети устали с дороги.

Марфа развернулась, одарив деда недовольным взглядом, и пошла прочь, хлопнув дверью.

–Ишь, любопытная какая. Даже пирожки принесла, –с ухмылкой сказал дед. –Ну рассказывайте, что привело вас сюда, что не побоялись такого положения, что сейчас в мире творится. Ты же понимаешь, Антошка, что в любой момент тебя могут забрать? А я такой участи тебе не хочу.

–Дед, я не знаю, с чего начать, но Алиса... В общем, она попаданка. Она не из нашего мира. Я нашел ее у дороги и принес к себе. Выхаживал ее как мог. –быстро произнес Антон.

Владимир Александрович встал. Долго молчал. Заварив чай, разлил нам по чашкам и подвинул к нам пирожки. Сел обратно и заговорил задумчиво:

–Знаете, Алиса, ты не первая попаданка. Когда я был молод, в моей жизни встретился парень. Мне казалось, что он не от мира сего. Он обладал такой огромной силой, что мне казалось... –тут дед замялся. –Что как будто Бог войны спустился к нам с небес.

–А где он сейчас? –спросил Антон.

–Никто так и не знает. Он зашел в один из порталов в красной зоне, и следом портал захлопнулся. Я смотрю, Алиса, у тебя дар лекаря, это хороший дар, ты можешь помогать людям.

–Она не только лекарь, она боевой маг. С оружием она на ты. А еще когда мы ехали сюда через "красную зону" она закрыла портал, что то там сломав. –сказал Антон

У деда брови поползли наверх.

–Как это закрыла портал? Я такого не слышал никогда. А знаете, мне кажется что попаданцы, если появляются в нашем мире, значит, для того чтобы здесь всё изменить. –сказал дед.

Глава 12 « Новые знакомства »

Утром так приятно просыпаться, осознавая, что никуда не надо бежать или ехать. Здесь так спокойно. Почему то не хочется никуда уезжать. Остаться бы здесь.

Я потянулась, встала. Посмотрела на спящего Антона. Улыбнувшись, вспомнила наш поцелуй. Оделась и вышла в кухню.

Дед уже что то готовил на кухне. Ммм... Каша с утра. Сто лет ее не ела.

–Ты уже проснулась? –обернувшись, спросил дед. –Сейчас чай налью, присаживайся. Знаешь, я пол ночи думал, как тебе помочь, и вот что пришло на ум.

Дед налил чай, поставил чашку с медом, сел рядом и задумчиво произнес:

–Тебе нужно сделать документы, у меня есть знакомый, он поможет с этим. А еще сделать бы тебе дворянский род, но это чуть позже.

–Зачем мне нужен дворянский род? –озадаченно спросила я

–А это для того, чтобы тебя не отправили на войну сразу, как получишь документы и пройдешь аттестацию. Таких без рода и племени отправляют на войну, и не смотрят там на ранг. Я был на войне, и поверь, там нет ничего хорошего!

Антон сонный прошлепал босыми ногами по деревянному полу, чмокнул меня в щеку, налил себе чай и сел рядом.

–О чем разговор? Что проспал?– спросил он, зевая.

–Ехать надо в столицу и делать документы Алисе и проходить аттестацию. –сказал дед.

Антон завис и сидел молча, смотря в одну точку. Затем произнес:

–Я еду с ней.

–Для того чтобы ехать, ее тело нужно прокачать и усилить по максимуму. А это долгий процесс. Да и резерв увеличить надо вдвое.– посмотрев на меня, сказал дед.

–Значит, сегодня и начнем. Резерв опустошать надо под ноль. Так быстрее прокачка будет и плюсом медитация, а нет, пойдем к порталам. Она когда один закрыла, половина резерва у нее ушло. –сказал решительно Антон.

Только Антон это проговорил, забежала в дом Марфа. Испуг читался в ее глазах... Быстро тараторя и смотря на нас со слезами на глазах:

–Владимир, Сеньку волк подрал. Митька только что прибежал, — она говорила быстро, почти без пауз, но голос держала ровно, не паниковала. — Мясо с бедра содрал, руку погрыз. Крови много. Мать в истерике, отец в поле, а бабка его только молит да платки мокрые прикладывает. Сам-то молчит, не кричит даже. Ему бы твои травы, а может, и не только травы.

Дед выпрямился, и я увидела, как в его глазах на секунду мелькнуло что-то острое, далёкое — не страх, а привычка. Привычка к беде, к тому, что беда не ждёт, пока ты допьёшь чай.

— Марфа, сядь. Куда схожу — не рассиживаясь. Сенька где, у себя?

— У себя, у себя. На лавке лежит, бабка рядом. Я не стала трогать, только платки принесла.

Дед кивнул, быстро прошёл к полкам и стал снимать коробочки и мешочки — те самые, с надписями «на рану», «от крови», «для сна». Движения были привычными, точными: он не искал, он отбирал. Положил всё в холщовую сумку, повесил через плечо и уже направился к двери, когда остановился и обернулся к Алисе.

— Ты. Со мной.

Я вздрогнула. Не от страха — от неожиданности.

— Я? Но я…

— Ты остановила собственный жар, когда тебя несло через лес, и не сорвалась. Значит, руки у тебя не дрожат. — Он посмотрел на неё прямо, без снисхождения. — Я не прошу тебя лечить. Я прошу тебя держать. Если мальчик начнёт гореть — а он начнёт, от такой раны

лихорадка приходит быстро, — мне нужно, чтобы ты забрала жар. Не весь. Столько, чтобы он продержался, пока я зашиваю. Сможешь?

Я сглотнула. Мысленно уже видела, как кладу ладонь на чужое тело и чувствует под пальцами хрупкий, рваный пульс жизни. И как легко — слишком легко — перейти черту: не «забрать жар», а «остановить».

— А если я…

— Не «остановишь», а «заберёшь лишнее». Разницу ты знаешь. Я видел, как ты держала грань. — Дед уже стоял в дверном проёме, и морозный воздух тянулся в кухню, обнимая его ноги. — Идём. Мальчишка четырнадцать лет. Зовут Сенька. Он ещё не жил толком.

Я встала и пошла за ним, одела обувь, а куртку одевада уже на ходу пока спускалась по лестнеце.

Улица была пустой, но я чувствовала, как за стёклами домов следят взгляды: не злые, не добрые — просто смотрели. Сенька был свой, из Храномира, ну а я — чужачка с холодной силой, и теперь шла к нему. Кого-то это пугало. Кого-то, может быть, злило. Но никто не вышел и не сказал ни слова, потому что дед шёл впереди, а за дедом — не спорят.

Дом Сеньки стоял на краю улицы, пониже остальных, с покосившейся трубой, из которой валил густой дым. Дверь была не заперта — Марфа, видно, так и оставила. Дед толкнул её плечом и шагнул внутрь.

В горнице пахло кровью, мокрой тряпкой и чем-то ещё — резким, звериным, будто запах волка въелся в стены и не желал уходить.

Сенька лежал на лавке, укрытый до пояса старым тулупом. Лицо — белое, почти серое, губы синие, глаза закрыты. Правая рука — вся в повязке из рваных платков, уже потемневших от крови. Левое бедро бабка прикрыла чистой тряпицей, но под ней проступало тёмное, мокрое пятно, и я увидела, как ткань медленно, лениво набухает.

Бабка — маленькая, высохшая, с белыми волосами и красными глазами — сидела рядом на полу и беззвучно шевелила губами. Увидела Владимира Александровича, и её лицо скривилось, будто она хотела заплакать, но слёз уже не осталось.

— Владимир Александрович… — только и сказала она.

— Отойди, Степановна. Дай посмотреть, — дед сказал это мягко, но так, что бабка тут же поднялась и отступила к стене.

Он присел рядом с Сенькой, осторожно откинул тряпицу с бедра, и до меня донеслось, как он тихо, едва слышно, цокнул языком. Рана была рваной, глубокой, с белесыми следами зубов на коже. Кровь уже не лила, но сочилась, упрямо и медленно.

— Алиса, — позвал Владимир Александрович, не оборачиваясь. — Подойди. Положи ладонь ему на лоб. Не дави. Просто касайся и слушай. Как только почувствуешь жар — тяни его в себя. Ровно. Без рывков. Я скажу, когда хватит.

Я подошла, опустилась на колени рядом с лавкой и положила ладонь на лоб мальчика. Кожа была прохладной, почти ледяной, но где-то глубоко, под этой прохладой, я чувствовала жар — тугой, нарастающий, как далёкий гул перед грозой.

Попыталась сосредоточиться закрывая глаза. И начала тянуть.

Владимир Александрович не просит меня сделать чудо именно потому, что знает эту грань. Он не хочет, чтобы я пыталась сшить разорванное мясо силой лекаря — он хочет, чтобы просто сняла нарастающую лихорадку, пока он сам всё сделает по-человечески: промоет, стянет, прижжёт края, наложит травы. Для него это не недоверие к моей силе, а уважение к моему страху: он даёт мне безопасную задачу, где моя сила точно не навредит.

И вот я тянула жар из Сеньки, чувствую, как он стекает в меня, холодный и колючий, как ледяная вода по рукам. Я держала ровно, не жадно, не торопясь. И вдруг — в какой-то момент показалось, что я видела эту рану не глазами, а прямо изнутри: вот края мяса должны

сойтись, как должны срастись сосуды, как нужно просто подтолкнуть тело к тому, чтобы оно само себя починило.

Мои пальцы чуть дрожат от этого видения. Мне хочется сделать больше. Хочется просто *щёлкнуть* силой — и чтобы на бедре не осталось даже шрама.

— Не надо, — тихо, но очень твёрдо говорит Владимир Александрович, будто прочитал мои мысли. Он как раз склонился над раной, в руках у него тонкая игла, пропитанная смолой и травами. — Не тяни глубже. Не лезь внутрь. Ты сейчас не хирург, ты — опора. Держи жар. Остальное я сделаю сам.

Я шумно сглатнула, сжимает зубы и заставляю себя не смотреть «вглубь». Я остаюсь только с жаром — тяну его ровно, слой за слоем, и чувствую, как Сенька под моей ладонью становится не ледяным, а просто прохладным, спокойным.

А Владимир Александрович работает быстро, уверенно, будто каждый стежок ему знаком наизусть.

— Знаешь, почему я не даю тебе лечить? — вдруг тихо спрашивает он, не поднимая глаз. — Потому что в Храномире мы не привыкли платить жизнью за спасение. Если ты залечишь ему бедро, но случайно остановишь сердце — это не победа. Это наша вина. А так… так мы оба отвечаем за него: я — за то, что делаю руками, ты — за то, что держишь силу.

Сенька тихо стонет во сне, но не просыпается. Я крепче прижимаю ладонь к его лбу.

— Я держу, — прошептала я. — Я держу границу.

Владимир Александрович коротко кивает.

— Вот и хорошо. Этого хватит.

Владимир Александрович затянул последний узел, аккуратно обрезал нить и присыпал шов смесью трав из своего мешочка. Пахнуло мятой, чабрецом и чем-то горьким, будто сама земля давала Сеньке свою защиту.

— Теперь пусть лежит спокойно, — тихо сказал дед, вытирая руки о грубое полотенце. — Жар ты сняла, это главное. Остальное тело само доделает, если ему не мешать.

Я сидела на коленях у лавки, моя ладонь по-прежнему лежала на лбу Сеньки — уже не для того, чтобы тянуть жар, а просто чтобы чувствовать: он дышит, он здесь, он не уходит в ту ледяную пустоту, в которую я так боялась выпустить.

Сенька вдруг шевельнулся. Веки дрогнули, приоткрылись — в глазах на миг мелькнуло полное непонимание, где он, что с ним, почему так больно и так тихо. Потом взгляд зацепился за меня, задержался, и в нём появилось что-то ещё — не страх, а узнавание, будто он увидел того, кто не дал ему пропасть.

— Ты держала меня, да? — прошептал он, голос был хриплым, как у человека, который долго кричал, а теперь наконец смог выдохнуть.

Я кивнула, не доверяя своему голосу. Мне хотелось сказать: «Я не дала тебе сгореть», но слова казались слишком громкими для этой маленькой горницы, где даже пламя в печи шептало, а не трещало.

— Держала, — только и сказала я. — И буду держать, пока не станет легче.

Сенька слабо улыбнулся, будто эта простая правда была самым надёжным лекарством, и снова закрыл глаза — уже без паники, уже зная, что рядом кто-то есть.

В дверях, почти сливаясь с тенью, стояла Марфа. Она больше не смотрела колюче — этот взгляд будто растаял вместе с жаром, который забрала я. Марфа шагнула вперёд, тихо, чтобы не спугнуть тишину, и положила тёплую, шершавую руку мне на плечо. Пальцы у неё были твёрдые, рабочие, привыкшие держать и топор, и миску, и чью-то слабеющую руку.

— Спасибо, — сказала она просто, без лишних слов, будто боялась, что если скажет больше, голос сорвётся. — Он бы не дожил до утра. Тут не травы спасают, тут… — она покосилась на Владимира Александровича, будто проверяя, не слишком ли много говорит, — тут нужно было удержать то, что внутри рвётся наружу. Ты удержала.

Я подняла на неё глаза. В этом «ты удержала» не было ни похвалы, ни восторга — только спокойная, тяжёлая правда человека, который знает цену каждой минуте.

Владимир Александрович уже убирал инструменты, складывал пустые коробочки в сумку, но на секунду замер, слушая Марфу, и коротко, едва заметно кивнул — будто это было важнее любой столичной печати.

— В Храномире так и держат, — сказал он, негромко, чтобы слышал не весь дом, а только те, кому нужно. — Не силой закрывают дыры, а друг за друга держатся. Ты сегодня встала на эту сторону, Алиса. Это важнее любого ранга.

Я опустила взгляд на свои руки — обычные, чуть покрасневшие от холода и напряжения, без сияния, без знаков. Но в них теперь было что-то новое — не просто сила, а ответственность. И впервые эта тяжесть не пугала меня, а делала твёрже.

За окном по-прежнему стояла морозная ночь, деревня дышала ровно, как будто и не было этой короткой, острой беды. А внутри дома становилось теплее — не от печи, а от того, что теперь здесь было на одного человека больше, за которого все готовы стоять.

Глава 13 « Обучение и усиление »

После лечения Сеньки я долго не могла уснуть. Все думала о том, как мне научиться правильно пользоваться даром. Чтобы лечить, но при этом не убить человека, когда он в таком состоянии. Я могла бы вылечить Сеньку за короткое время, но мне не хватает практики, что ли. С этими мыслями я провалилась в сон.

Мне снова снилась мама, она готовила блинчики и разговаривала с братишкой. А папа, как всегда, сидел с чашкой кофе и смотрел новости.

–Алиса, вставай! Сегодня тяжелый день! – сказал дед и вышел из комнаты.

Я открыла глаза и быстро села на кровати. Антон тоже проснулся и сразу не понял, в чем дело. И вопросительно посмотрел на меня. Мы встали, оделись и вышли в кухню.

–Значит так. С сегодняшнего дня начинается твое обучение и прокачка тела. Я не буду тебя жалеть, говорю сразу, но это для твоего же блага.– со всей серьезностью произнес дед.

Я быстро попила чай, сделала все свои дела. Подошла к деду и сказала:

– Я готова. Начинаем?

Дед достал одеяло, постелил на пол возле печки и сказал:

–Ложись сюда. Так проще будет.

Я легла, закрыла глаза, вошла в состояние транса и поняла, что это у меня получается уже быстро. Ярдо светилось ровно, резерв был полон.

Дед сразу подключился ко мне, чтобы я в таком состоянии могла его слышать.

– Алиса, сейчас ты разгоняешь свою силу по своим каналам, пропитываешь маной все свои кости и сухожилия. От этого они станут крепче, и ты не сломаешь себе что нибудь во время боя.

Я потихоньку вливала "ману" по своим каналам, распределяла, пропитывала ей кости, сухожилия и суставы. На это все у меня ушло около пятнадцати часов. Когда я закончила и открыла глаза. Я выдохнула с облегчением, потому что это было трудно, больно, и мне пришлось семь раз пополнять свой резерв. Сил уходило на это очень много. Я поднялась на локтях и поняла, что я снова вся мокрая от пота. Даже одеяло все пропиталось.

– Ну все, вставай и пошли кушать. Смотри на себя, исхудала. Сил много потратила. Но ты все сделала правильно, я следил. Со временем научишься менять свою внешность. –сказал дед.

Я встала, по ощущениям не было особой разницы, но была легкость в теле.

Зашла в комнату, сняла все с себя мокрое и надела сухую футболку и джинсы.

Антон подошел сзади обнял меня за талию и тихо сказал:

–Ты скоро будешь сильнее меня. Мне не терпится на это посмотреть.

Резким движением повернул меня к себе, приподнял, и я обвила его ногами и руками. Он одной рукой нежно прижал меня к себе за талию, другой рукой за бедра...

Он меня целовал так нежно и ласково, я не хотела чтобы это все заканчивалось...

Но у деда другие планы.

–Алиса, на сегодня еще не все. Иди ешь и продолжим. –грозно произнес дед с кухни.

–Иди, он не отстанет. –произнес Антон шепотом отпуская меня.

Я направилась к двери, а Антон лег в кровать. Устроился по удобнее, чтобы побыстрее уснуть.

Пока я ела, дед тем временем с полок перебирал свои травы. Записывал что то на листок и снова пересматривал их.

–Алиса, расскажи мне что нибудь о себе. Чем ты занималась в том мире.

Я задумалась, стоит ли ему говорить все или только основу. Про учебу и родителей. А больше, наверно, им и не стоит знать.

– Я жила с родителями, мама, папа и братишка. Закончила школу, поступила в медицинский колледж. Перешла на второй курс и попала сюда. Я хоть и немного, но представления имею о организме человека. Как в нем все функционирует, органы и сосуды. Да, я не хирург, но что–то я все–таки знаю. Может, конечно, мне это помогает здесь.

–Медецинский колледж –это что то похожее на школу лекарей? Я правильно понял?

–Да, все так, но в нашем мире нет магии. Ни у кого нет магии. Но у нас есть другое... – и тут я замялась. Говорить или нет...

–Что другое расскажи. –с любопытством спросил дед, не отводя взгляда от меня.

–У нас есть машины, самолёты, оружие такое, что могут уничтожить целые города, техника, электричество. И я кстати, поняла, почему у вас этого всего нет... Из за магии. – но я вижу, что он не совсем понимает, что я имею ввиду, и переспрашивать не стал.

–Может, ты и права. У нас даже порох в дефиците. Потому что небезопасно его где то хранить. Представляешь, кто то его найдет, ну, допустим, такой как я, огневик. Что будет?

–Так же техника и машины у вас будет все взрываться. –сказала задумчиво я.

–Ну я понял, что ты многое знаешь. Но рассказывать не хочешь. Правильно делаешь. Не рассказывай никому что ты попаданка.

Дед передо мной положил сверкающий прозрачный камушек, и сказал:

–Вот сюда ты будешь сливать всю оставшуюся ману. Чтобы твой резерв наполнялся постоянно. Не потеряй, он дорогой. Заполнив его полностью, он будет стоить как десять наших деревень. А так же, если тебе нужна сила срочно, можешь взять оттуда.

Я покрутила его пальцами, он так переливался красиво. Я сунула его в карман джинс.

–Дальше, что тебе известно о лечении своим даром? Правильно, абсолютно ничего. Вот сейчас я попробую тебе все изложить. Каждый маг или человек в этом мире обладает аурой, но у людей она настолько тонкая, что иногда еле заметна. Вот по этой ауре можно определить, где у человека проблемы. С органами, сосудами или костями, в этом месте аура будет мигать.

–А что делать с человеком если он сильно ранен в первую очередь? –спросила я.

–Ты в первую очередь должна следить за сердцем, чтобы не было перебоев, дыханием, чтобы оно было ровным, ищешь сосуды, где они разорваны, и сращиваешь их. Если все таки ты чувствуешь, что с сердцем что то не так или где то сбой, ты можешь направлять свою энергию в тот или иной орган. Но перед этим человека нужно отключить, погрузить его в глубокое состояние сна. Лекари делают это так, пальцами дотрагиваешься до головы и даешь команду «глубокий сон».

–Это как анестезия в нашем мире. Он ни чего не чувствует, просто спит.– сравнивая сказала я.

Дед ухмыльнулся в свою густую бороду.

–А теперь спать. Завтра рано вставать.

Утро началось очень рано. Дед разбудил меня и позвал на кухню. Я позавтракала довольно плотно. Силы мне сейчас пригодятся для прокачивания мышц и связок.

Я не была готова снова эта боль...

Я стояла перед скамьёй и смотрела на неё так, будто это был эшафот. Не потому что не знала, что будет. Как раз наоборот: знала слишком хорошо.

Кости уже были готовы. Владимир Александрович помог прокачать их первым делом, ещё вчера. Весь вчерашний день: мана входила в костную ткань, уплотняла её, перестраивала, и я лежала, стиснув зубы, чувствуя, как каждый сустав горит изнутри, как кости гудят и трещат, перестраиваясь.

Это было больно. Но кости — мёртвая ткань. Они не сопротивлялись, не дёргались, не судорожно сжимались. Они просто принимали, как камень принимает воду: медленно, тяжело, неохотно, но без борьбы.

А мышцы и связки — живые. И я знала: они будут сопротивляться.

— Ложись, — сказал дед, раскладывая на столе три самоцвета: гранат, дымчатый кварц, маленький топаз.

Я послушно легла. Потолок надо мною был тёмный, с одной трещиной, уходящей в угол. Уставившись на неё, как на якорь.

— Наполняй сферу. Начинаем с пальцев левой руки.

Я закрыла глаза, привычно нашла сферу, потянула ману из реки по главному каналу. Сфера наполнилась. Почувствовав её: тяжёлую, пульсирующую, готовую.

Я знала, что будет дальше. Знала так хорошо, что тело уже начало сопротивляться заранее: плечи чуть поднялись, дыхание стало поверхностным, пальцы сжались. Не от страха. От ожидания. Потому что нет ничего хуже, чем знать точно, какую боль тебе сейчас причинят, и не иметь возможности её избежать.

— Мизинец. Левая рука. Вплетай ману в каждое волокно. Медленно. Капля за каплей.

Потянув ману из сферы в мизинец.

И вот оно.

Жжение.

Не как ожог. Глубже. Будто тонкую иглу проталкивали сквозь мышцу, раздвигая волокна, втягивая в них силу, которая не должна там быть. Мана входила, и живая ткань сопротивлялась, дёргалась, стягивалась, пыталась вытолкнуть её. Но мана не уходила. Она впитывалась. Перестраивала.

Стиснув зубы. Я уже знала этот ритм: жжение, сопротивление, судорога, потом тишина, когда волокно сдается и принимает. Потом следующее волокно. И снова.

— Дыши, — голос деда звучал ровно, без тепла. — Ровно. Не задерживай.

Безымянный палец. Тот же огонь, то же сопротивление. Мизинец уже затих: мана впиталась, волокна успокоились. Но безымянный горел так, будто его опускали в кипяток.

— Связки будут хуже, — предупредил дед. — Мышца впитывает. Связка сопротивляется. Не лей. Вдавливай.

Средний палец. Сфера опустела впервые. И я почувствовала, как внутри всё обмякло. Голова закружилась.

— Наполняй, — сказал дед. — У тебя есть время.

Снова потянулась к каналу. Река гудела на грани ощущений, далёкая, безразличная. Мана шла медленно, по капле. Сфера наполнялась заново. Минуты тянулись, как часы.

— Готова?

— Готова.

— Указательный. Давай.

И снова жжение. И снова сопротивление. Дышала и вливала. Каждый палец — отдельный мир боли, и в каждом мире свои законы: где-то мана шла легко, где-то упиралась в тупое сопротивление, где-то ткань судорожно дёргалась, и я не могла её остановить.

Большой палец. Сфера опустела во второй раз. Наполнить. Ждать. Снова.

Ладонь. Вот тут я стиснула зубы до хруста. В ладони десятки мелких мышц и связок, и каждое волокно сопротивлялось по-своему. Мана растекалась неравномерно, и боль стала тупой, ноющей, будто кто-то выкручивал ладонь изнутри. Пальцы дрожали, пот катился по вискам.

— Распределяй, — голос деда. — Тонким слоем. Везде. Не в одну точку.

Я распределяла. Мана шла ровнее, но боль не уходила, а лишь меняла характер: из острой стала тянущей, глубокой, выкручивающей.

Запястье. Предплечье. Каждое новое сочленение — новый очаг боли. Связки запястья горели так, что я стиснула свободную руку в кулак и впилась ногтями в ладонь, чтобы не закричать. Мана входила в сухожилия, и те отвечали мелкой, частой дрожью, как загнанная лошадь.

Сфера опустела в третий раз. Четвёртый. Пятый. Каждый раз лёжа, глядя в потолок, и ждала, пока река наполнит её заново. И каждый раз знала: впереди ещё боль, ещё сопротивление, ещё эта тупая, выматывающая борьба с собственным телом, которое не хочет меняться.

Локоть. Мышцы здесь были жёстче, и мана шла тяжело, как вода в вязкую глину. Я чувствовала, как каждое волокно дёргается, стонет, не хочет принимать силу. Она давила, и волокна поддавались, но с болью, с судорогами, с таким сопротивлением, будто она ломала их, а не перестраивала.

— Не рви, — предупредил дед, увидев, как я стиснула зубы и сжала свободную руку. — Если порвёшь связку, я не смогу её починить. Магия огня не лечит. А ты сама себя не зашьёшь, пока тело перестраивается.

Я убавила. Не потому что не хотела давить, а потому что знала: он прав. Одно неловкое усилие — и связка лопнет, и тогда всё, ради чего я терпела, пойдёт прахом.

Плечо. Сфера опустела в шестой раз. Я лежала мокрая от пота, дрожащая. Левая рука от кончиков пальцев до плеча превратилась в один сплошной, ноющий, тупой очаг. Не острый, как порез, а глубокий, как ушиб, который не проходит, а только растёт. Мышцы дрожали. Связки ныли. Кожа была горячей и чувствительной, будто её содрали и натянули заново.

Свеча на столе оплыла до половины. За окном было уже темно.

— Наполняй, — сказал дед.

И я снова потянулась к каналу. Река была далеко, гудела глухо. Мана шла по капле, и сфера наполнялась мучительно медленно.

— Я помню, как это было с костями, — тихо сказала я, не открывая глаз. — Это хуже.

— Кости мёртвые, — ответил дед. — Они не сопротивляются. А мышцы и связки живые. Каждое волокно живёт и не хочет меняться. Ты заставляешь его стать другим. Для него это смерть старого и рождение нового. Поэтому больно.

Я кивнула. Знала, но знание не помогало. Боль не становилась слабее от того, что ты понимал её природу.

Когда сфера наполнилась, и я не стала ждать команды. Потянула ману в правую руку.

И знала: теперь мне предстоит пройти то же самое снова. Каждый палец. Каждое волокно. Каждую связку.

Правая рука была хуже. Не потому что больнее. А потому что я знала, что будет. Знание делало боль ожидаемой, а ожидаемая боль мучает сильнее неожиданной: ты ждёшь её, готовишься, напрягаешься, и она приходит именно туда, куда ты боишься.

Пальцы. Ладонь. Запястье. Предплечье. Локоть. Плечо. Каждый участок — жжение, судороги, сопротивление, и мана, мана, мана, втекающая в волокна, перестраивающая, заставляющая их становиться плотнее, жёстче, сильнее. Я дышала: вдох, выдох, вдох, выдох.

Иногда мне казалось, что дышит болью, что воздух, который входит в мои лёгкие, и есть эта жгучая, ноющая, выкручивающая сила.

Свеча оплыла до конца. Дед зажёг новую. Я видела это краем глаза и понимала: прошёл не один час.

Сфера опустела в седьмой, потом в восьмой раз. Наполнить. Ждать. Снова.

Ноги были адом.

Мышцы ног привыкли к нагрузке: бег, прыжки, бревно. Они были сильными. Но мана входила в них не как в губку, а как в чугун: медленно, с хрустом, с сопротивлением. Я чувствовала, как каждое волокно икроножной мышцы натягивается, как мана вплетается в него, как оно стонет и поддаётся. Стопы горели. Голени ломило. Бёдра пылали так, что я стискивала зубы до скрипа.

Связки коленей. Я помнила их по костям: тогда они сопротивлялись сильнее всех, и мана шла по ним, как по стальным струнам. Но кости в итоге приняли. А живые связки — нет. Каждое волокно натянулось, задрожало, и мана ползла по нему, и я чувствовала, как каждый

миллиметр сопротивляется, не хочет, не принимает. Пот заливал глаза. Руки, лежавшие вдоль тела, сжимались в кулаки так, что ногти оставляли следы на ладонях.

— Больно, — выдавила я. Не как жалоба. Как факт.

— Знаю, — ответил дед. — Но если остановишься сейчас, колени останутся наполовину усиленными. Первый же удар по суставу сломает их. Продолжай.

Я продолжала. Мана шла, и связки поддавались, по одному волокну, и каждое волокно перестраивалось, становилось плотнее, крепче, способным держать удар, который раньше сломал бы его.

Сфера опустела в девятый раз.

Спина.

Мышцы спины были плоскими, широкими, переплетёнными слоями. Мана входила в них как вода в слоистый камень: просачивалась между пластами, находила трещины, заполняла, уплотняла. Боль была тянущей, будто кто-то хватал мышцу двумя руками и медленно, с силой, растягивал, пока та не начинала стонать.

Поясница. я стиснула зубы так, что заныла челюсть. Мышцы поясницы держали всё тело, и мана входила в них, будто пыталась расплавить чугун. Каждое волокно сопротивлялось изо всех сил.

Дыши глубже, — голос деда. — Если будешь дышать часто, мышцы спазмируются, и мана не пойдёт.

Я заставила себя дышать медленно. Вдох. Выдох. И мана пошла, тяжёлая, густая, перестраивающая, и поясница горела, и я стискала зубы, и пот стекал по вискам, и свеча на столе оплыла и погасла, и дед зажёг третью.

Грудь. Живот. Межрёберные мышцы. Боль была давящей, будто кто-то стоял на груди и не давал дышать. Мана входила в диафрагму, и та судорожно сжималась, и я давилась воздухом.

— Дыши. Через боль. Дыши.

Шея. Мышцы шеи были тонкими, и мана входила в них остро, как иглы. Каждое волокно дёргалось, перестраивалось, становилось плотнее, жёстче. Голова тяжело лежала на скамье, и я не могла её повернуть.

Лицо. Мышцы лица были крошечными, и боль от их перестройки была унизительно резкой: будто кто то щипал за каждую жилку. Я морщилась, стискивала зубы, и мана входила, и мышцы становились плотнее, и кожа — чуть толще.

Сфера опустела в десятый раз.

Я не знала, сколько прошло времени. Свеча на столе больше не горела. В комнате было темно, и только бледный рассветный свет сочился сквозь щели в ставнях. Я лежала на скамье, мокрая от пота, с дрожащими мышцами и пустой, выжженной до дна сферой.

Десять раз. Десять раз я наполняла резерв из реки. Десять раз выжигала его до последней капли, вливая ману в каждый мускул, в каждую связку, в каждый сухожильный тяж. Десять циклов боли, сопротивления, перестройки.

И всё это было позади.

Я лежала и не двигалась. Тело не ныло. Не горело. Не дёргалось. Оно было… другим. Тяжёлым, плотным, незнакомым. Будто кто-то снял с меня старую оболочку и надел новую, из материала, который я сама себе выковала.

Я сделала первый глубокий вдох. Воздух вошёл легко, ровно, не застревая в горле, не упираясь в спазм. И с этим вдохом пришло облегчение. Не резкое, не яркое, а медленное, как рассвет: сначала чуть-чуть, потом больше, потом так сильно, что я закрыла глаза и почувствовала, как по щеке катится одна-единственная слеза.

Не от боли. От того, что всё закончилось.

— Выдохни, — тихо сказал дед, и голос его был другим: не ровным, не строгим, а почти мягким.

Я выдохнула. Долго, рвано, всем телом. И с этим выдохом вышло всё: жжение в пальцах, ноющая боль в плечах, тупая тяжесть в пояснице, судороги в ногах. Не сразу, а постепенно, будто отступал прилив. Мышцы расслабились. Связки отпустило. Тело лежало на скамье, и я впервые за сутки чувствовала его не как поле боя, а как дом, в котором наконец стало тихо.

— Сколько? — прошептала я.

— Почти сутки, — ответил дед. — Ты молодец.

Эти два слова были сказаны тихо, буднично. Но я услышала их так, будто он крикнул. Потому что Владимир Александрович не говорил «молодец». Никогда.

Я открыла глаза. Потолок был светлым: рассвет прошёл, наступило утро. Новый день.

— Попробуй пошевелить пальцами, — сказал дед.

Шевельнув пальцами левой руки. Они послушались. Но не так, как раньше: быстрее, точнее, будто каждый палец стал самостоятельным, живым, и в то же время частью чего-то большего.

Пошевелила правой. То же. Потом согнула локоть. Потом подняла руку. Рука поднялась легко, без дрожи, без усталости, будто весила вдвое меньше, чем вчера. Я смотрела на неё и не узнавала: кожа была той же, но под ней чувствовалась плотность, которой раньше не было.

Я села. Потом встала. Ноги держали. Не дрожали, не подкашивались. Стояли, как столбы, вколоченные в землю.

Я подняла руки перед собой, сжала кулаки и разжала. И вдруг рассмеялась: коротко, хрипло, с облегчением.

Я вышла во двор. Утро было холодным, пахло дымом и талым снегом. Стоя на крыльце дышала, и каждый вдох наполнял меня не просто воздухом, а ощущением: я прошла через это. Я знаю, что такое. И теперь мне не так страшно.

Из дома вышел Антон. Увидел меня, остановился. Посмотрел так, будто что-то заметил.

— Ты… изменилась, — тихо сказал он. — Не внешне. Внутри. Ты стоишь по-другому.

— Я почти сутки лежала на скамье, — сказала я. — Мне было так больно, что я хотела кричать. Но я не закричала.

— Ты не должна была терпеть одна, — тихо сказал Антон.

–Должна, — ответила я. — Потому что это моё тело. Моя сила. И если я не смогу пройти через это сама, значит, я не заслуживаю быть боевым магом.

Глава 14 « Спарринг »

Утро после перестройки было тихим. Я стояла во дворе, дышала холодным воздухом и чувствовала своё тело так, как никогда раньше. Не как набор мышц и костей, а как единое целое: плотное, тяжёлое, слитое. Кости, усиленные два дня назад. Мышцы и связки, перестроенные вчера. Всё вместе — каркас, который не ломался от обычного удара.

Владимир Александрович вышел из дома, неся в руках две палки: одну — толстую, дубовую, потёртую от бесконечных тренировок; вторую — тоньше, легче. Толстую он оставил себе. Тонкую протянул мне.

— Сегодня не как обычно, — сказал он, перекидывая палку из руки в руку. — Сегодня ты будешь бить.

Я подняла бровь.

— Я всегда бью.

— Нет. Ты всегда защищаешься. Уворачиваешься, ставишь броню, уходишь. Сегодня ты будешь нападать. А я буду бить в ответ. И ты наконец почувствуешь, зачем ты вчера пролежала на скамье сутки.

Я взяла палку. Взвесила в руке. Лёгкая. Раньше она казалась бы обычной деревяшкой. Сейчас я чувствовала каждый грамм, каждый изгиб, каждую неровность на древке. Пальцы обхватили рукоять так, будто выросли из неё.

Дед не сразу встал в стойку. Он задержался у крыльца, расстегнул что-то на своём запястье и повернулся ко мне. В его руке был ремешок — грубая льняная нить, потемневшая от смолы, с десятью тугими узлами. Я столько раз видела его на руке деда, но никогда не спрашивала, зачем он ему. Узлы были старые, тёмные, местами потрёпанные, будто каждый из них помнил свой бой.

— Держи, — сказал он и протянул ремешок мне. — Мой.

Я замерла, не решаясь взять.

— Но он твой…

— Был мой, — спокойно перебил дед. — А теперь твой. Я в нём больше не нуждаюсь. А тебе он нужен. Ты сегодня впервые увидишь границу, но не на ощупь, а глазами. Узлы покажут, где край. Один узел — один глоток маны. Не больше, не меньше. Когда поднимаешь броню или бьёшь магией — развязываешь узел. Когда останется три — думай, как закончить бой. Когда один — думай, как уйти. Но не трать последний на красивый удар.

Я осторожно взяла ремешок. Он был тёплым от его руки, грубым на ощупь, пропитанным смолой и чем-то ещё — запахом дыма, пота, долгих тренировок. Узлы лежали ровно, тугие, двойные, будто каждый был завязан не просто нитью, а намерением. Десять штук. Ровно столько, сколько, по его расчётам, я могла безопасно потратить за один бой.

— А если я потрачу больше? — тихо спросила я.

Дед чуть приподнял бровь.

Я надела ремешок на запястье. Он лёг плотно, но не давил. Узлы оказались шершавыми под пальцами — их можно было нащупать даже вслепую, если вдруг станет темно или закружится голова.

— А если они развяжутся сами?

— Не развяжутся, — спокойно ответил он. — Смола, заговор, узел двойной. Они держатся, пока ты сама не решишь их снять.

Я сжала запястье, ощущая узлы под пальцами. Это было странно: простая вещь, сплетённая из грубой нити, вдруг стала чем-то важным. Не украшением, не безделушкой, а частью меня — как кости, как мышцы, как сама магия.

Спасибо, — сказала я, и голос прозвучал чуть твёрже, чем раньше.

Он просто не даст тебе забыть, что сила кончается.

— Готова? — дед встал напротив, в трёх шагах. Палку держал опущенной, не в стойке, а расслабленно, будто и не собирался драться. Я знала: это обман.

— Готова.

— Тогда иди.

Я шагнула вперёд. Не рванула, не бросилась, а шагнула, перенося вес на правую ногу, и ударила: прямой, быстрый, сверху вниз, целясь в плечо. Раньше такой удар был бы медленным, телеграфным: дед увидел бы его за полсекунды и ушёл. Но сейчас я не успела даже подумать «удар», как палка уже рассекла воздух.

Дед сместился. Чуть, на полшага, но этого хватило: палка прошла в сантиметре от его плеча. Я не остановилась. Не задумалась. Тело само сделало следующее: шаг, перенос веса, удар слева, снизу, в бок. Снова мимо: дед ушёл, будто знал заранее.

— Быстрее, — бросил он. — Ты думаешь, куда бить. Не думай. Бей.

Я стиснула зубы и рванула. Два удара подряд: справа, потом слева, потом тычок концом палки в корпус. Пальцы перехватывали древко сами, без задержки, без неловкости, будто тренировались годами, а не неделю. Мышцы рук отвечали мгновенно: сокращались, расслаблялись, снова сокращались, и каждый удар выходил резче предыдущего.

Четвёртый удар достал. Не полностью: палка скользнула по предплечью деда, лишь чуть задев. Но я почувствовала это: плотный, жёсткий контакт, от которого рука не онемела, не дрогнула. Раньше от такого удара меня бы саму откинуло. Сейчас я устояла, и палка в моей руке даже не дёрнулась.

Дед чуть наклонил голову, и я поймала в его взгляде то, что раньше не видела: интерес. Не одобрение, не строгость. Интерес.

— Ещё, — коротко сказал он и вдруг шагнул вперёд.

Удар пришёл сбоку, тяжёлый, хлёсткий. Дед не замахивался — он просто повернул корпус, и палка полетела, как плеть. Я увидела её не глазами, а телом: мышцы живота напряглись раньше, чем мозг обработал движение. Я ушла влево, и палка просвистела там, где секунду назад была моя голова.

Ответный удар — сразу, не думая. Снизу, в корпус. Палка врезалась в рёбра деда, и на этот раз — полностью. Я почувствовала, как удар прошёл сквозь одежду и уткнулся в плотную, жёсткую ткань. Не кости, не жир, а что-то среднее: мускулатура, которая держала удар, как стена держит ветер.

Дед не отступил. Не покачнулся. Только выдохнул коротко, будто споткнулся, и тут же ответил: обратный замах, сверху, тяжёлый. Я подняла свою палку и приняла удар на блок.

Раньше такой блок кончился бы тем, что мои руки заболели бы от запястий до плеч, палка вылетела, а меня саму откинуло на два шага. Сейчас я приняла удар, и руки удержали. Не легко, не без усилия: я почувствовала, как тяжесть удара прошла по палке в запястья, оттуда в предплечья, оттуда в плечи, и везде, на каждом уровне, мышцы и связки приняли, погасили, удержали. Как амортизаторы, которые раньше были слабыми, а теперь стали плотными, способными держать.

Но дед не дал мне времени на радость. Сразу после удара он шагнул ещё ближе, и палка мелькнула снова: тычок, быстрый, как укус, в живот. Я не успела увернуться. Палка ударила в корпус.

Я отступила на шаг. Но только на один. Раньше такой удар сбил бы меня на землю. Сейчас я отступила, и тело внутри гудело, но не от боли, а от толчка: мышцы живота приняли удар, спружинили, погасили. Не полностью: ещё вчера это было бы больно. Но сегодня боль была тупой, далёкой, будто кто-то ударил по доспеху, а не по живому телу.

— Чувствуешь? — спросил дед, не опуская палки.

— Чувствую, — ответила я, и в голосе не было удивления. Была злость. Та самая, упрямая, колючая, которая заставляла меня вставать, когда хотелось лежать. — Ещё раз.

Мы сошлись снова. На этот раз я не стала ждать: шагнула первой, и тело повело меня так, как никогда раньше. Не отдельными ударами, а серией: шаг, удар справа, перенос веса, удар слева, разворот, тычок, ещё удар. Палка в моих руках мелькала так, что слышен был только свист рассекаемого воздуха. Мышцы не думали, не считали, не задерживались: они работали, как механизм, который наконец собрали правильно.

Дед защищался. Не уворачивался, а именно защищался: ставил блоки, принимал удары на свою палку, гасил их, переходил из позиции в позицию. Он был тяжелее, сильнее, опытнее, и каждый его блок был таким, будто он давил не на палку, а на меня саму. Я чувствовала его вес через древко, через мышцы рук, через плечи. Но держала.

А потом дед ударил. Не палкой, а ногой: подсечка, быстрая, точная, ниже колена. Я не увидела, но почувствовала: нога деда скользнула под мою лодыжку, и мир накренился.

Я упала. Но упала не так, как раньше. Раньше падение было потерей равновесия, паникой, судорожными попытками зацепиться. Сейчас тело сработало само: колено согнулось, рука приняла удар, перекат через плечо, и я уже на ногах, палка в руке, стойка восстановлена. Всё это — за долю секунды, без раздумий, без страха.

Дед чуть прищурился.

— Встала, — сказал он, и в этом слове было больше, чем во всех предыдущих.

— Я всегда встаю, — бросила я.

— Раньше ты вставала потому, что не хотела лежать. Теперь ты встаёшь потому, что можешь.

Дед не дал мне передышки. Он шагнул вперёд, и я увидела: на его руках проступил жар. Не пламя, не огонь, а тёмный, бардовый румянец, будто под кожей раскалились угли. Магия огня. Он ещё не бил ею, но уже разогревался.

— Теперь с магией, — сказал он. — Поднимай броню.

Я не стала ждать. Потянула ману из сферы, и внутри вспыхнуло знакомое: зелёный свет, резкий, яркий. Глаза загорелись. Аура выбилась наружу, колючая, живая, и броня легла второй кожей, тонкая, плотная, полупрозрачная дымка, обтягивающая тело от шеи до кончиков пальцев.

Резерв просел: я почувствовала, как мана ушла на поддержание брони, и нащупала на запястье ремешок: один узел. Один глоток маны.

Дед ударил.

Не палкой. Кулаком. Прямой, тяжёлый, с вложенным в него жаром. Я видела, как его кулак прошёл сквозь воздух и ударил меня в предплечье, которое я успела поднять.

Удар был тяжёлым. Не как палка, а как молот. Я почувствовала, как броня приняла на себя первый удар: зелёная дымка вспыхнула ярче, сжалась, приняла жар, не пропустив его к коже. Но удар был такой силы, что меня откинуло.

Не упала, не сбило, а отодвинуло: ноги скользнули по утоптанному снегу на полшага, но удержалась. Броня погасила жар. Резерв просел ещё на узел. Два узла.

— Держит, — сказала я, и в голосе моём было не облегчение, а вызов.

— Держит, — согласился дед. — Но я бил вполсилы.

Он ударил снова. На этот раз палкой, и палка горела: не пламенем, а тёмным, багровым жаром, от которого снег вокруг таял, а воздух дрожал. Удар пришёл сверху, тяжёлый, обжигающий.

Я подняла свою палку и приняла на блок. Дерево в моих руках заскрипело, и на месте контакта появилась чёрная, обожжённая полоса. Жар прошёл сквозь палку, и я почувствовала, как ладони обожгло, но броня на руках вспыхнула зелёным, приняла жар, не дала ему прожечь

кожу. Мышцы под бронёй напряглись, приняли тяжесть удара, и я устояла. Не отступила ни на шаг.

Но резерв просел. Три узла.

Я не стала ждать третьего удара. Рванула вперёд, и тело снова повело меня: шаг, разворот, удар снизу, под блок деда. Палка скользнула по его рёбрам. Дед чуть качнулся.

Не отступил, не упал, но качнулся: его корпус сместился на сантиметр, и я увидела, как он чуть переступил, восстанавливая баланс.

Я достала его. По-настоящему.

— Хороший удар, — сказал дед, и в голосе не было похвалы. Была констатация. — Но ты открылась.

Я не успела среагировать. Дед шагнул вперёд, и его кулак, раскалённый, пылающий тёмным жаром, ударил меня в бок, туда, где рёбра переходят в живот.

Броня вспыхнула. Зелёная дымка сжалась, приняла жар, и я почувствовала, как мана рванулась к месту удара, пытаясь компенсировать. Но удар был тяжёлым: не просто физический, а с магией огня, и жар просочился сквозь броню, не как пламя, а как волна тепла, которая обожгла кожу, заставила мышцы судорожно сжаться.

Я отступила. Два шага. Три. Ударилась спиной в забор, но не упала. Броня держала. Тело держало. Бок горел, но не от ожога, а от толчка, и я чувствовала, как укреплённые мышцы принимают удар, гасят его, не дают ему пройти глубже.

Четыре узла на ремешке.

Я оттолкнулась от забора и снова встала в стойку. Дыхание сбилось, но выровнялось за два вдоха. Раньше после такого удара я бы лежала.

— Ещё, — сказала я, и голос был ровным.

Дед не стал повторять один и тот же приём. Он работал: палкой, кулаками, ногами, и каждый удар был другим, из другой позиции, с другой силой. Я защищалась и била в ответ. Палка мелькала, броня вспыхивала, зелёная аура дрожала от каждого контакта.

Я принимала удары на блок, и руки держали. Не дрожали, не онемевали, не подкашивались. Мышцы и связки, перестроенные сутки назад, работали как пружины: сжимались, принимали, возвращали. Я впервые била в ответ не из страха, а из силы. Каждый мой удар был тяжелее, точнее, быстрее, чем раньше. Я видела, как дед чуть меняет позицию, чуть переступает, и понимала: мои удары больше не пустые. Он вынужден реагировать.

Но дед был сильнее. Опытнее. Он читал мои движения, видел замахи раньше, чем палка начинала лететь, и уходил, гасил, контратаковал. Его палка находила щели: удар по бедру, удар по плечу, тычок в корпус. Каждый раз я чувствовала: броня принимает, мана уходит, резерв падает. Пять узлов. Шесть.

А потом дед сделал то, чего я не ждала. Он бросил палку.

Я увидела, как дубовое древко пролетело мимо, и не успела понять, зачем. А дед уже шагнул вперёд, без оружия, с голыми руками, и на его кулаках пылал тёмный, багровый жар. Он ударил: прямой правой в корпус, быстрый, тяжёлый, с вложенной в него магией огня.

Я поставила блок: предплечье приняло удар. Броня вспыхнула, жар прошёл сквозь неё, и я почувствовала, как моя рука отлетела в сторону, а дед уже бил левой: крюк, в бок, туда же, куда уже бил. Тот же удар, та же точка.

Я не успела поставить блок. Кулак деда ударил в бок, и на этот раз жар был сильнее. Броня вспыхнула ярко, зелёная дымка на боку стала тоньше, почти прозрачной, и я почувствовала, как тепло просочилось к коже, обожгло, заставило мышцы судорожно сжаться.

Семь узлов.

Но я не отступила. Я сделала то, чего дед не ждал: шагнула к нему, внутрь его удара, туда, где его руки уже не могли набрать силу, и ударила. Не палкой, а кулаком. Прямой, короткий,

снизу, в корпус. Мана не шла в удар: просто кость, мышца, связка, перестроенные и усиленные, и вес всего тела, вложенный в кулак.

Удар достиг. Кулак врезался в живот деда, и я почувствовала, как прошла сквозь наружный слой мышц и упёрлась во что-то твёрдое, плотное, как стена. Дед не качнулся. Не отступил. Но он остановился. И я увидела, как его челюсть чуть сжалась: он принял удар, и удар был не пустой.

— Вот это, — тихо сказал он, — ты раньше не могла.

Я стояла рядом с ним, тяжело дыша, с горящими зелёными глазами и тонкой, мерцающей бронёй, которая ела мой резерв. Семь узлов на ремешке. Бок горел. Руки дрожали. Но я стояла.

–Ещё раз, — сказала я.

Дед посмотрел на меня. Не строго, не оценивающе. Просто посмотрел, будто видел впервые. Потом кивнул.

Мы сошлись снова. На этот раз я не стала ждать: рванула первой, и тело повело меня. Не отдельными ударами, а потоком: шаг, удар, шаг, удар, разворот, снова удар. Палка мелькала, и каждый удар был быстрее, тяжелее, точнее, чем раньше. Мышцы работали без задержки, без усталости, без дрожи. Связки держали каждый поворот, каждый рывок, каждое изменение направления. Тело, перестроенное сутки назад, было не моим старым телом. Оно было другим. И оно хотело драться.

Дед защищался. Ставил блоки, гасил удары, контратаковал. Его палка встречала мою палку, и каждый удар был как столкновение двух плит: тяжёлый, жёсткий, от которого вибрация проходила по рукам, по плечам, по спине. Я держала. Не всегда: иногда удар проходил, задевал плечо, бедро, корпус. Броня вспыхивала, резерв падал. Восемь узлов. Девять.

Но я била в ответ. И била так, что дед вынужден был реагировать. Он больше не стоял, как скала, принимая удары и не шевелясь. Он двигался. Уходил. Переступал. И я видела это, и внутри меня гудело не от маны, а от другого: от понимания, что я заставляю его двигаться.

Его, Владимира Александровича, мага огня, прошедшего десятки боёв. Я заставляю его переступать.

Дед ударил снизу, и палка прошла под моим блоком, ткнула в бедро. Броня вспыхнула, но удар был тяжёлым, и я почувствовала, как нога чуть подкосилась. Не упала, не качнулась, но на долю секунды потеряла опору.

Дед не дал мне времени. Шагнул вперёд, и его кулак, раскалённый, пылающий, ударил в корпус. Прямой, тяжёлый, в солнечное сплетение.

Броня вспыхнула ярко, зелёная дымка на груди стала тоньше, и жар прошёл сквозь неё. Я почувствовала, как тепло ударило в диафрагму, как дыхание перехватило, как тело отшвырнуло назад. Я отлетела на два шага, ударилась пятками о мерзлую землю, но не упала. Укреплённые мышцы бёдер и икр вцепились в землю, как корни, и я устояла, хоть и согнулась пополам, задыхаясь.

Десять узлов. Резерв почти пуст. Сфера внутри сжалась до размера яблока и гудела, готовая погаснуть. Броня на груди и боку была почти прозрачной, еле мерцала.

— Сними броню, — спокойно сказал дед. — Она тебя съест.

Я не ответила. Не могла: дыхание ещё не вернулось. Но послушалась: отпустила ману, и броня рассыпалась, зелёная дымка погасла, аура исчезла. Глаза перестали светиться. Я осталась в своём теле, без магии, без защиты.

Выпрямилась. Вдох. Выдох. Вдох. Выдох.

Дыхание выровнялось. Бок ноет, грудь горит, но тело цело. Ни одного перелома, ни одного разрыва. Укреплённые мышцы приняли всё: удары палкой, удары кулаком, жар магии огня. Раньше после такого спарринга я бы лежала в кровати неделю.

— Ну? — спросил дед, опуская руки. Жар на его кулаках погас, кожа стала обычной.

Я посмотрела на него. На ремешке — десять узлов. Резерв пуст. Тело ноет. Но стоит.

— Я достала тебя трижды, — сказала я, и в голосе не было хвастовства. Была сухая, упрямая гордость. — Ты качнулся, когда я ударила в рёбра. Ты переступил, когда я била серией. И ты остановился, когда я ударила кулаком.

Дед молчал. Потом медленно кивнул.

— Трижды, — подтвердил он. — Четыре дня назад — ни разу.

Тут только я заметила, что вокруг уже не пусто. Пока мы дрались, к двору стянулись люди из деревни.

Сначала один мальчишка — тот самый, что вечно крутился у кузницы и знал про каждого мага в округе по три легенды. Он прибежал первым, запыхавшийся, глаза круглые, будто увидел не спарринг, а чудо. Потом подтянулась старуха Марфа — она шла медленно, опираясь на клюку, но взгляд у неё был цепкий, ничего не пропускал. За ней — несколько мужиков с ближнего поля, ещё не сняв рукавиц, будто бросили работу на полуслове.

Дальше — женщины с корзинами, дети, старики… двор обрастал людьми, как дерево ветвями.

Они стояли за невысоким плетнём, кто молча, кто перешёптываясь. Я слышала обрывки слов:

— Гляди, как она крутится… — А дед-то не просто отбивается… — Да он ей всерьёз бьёт! — А она держит…

Кто-то ахнул, когда дед швырнул палку и пошёл на меня с голыми руками, объятыми жаром. Кто-то охнул, когда я шагнула внутрь удара и врезала ему кулаком. А когда я отлетела от удара в солнечное сплетение, но не упала, а выпрямилась — по двору прокатился общий выдох, будто все разом задержали дыхание и только теперь смогли его выпустить.

Когда дед велел снять броню, и зелёная дымка растаяла, толпа будто чуть выдохнула — словно до этого все стояли на цыпочках, боясь спугнуть.

Дед, будто только сейчас вспомнив, что мы не одни, чуть повернул голову к людям, потом снова посмотрел на меня.

— Трижды, — повторил он уже громче, так, чтобы слышали все. — Она достала меня трижды. И не случайно. Не везением. Каждый раз — своим ударом.

По рядам пробежал тихий гул. Кто-то из мужиков одобрительно хмыкнул. Мальчишка, не сдержавшись, прошептал:

— Вот это да…

Старуха Марфа покачала головой, но в её глазах было не осуждение, а уважение — такое, какое бывает у тех, кто видел много боёв и знает цену каждому шагу.

— Раньше она бы и палку в руках удержать не смогла, — тихо сказала одна из женщин, будто оправдывая то, что смотрела, будто объясняя самой себе, почему сердце колотится где-то в горле.

А дед снова повернулся ко мне, и в его взгляде уже не было ни строгости, ни интереса — только спокойная уверенность.

— Ты не просто выдержала, — сказал он. — Ты заставила меня двигаться. А это труднее, чем выдержать удар.

Я стояла, чувствуя, как по спине ползёт холодный пот, как ноют мышцы, как гудит пустеющая сфера внутри. И впервые за всё время мне стало не по себе не от боя, а от взглядов. Десятки глаз смотрели на меня — не как на девочку, что вечно путается под ногами, а как на бойца. Как на ту, кто может.

Но это чувство быстро сменилось другим — тёплым, почти незнакомым. Не гордостью, нет. Скорее, ощущением, что я наконец-то встала на своё место.

Вечером я сидела на крыльце. Тело ныло, но это была хорошая боль — честная, заработанная. Антон сел рядом, протянул кружку горячего чая. Я взяла, обхватила пальцами. Руки были в ссадинах, костяшки покрасневшие. Но не дрожали.

— Знаешь, — тихо сказал он, — когда я прибежал, там уже полдеревни стояло. И знаешь, что самое странное? Никто не кричал «хватит», никто не хотел, чтобы вы остановились. Все стояли и смотрели, как ты дерёшься. Будто ждали этого. Будто хотели увидеть, что ты можешь.

Я чуть улыбнулась, глядя на пар, поднимающийся от кружки.

— Наверное, они просто не верили, что я когда-нибудь смогу достать деда.

Антон кивнул.

— А ты смогла. Трижды. И теперь они это знают.

Я помолчала, прислушиваясь к тишине, которая опускалась на деревню. Снег становился синим, тени ложились ровно, как строчки в книге. И где-то внутри, под усталостью, под ноющей болью, шевелилось что-то новое — не мана, не магия, а простое, человеческое: я сделала то, во что никто не верил. Даже я сама.

И теперь это знали все.

Глава 15 « Камни и мана »

Я сидела на крыльце, обхватив колени, и прислушивалась к себе. После спарринга с дедом тело будто стало чужим — и в то же время самым настоящим из всего, что у меня было. Мышцы не ныли, как раньше после тренировки, а гудели, словно натянутые струны. А внутри, там, где жила мана, всё было иначе.Сфера резерва, которая раньше умещалась в груди, как яблоко, теперь стала больше. Не просто чуть крупнее — она будто расправила плечи, заняла место, которого раньше не хватало. Я чувствовала её не как точку, а как пространство: глубокое, плотное, с медленным, ровным течением силы. Раньше мана утекала сквозь пальцы, стоило только попробовать удержать её подольше. Теперь она держалась, собиралась, откликалась на малейшее намерение.«Это из-за перестройки, — подумала я, закрывая глаза и позволяя мане прокатиться по каналам. — Тело теперь не просто вместилище. Оно — фильтр, опора, пружина. Держит то, что раньше рассыпалось».

Дед вышел из дома, не спеша, будто знал, что я сижу и разбираюсь с собой. Остановился рядом, оперся на косяк.

— Чувствуешь? — спросил он спокойно.

Я кивнула.

— Сфера стала больше. И плотнее. Раньше она была как вода в треснутом кувшине. Сейчас… Сейчас кувшин починили.

Дед хмыкнул, но в этом звуке не было насмешки.

— Хорошо. Значит, не зря ты сутки на скамье пролежала. Теперь эта сила должна чему-то служить. Не просто быть. А работать.

Он махнул мне рукой:

– Пойдём. Покажу, чему ты теперь сможешь её отдать.Мы вошли в дом. Внутри было тепло, пахло сушёными травами и старым деревом. Дед прошёл прямо на кухню, отодвинул половицу у печки и вытащил от туда тяжёлый сундук. Щёлкнул замком, откинул крышку и достал небольшую шкатулку — чёрную, лакированную, с тонкой серебряной насечкой по краям.— Держи, — он протянул её мне. — Только осторожно. В ней не богатство, а труд.Я взяла шкатулку. Она была неожиданно тяжёлой для своих размеров. Дед приподнял крышку, и я увидела внутри маленькие камни, уложенные в бархатные гнёзда: дымчатый кварц с тонкими серебристыми прожилками, тёмнокрасный гранат, холодный аметист с едва заметной фиолетовой дымкой, золотистоянтарный цитрин и чёрный обсидиан, гладкий, как застывшая капля ночи.

– Вот твои учителя, — сказал дед. —Каждый из них требует своего подхода. Кварц любит глубину и терпение. Гранат — жар и решимость. Аметист — тишину и сосредоточенность. Цитрин охотно берёт лёгкую, светлую ману, а обсидиан… он почти не просит, но если отдашь ему силу — удержит крепко, будто забудет отпустить.

Он достал из шкатулки тот самый дымчатый кварц и протянул мне. Камень был прохладным, гладким, но не безжизненным. Под пальцами я ощутила лёгкое, едва заметное дрожание — будто внутри камня что-то шептало. Не слова, а ритм. Медленный, глубокий, как дыхание спящего зверя.

— Возьми, — сказал дед. — И скажи, что чувствуешь. Не глазами. Рукой. И тем, что внутри.

— Он… живой? — неуверенно спросила я.

— Не живой, — поправил дед. — Но способный. Как пустая чаша. Его можно наполнить. Или оставить пустым. Сегодня будем наполнять.

Мы сели за стол. Дед расстелил на столешнице кусок тонкой льняной ткани — чтобы дерево не тянуло силу.

— Садись, — велел он. — Положи камень на ткань. Теперь слушай.

Я села, положила кварц перед собой и закрыла глаза. Дед не торопил. Тишина в кухне стала густой, почти осязаемой, и в ней я начала различать то, что раньше ускользало: не просто холод камня, а его тягу, его тихий, настойчивый шёпот.

– Ты его почувствовала, — тихо сказал дед. — Теперь не давай. Не сразу. Сначала покажи, что ты здесь главная. Пусть он чувствует твою волю.

Я представила, как моя мана собирается в груди, становится плотной, как густая смола. Потом я мысленно потянула её вниз, к ладоням, и позволила коснуться камня — не влить, а просто прикоснуться. И почувствовала, как камень отозвался: не рванулся к силе, а мягко принял касание, будто кивнул.

— Теперь вливай, — сказал дед. — По капле. Не потоком. Капля за каплей. Представь, что ты не льёшь воду в чашу, а растираешь масло по стенкам. Пусть мана ложится ровно, впитывается, становится частью камня.

Я сделала, как он велел. Первая капля ушла легко, будто камень сам её втянул. Вторая — чуть медленнее. Третья заставила меня напрячься: я почувствовала сопротивление, как будто камень говорил: «Хватит, мне достаточно».

— Стой, — вдруг сказал дед.

Я замерла, не отпуская камень.

— Ты чувствуешь, как он упирается?

— Да… будто он говорит, что больше не примет.

— Правильно. Камень не бездонный. Он берёт столько, сколько может удержать. Если перелить — магия начнёт сочиться сквозь трещины, или камень станет хрупким, или вообще лопнет. Хороший камень — как хороший щит: он держит ровно столько, сколько нужно, и не больше.

Мы повторили упражнение ещё несколько раз, но теперь дед заставлял меня останавливаться раньше, чем камень начинал упираться. Учиться чувствовать границу. Потом он дал мне гранат.

— Этот любит жар, — предупредил он. — Если будешь лить холодную ману, он будет сопротивляться. Попробуй подогреть свою силу намерением. Не температурой — намерением. Пусть она будет решительной, быстрой, как удар.

Гранат принял ману иначе, чем кварц: не впитывал, а будто всасывал, жадно, стремительно. Я едва успевала подавать капли, как он их поглощал. Но на пятой капле дед снова остановил меня.

— Хватит. Он может взять больше, но ты не должна ему позволять. Камень должен уважать твою руку. Иначе однажды он потянет из тебя больше, чем ты готова отдать.

К полудню у меня дрожали пальцы, а лоб покрылся тонкой испариной. Но я чувствовала себя не уставшей, а собранной. Как будто каждая капля маны, которую я отдала камням, возвращалась ко мне знанием: вот здесь граница, вот тут камень лжёт тишиной, а на самом деле хочет ещё, а вот этот уже полон до краёв.

Дед смотрел на меня и кивал.

— Сегодня ты не наполнила ни один камень до конца, — сказал он. — Но ты научилась слышать их. Это важнее. Полный камень — дело времени. А умение слышать — это мастерство.

Вечером, когда солнце уже садилось, мы снова сидели на крыльце. Я закрыла глаза и прислушалась к своей сфере. Она всё ещё была большой, плотной, но теперь в ней чувствовалось что-то новое: не просто объём, а контроль. Раньше я боялась, что мана закончится. Теперь я чувствовала, как она течёт, где собирается, где уходит, и могла остановить её, удержать, перенаправить.

Дед сел рядом, протянул кружку горячего чая.

— Знаешь, почему я начал с камней? — спросил он.

Я покачала головой.

— Потому что сила без формы — это буря. Она ломает всё, до чего дотягивается. Камень — это форма. Он учит тебя дисциплине. Учит останавливаться. Учит отдавать ровно столько, сколько нужно. То, что ты сегодня делала, — это не про камни. Это про тебя. Про твою способность управлять своей силой.

Я посмотрела на свои руки. На пальцах ещё чувствовался лёгкий холодок от камней. А внутри — спокойная, уверенная тяжесть.

— Я поняла, — тихо сказала я. — Раньше я думала, что сила — это когда ты можешь много отдать. А теперь понимаю: сила — это когда ты знаешь, сколько можно отдать. И когда нужно остановиться.

Дед чуть улыбнулся — так редко, что эта улыбка казалась ценнее любого похвального слова.

— Завтра будем учиться запечатывать, — сказал он. — Чтобы мана не утекала. И чтобы камень держал её столько, сколько ты захочешь.

Я кивнула, чувствуя, как внутри всё замирает в предвкушении новой работы. Не боя, не удара, а тонкой, кропотливой магии, которая делает силу настоящей.

На утро дед не дал мне ни минуты на то, чтобы потянуться и прогнать остатки сна.

— Сегодня не про наполнение, — сказал он, едва я появилась на кухне. — Сегодня про удержание. Если ты не умеешь запечатать силу, она утечёт, как вода сквозь пальцы. И тогда весь твой труд — пустая трата времени.

Он достал из шкатулки тот самый дымчатый кварц, который я вчера едва-едва успела почувствовать, и положил его передо мной на льняную ткань.

— Смотри не внутрь камня, а на его поверхность, — велел дед. — Представь, что мана — это пар. Если оставить крышку открытой, он уйдёт. Тебе нужно закрыть её. Но не снаружи. Изнутри.

Я послушно закрыла глаза, потянула ману к ладоням и снова коснулась камня. На этот раз я не пыталась влить в него новую силу — я искала то, что уже было там, ту самую первую каплю, которую вчера приняла сама структура камня. Она лежала внутри, как крошечный огонёк, и чуть подрагивала, будто хотела вырваться.

— Держи огонёк, — тихо сказал дед. — Не тяни его наружу. Наоборот — оберни его, как плащом, собственной волей. Представь, что ты сплетаешь тонкую сеть прямо внутри камня, ячейку к ячейке, и эта сеть не даёт силе просочиться.

Я стала плести. Мысленно, но так отчётливо, что пальцы чуть дрожали от напряжения. Сначала сеть получалась рыхлой, с дырами, и мана утекала — я чувствовала это как лёгкое покалывание в подушечках пальцев. Дед не ругал, только коротко кивал:

— Снова. Ещё раз. Пока не почувствуешь, что сеть стала сплошной.

На третий раз что-то щёлкнуло. Не в реальности, а внутри моего ощущения: сеть вдруг легла ровно, без прорех, и мана перестала утекать. Камень будто вздохнул и замер. А потом… он засветился. Не ярко, не как факел, а изнутри, мягким, приглушённым светом, будто в нём зажгли крошечный фонарь.

Дед улыбнулся — на этот раз чуть шире, чем вчера.

– Вот оно. Ты не просто удержала. Ты запечатала. Теперь эта капля будет сидеть в камне, пока ты сама её не выпустишь. Или пока камень не разрушится.

Я смотрела на кварц, не в силах отвести взгляд. Камень тихо гудел, и этот гул был моим.

— А если я захочу забрать ману обратно? — спросила я, сама удивившись, как уверенно прозвучал мой голос.

Дед прищурился, будто оценивая, стоит ли открывать эту дверь. Потом кивнул:

— Хороший вопрос. Потому что умение брать назад — не менее важно, чем умение отдавать. Иногда камень тянет слишком много. Иногда ты ошибаешься и вливаешь не туда. А иногда… просто нужно вернуть свою силу.

Он взял другой камень — небольшой обсидиан, гладкий и чёрный, как застывшая ночь.

— Попробуй с этим. Но не вливай. Просто коснись и скажи: «Вернись». Не громко. Мысленно. Так, будто зовёшь того, кто ушёл, но всё ещё слышит твой голос.

Я положила пальцы на обсидиан. Он был холодным, почти ледяным, и в нём не чувствовалось ни дрожи, ни шёпота — только глубокая, тяжёлая тишина. Я прислушалась к себе, нашла ту самую границу, где моя мана соприкасалась с камнем, и тихо позвала: «Вернись».

И она вернулась. Не потоком, не рывком, а тонкой струйкой, будто камень неохотно отдавал то, что успел забрать. Я почувствовала, как сила вливается обратно в мою сферу, и вместе с ней пришло странное ощущение — будто я не просто вернула своё, а узнала камень чуточку лучше. Он не хотел отпускать. Он цеплялся.

— Видела? — тихо спросил дед. — Обсидиан любит держать. Он как старый скупец: взял — и не отдаёт. С ним надо твёрдо. Не просить, а требовать. И всегда оставлять себе крючок, за который сможешь потянуть обратно.

Я кивнула, чувствуя, как внутри разливается не усталость, а ясность. Теперь я понимала: камни не просто хранилища. Они — собеседники. У каждого свой характер, свои привычки, свои хитрости. И если не знать, как с ними говорить, они могут забрать больше, чем ты готова отдать.

— Сегодня ты сделала два важных шага, — сказал дед, убирая камни обратно в шкатулку. — Научилась не только отдавать, но и удерживать. И научилась забирать своё. Это основа. Дальше будет сложнее: большие объёмы, разные типы маны, работа с несколькими камнями сразу. Но без этого — никуда.

Я посмотрела на свои руки. Они казались такими же, как всегда. Но внутри всё было иначе. Сфера резерва стала не просто больше — она стала умнее. Я чувствовала её границы, её вес, её голос. И теперь знала: сила — это не только то, сколько ты можешь отдать. Это ещё и то, сколько ты умеешь сохранить. И вернуть.

Следующие дни слились в один ровный ритм: утро начиналось не с чая, а с ощущения сферы. Я училась чувствовать её не как тяжесть, а как инструмент — острый, послушный, готовый к работе. Дед больше не говорил много. Он кивал, ставил передо мной камень, раскладывал на столе льняную ткань и ждал. И я работала.

Сегодня дед достал из шкатулки цитрин — золотистый, будто в нём застыл кусочек солнца. Он положил его на ткань и посмотрел на меня так, как смотрел в тот день, когда впервые дал мне палку для спарринга: без снисхождения, но и без жестокости.

— Сегодня не капля, — сказал он. — Сегодня ты заполнишь его. До предела. Но не рывком. По слоям. Как будто кладёшь доски одну на другую, чтобы пол не прогнулся. И сразу после этого — запечатаешь. Без паузы. Если хоть миг промедлишь, сила начнёт искать выход, и камень может треснуть.

Я кивнула. Руки не дрожали. Внутри всё было собрано, как перед боем, только вместо напряжения была тишина — та самая, в которой слышно каждый шорох маны.

Цитрин не шептал, как кварц, и не жадно тянул, как гранат. Он ждал. Спокойно, уверенно, будто знал, что ему предназначено вместить многое. Я коснулась его и сразу почувствовала эту готовность — не пустоту, а пространство, которое ждало, чтобы его наполнили.

И я начала.

Первый слой лёг легко — как тёплый воздух, который просто занимает комнату. Я не вливала, я позволяла своей мане расправиться внутри камня, занять его естественные пустоты, лечь вдоль прожилок, по которым сила текла легче. Дед следил, не отводя взгляда, но не вмешивался.

Второй слой был плотнее. Здесь уже пришлось работать: я мысленно выстраивала внутри камня тонкие опоры, чтобы мана не оседала, а держалась ровно. Цитрин принимал это спокойно, без сопротивления, но и без восторга — просто брал ровно столько, сколько мог удержать.

На третьем слое я впервые почувствовала границу. Не резкий удар, не крик, а тихий, настойчивый сигнал: «Дальше — осторожно». Камень не отталкивал, но предупреждал: следующий слой должен лечь идеально, иначе он не удержит.

Я остановилась. Закрыла глаза, прислушалась к себе и к камню одновременно. Сфера внутри меня гудела, плотная и тяжёлая, но послушная. Я потянула из неё ещё немного — не поток, а тонкую, упругую нить силы, и аккуратно уложила её поверх третьего слоя. Камень принял её с лёгким вздохом — я почувствовала это как едва заметное тепло, которое разошлось по его поверхности.

Четвёртый слой стал испытанием. Здесь мана уже не хотела ложиться ровно. Она норовила расползтись, найти трещины, вырваться наружу. Я держала её намерением, как держат поводья у норовистой лошади: не дёргая, но твёрдо. И постепенно мана легла, слой за слоем, как страницы в книге, пока внутри цитрина не осталось ни одной свободной щели.

Когда последний слой встал на место, камень изменился. Он перестал быть просто камнем. Он стал сосудом, полным до краёв, и в этом полноте была своя музыка — тихий, ровный гул, который я чувствовала даже сквозь ткань.

Но дед не дал мне ни секунды на то, чтобы полюбоваться.

— Запечатывай, — коротко бросил он. — Сейчас. Пока он не начал искать выход.

Я знала, что делать. Вчера я научилась плести сеть. Сегодня я должна была сплести её быстро, плотно, без единой прорехи. Я представила, как из моей воли вытягиваются нити и ложатся на внутреннюю поверхность камня, обволакивая каждый слой маны, каждый уголок, где сила могла бы просочиться. Сеть становилась всё плотнее, ячейки — мельче, пока наконец не слились в единую гладкую оболочку.

И в тот миг, когда последняя нить встала на место, цитрин вспыхнул.

Не ослепительно, не как молния — а ровно, глубоко, будто внутри зажгли золотой фонарь. Свет не вырывался наружу, он жил внутри, удерживаемый сетью, которую я сплела. Камень сиял, и сияние это было моим.

Дед долго смотрел на цитрин, потом перевёл взгляд на меня. В его глазах было то редкое, почти неуловимое выражение, которое я видела только раз — когда я впервые удержала его удар в спарринге.

— Ты сделала это целиком, — тихо сказал он. — Сама. Без подсказок. Без остановок.

Я хотела сказать, что просто делала, как он учил, но слова застряли в горле. Вместо этого я просто кивнула, чувствуя, как внутри разливается не усталость, а гордость — тихая, крепкая, как сама эта запечатанная сила.

— Это не просто свет, — продолжил дед. — Это знак. Он говорит: «Здесь есть сила, и она под контролем». Такой камень стоит дорого. Не потому, что в нём много маны, а потому, что она не утечёт. Ни через час, ни через год.

Он осторожно взял цитрин, повернул его в пальцах, глядя, как свет играет внутри, и снова посмотрел на меня.

— Теперь ты понимаешь, почему я заставлял тебя учиться слышать камни, чувствовать границы, запечатывать? Потому что настоящая сила — это не когда ты можешь отдать всё. Это когда ты можешь отдать ровно столько, сколько нужно, и удержать это там, где оно должно быть.

Я посмотрела на свои руки. Они всё ещё казались обычными, но теперь я знала: в них живёт умение, которого раньше не было. Умение отдавать, удерживать и запечатывать. Умение, которое однажды, возможно, спасёт деревню.

Дед убрал цитрин в шкатулку, аккуратно уложив его в бархатное гнездо, и закрыл крышку.

— Отдохни, — сказал он. — Ты сегодня сделала большую работу. А завтра… завтра нам придётся думать, как использовать то, чему ты научилась.

Я вышла на крыльцо, села на ступеньку и закрыла глаза. Внутри сфера маны была спокойной, собранной, послушной. И впервые я не боялась, что она закончится. Я знала, что умею её беречь. И что, если понадобится, смогу наполнить ещё один камень. И ещё. И удержать всё, что нужно.

На следующий день дед разложил на столе пять камней: цитрин, гранат, аметист, кварц и обсидиан. Не по одному, как обычно, а все сразу, в ряд, на льняной ткани.

— Сегодня ты будешь работать так, как будешь работать потом, когда придётся собирать резерв быстро, — сказал он. — Один за другим. Наполнила, запечатала, следующий. Без передышки. Пока сфера не опустеет.

Я посмотрела на камни и почувствовала, как внутри что-то сжалось — не страх, а предвкушение.

— А потом?

— А потом посмотрим, как быстро она вернётся. — Дед чуть прищурился. — Это и есть главное.

Я взяла первый камень — цитрин, знакомый, послушный. Вчера я уже заполняла его до краёв, и руки помнили движение. Теперь я не разминалась, не прислушивалась, не искала подход. Просто коснулась — и начала.

Слои ложились один за другим, плотно, ровно. Мана уходила из сферы, как вода из открытого крана, но я держала поток узким, контролируемым. Цитрин принял всё, что ему полагалось, и я запечатала его — быстро, без заминки. Золотой свет вспыхнул внутри и устоялся.

Первый камень — готов. Сфера просела. Я чувствовала это: не пустоту, а лёгкость, будто из комнаты вынесли мебель. Ещё есть, но меньше.

Я потянулась за гранатом.

Гранат не ждал. Он потянулся сам, едва мои пальцы коснулись его поверхности, и мне пришлось сразу поставить руку — жёстко, твёрдо, как дед учил. Не позволять ему рвать, заставить брать по капле. Гранат подчинился, но неохотно, с тихим сопротивлением, будто обижался, что его не отпустили на волю.

Я заполнила его быстрее, чем цитрин. Слои ложились жёстче, плотнее, и каждый слой гранат принимал с коротким, жадным вздохом. Когда последний лёг на место, я запечатала — и гранат вспыхнул тёмно-красным, как тлеющий уголь.

Второй камень — готов. Сфера просела сильнее. Теперь я чувствовала её как половину того, что было утром. Тяжёлая, плотная половина, но уже не полная.

Аметист был третьим. Он принял ману тихо, спокойно, без жадности и без сопротивления. Как человек, который берёт ровно столько, сколько ему нужно, и ни крошкой больше. С ним было легко — слишком легко, и я чуть не расслабилась, чуть не позволила потоку стать шире. Но вовремя поймала себя, сузила, уложила последние слои и запечатала. Аметист загорелся ровным фиолетовым светом, холодным и глубоким.

Третий — готов. Сфера просела до трети. Теперь я чувствовала пустоту: ощутимую, как в комнате, из которой вынесли почти всё. Стены ещё держались, но давление изнутри упало.

Дед молчал. Не поправлял, не останавливал. Только смотрел.

Четвёртым был кварц. Я взяла его, и он отозвался знакомым медленным дыханием. Но теперь, когда сфера была почти пуста, каждый слой давался тяжелее. Мана не шла свободно — её приходилось вытягивать, как густую нить из веретена. Руки начали дрожать, не от усталости тела, а от напряжения воли. Я держала, тянула, укладывала слой за слоем, и кварц брал,

брал, брал — медленно, терпеливо, будто не торопясь, пока я не уложила последний слой и не запечатала его. Дымчатый свет вспыхнул внутри, приглушённый, но ровный.

Четвёртый — готов. Сфера сжалась до размеров ореха. Я чувствовала её как тугой, плотный комок где-то за грудиной. Ещё живой, но почти пустой.

Оставался обсидиан.

Я протянула руку, и дед вдруг накрыл мою ладонь своей.

— Подожди, — сказал он. — Посмотри на себя.

Я посмотрела. Пальцы дрожали. На лбу выступила испарина. Глаза — я не видела, но чувствовала — горели зелёным, потому что резерв, даже почти пустой, но всё ещё мана гудела в каналах. Тело было тяжёлым, будто я снова дралась с дедом, только не кулаками, а волей.

— Ты опустошила почти весь резерв, — сказал дед. — Если ты сейчас возьмёшь обсидиан, ты отдашь последнее. И тогда я увижу, как быстро сфера восстановится. Но это будет неприятно. Ты почувствуешь себя так, будто из тебя вынули сердце и положили на стол.

Я посмотрела на него.

— И?

— И я хочу, чтобы ты это сделала.

Я взяла обсидиан. Он был ледяным, тяжёлым, и, в отличие от других, он не ждал — он молчал. Глубокая, непроницаемая тишина, за которой я чувствовала не пустоту, а дверь. Замок, который не открывается снаружи, пока ты не докажешь, что имеешь право войти.

Я потянула ману из сферы — последнюю, что оставалась. Она выходила тяжело, как последний глоток из пересохшего колодца. Каждый слой, который я укладывала в обсидиан, забирал кусок меня — не физический, а магический, ту самую плотность, которая делала меня живой. Обсидиан принимал без звука, без отклика, просто брал и молчал.

Последний слой лёг на место. Сфера внутри меня исчезла. Не сжалась до точки — исчезла. Я почувствовала это как внезапную, пугающую пустоту, будто из груди вынули что-то, что было там всегда. Руки стали чужими. Глаза перестали гореть. Мир потускнел, будто кто-то убавил яркость.

Я запечатала обсидиан. Пальцы едва слушались, но сеть легла — рыхлая, тонкая, с еле заметными прорехами. Не идеально, не как с цитрином, но легла. Обсидиан не засветился. Он стал другим: глубже, плотнее, будто его поверхность поглотила свет и удержала его внутри, не выпуская наружу.

Пятый камень — готов.

Я положила обсидиан на стол и уронила руки на колени. Тело было пустым. Не усталым — пустым. Как дом, из которого вынесли всю мебель, сорвали занавески, открыли все окна, и ветер гуляет по комнатам, и эхо шагов возвращается от голых стен.

— Вот теперь, — тихо сказал дед, — самое важное. Не отпускай эту пустоту. Не пытайся её заполнить. Просто сиди и наблюдай. Смотри, что будет.

Секунды тянулись. Я сидела с закрытыми глазами и чувствовала… ничего. Пустоту. Тишина. Холод там, где раньше было тепло. Ни гула, ни дрожи, ни привычной тяжести за грудиной. Как будто магия ушла навсегда.

Потом — далеко-далеко, на самом дне пустоты — что-то шевельнулось.

Не мана. Не сила. Что-то тоньше, легче, как первая капля росы на пересохшей земле. Я не стала тянуться, не стала звать. Просто наблюдала, как дед велел. И капля росы стала двумя. Потом тремя. Потом — ручейком, тонким, едва заметным, но живым.

Мана возвращалась.

Не так, как я ожидала — не медленно, по капле, как воду в пересохший колодец. Она шла потоком, который становился всё шире, всё плотнее, будто тело, опустошённое до дна, вдруг осознало, что пусто, и начало заполняться само, жадно, быстро, как пересохшая губка впитывает воду.

Сфера росла. Я чувствовала это каждой клеткой: пустота за грудиной заполнялась, уплотнялась, тяжелела. Сначала — орех. Потом — яблоко. Потом — кулак. Мана текла по каналам, и они принимали её, расправлялись, будто их тоже опустошили и теперь наполняли заново.

И рост не останавливался.

Кулак стал больше. Я чувствовала, как сфера расширяется за привычные границы, занимает место, которого раньше не было. Не просто вернулась к прежнему размеру — перешла. Я открыла глаза от неожиданности: ощущение было слишком ярким, будто внутри меня зажгли лампу, которая раньше горела вполнакала, а теперь — на полную.

— Дед… — начала я.

— Чувствуешь? — спросил он. И в его голосе было не удивление, а подтверждение. Будто он знал, что так будет.

— Она… больше. Больше, чем была утром. До того, как я начала.

— Не просто больше, — сказал дед. — Сфера резерва растёт не от того, что ты её наполняешь. Она растёт от того, что ты её опустошаешь. Когда ты отдаёшь всю ману до дна, тело понимает: мало. И в следующий раз запасает больше. Как мышца, которую порвали и которая наросла сильнее. Каждый раз, когда ты опустошаешь резерв до нуля и ждёшь, пока он наполнится сам,он становится больше. Это и есть тренировка мага. Не бой. Не удары. А вот это.

Я сидела и слушала, как мана гудит внутри, как сфера, ещё растёт, ещё расширяется, заполняя пустоту, которая ещё минуту назад казалась бездонной. Тело гудело, как натянутая струна, и каждый канал, по которому текла сила, был открыт, расширен, готов.

— Это всегда так? — спросила я. — Каждый раз, когда я опустошаю резерв, он вырастает?

— Не каждый раз, — ответил дед. — Только если ты опустошила его полностью. До дна. Без остатка. Если оставишь хоть каплю — сфера просто вернётся к прежнему размеру. Нужно отдать всё. И потом не мешать ей расти. Не тянуть ману насильно. Дать телу самому решить, сколько нужно.

— А насколько больше?

— Первый раз — заметно. Потом — меньше. Но если делать это регулярно, через месяц ты не узнаешь свою сферу. Через полгода — она будет вдвое больше, чем сейчас. А через год…

Он не договорил. Просто посмотрел на меня, и в этом взгляде было то, чего я раньше не видела: не строгость, не интерес, не спокойная уверенность. Что-то другое. Что-то, что я не сразу смогла назвать.

Потом поняла: он смотрел на меня так, будто я наконец встала на путь, по которому он шёл всю жизнь.

Я просидела на кухне ещё минут двадцать, не двигаясь, не пытаясь что-то делать. Просто чувствовала, как мана наполняет сферу, как она тяжелеет, уплотняется, занимает место. Когда рост остановился, я осторожно прислушалась к себе и ахнула.

Сфера была вдвое больше, чем утром. Вдвое. После одного цикла: опустошение, ожидание, восстановление. Вдвое больше. Если раньше я могла поднять броню и продержать её десять глотков маны — десять узлов на ремешке, — то теперь… теперь ремешок не годился. Узлов было мало.

Дед, будто услышав мою мысль, посмотрел на ремешок на моём запястье.

— Придётся перевязать, — сказал он. — Добавим узлов.

— Сколько?

— Посмотрим. Но не сегодня. Сегодня ты отдохнёшь. Потому что завтра мы начнём сначала. Пять камней. До дна. И потом снова. И снова. Пока тело не запомнит этот ритм: отдать — дождаться — получить больше.

Я кивала, но внутри уже не было усталости. Было только ровное, глубокое гудение маны, которое говорило: «Я здесь. Я больше. И я готова».

Дед встал, собрал камни со стола, аккуратно уложил их в шкатулку. Остановился у двери.

— Ты сегодня сделала главное, — сказал он, не оборачиваясь. — Ты узнала, как растёт сила. Не из боя. Не из боли. Из пустоты, которую ты сама создаёшь и которую тело заполняет с запасом. Запомни это ощущение. Потому что оно — единственное, что отличает мага от того, кто просто умеет колдовать.

И вышел.

Я сидела на кухне, в тишине, и слушала, как внутри меня гудит новая, большая, плотная сфера. И впервые за всё время не боялась, что мана закончится. Потому что теперь я знала: даже если отдам всё до дна — вернётся больше.На следующий день дед снова разложил на столе пять камней.— Сегодня не про аккуратность, — сказал он. — Сегодня про скорость. Ты уже знаешь границы. Теперь научись опустошать резерв быстро, не теряя контроля.Я кивнула. Пальцы уже не дрожали, как вчера. Сфера внутри была больше, плотнее, будто за ночь она не просто восстановилась — она «осела», стала удобнее, послушнее.Первый камень — цитрин. Я коснулась его, и мана потекла ровнее, чем раньше: не рывками, а уверенным потоком. Слои ложились сами, будто я уже знала, где им быть. Запечатала — и он вспыхнул ровным золотым светом.Гранат потянулся к силе жадно, но я уже не спорила с ним — я вела. Давала ровно столько, сколько он мог взять без рывка, и запечатала чуть быстрее, чем вчера. Тёмнокрасный свет внутри стал почти мгновенным.

Аметист принял ману спокойно, без суеты. Я чувствовала, как он «соглашается» с каждым слоем, и это помогало не тратить лишнюю волю. Запечатала — фиолетовый свет встал ровно, без дрожи.

Кварц потребовал чуть больше внимания: он не любил спешки. Но и тут я не замедлялась — просто делала тоньше, точнее. И он принял, и запечатался, и засиял приглушённо, как туманное утро.

Оставался обсидиан.

На этот раз я не ждала, пока он «примет решение». Я просто отдала ему остаток маны — ровным, твёрдым потоком, без жалости к себе. И запечатала: сеть легла плотнее, чем в прошлый раз, будто пальцы сами помнили, как надо. Обсидиан потемнел ещё сильнее, а внутри появился глубокий, почти чёрный отсвет — не яркий, но тяжёлый, как ночь перед рассветом.

Пять камней — готовы.

Сфера внутри меня исчезла. Не сжалась — исчезла. Но на этот раз пустота не пугала. Она была знакомой, почти родной. И я сидела, не пытаясь её заполнить, просто ждала.

И мана пошла. Не ручейком — рекой. Сфера росла, расширялась, занимала пространство, которого раньше не было. Я чувствовала, как каналы в теле будто растягиваются, чтобы вместить эту новую силу. Рост был не таким резким, как в первый раз, но ощутимым: сфера стала ещё больше, плотнее. Не вдвое, как вчера, но заметно. Дед смотрел и кивал.

— Видишь? — тихо сказал он. — Чем чаще ты проходишь этот цикл, тем лучше тело понимает: нужно держать запас. Но рост уже не такой взрывной. Он становится плавным, рабочим. А значит, дальше мы будем работать не на размер, а на умение.

Через несколько таких дней дед остановился у порога, будто чтото прикидывая, и сказал:— Пора проверить, что это дало на деле. Подними броню. Держи её. Посмотрим, сколько теперь выдержишь.Я закрыла глаза, потянула ману и начала сплетать броню — тонкие слои силы, которые ложились поверх кожи, как невидимые пластины. Раньше я считала узлы на ремешке: десять — и всё, резерв проседал.Теперь я шла дальше.Пятнадцать узлов. Броня держалась. Шестнадцать. Семнадцать. Мана текла ровно, сфера не проседала, каналы спокойно несли нагрузку. Восемнадцать. Девятнадцать. На двадцатом узле я почувствовала лёгкое напряжение — не боль, не пустоту, а границу: дальше уже нужно было тянуть сильнее, рисковать.Я остановилась. Открыла глаза.Дед смотрел не на броню, а на моё лицо.— Двадцать, — сказал он спокойно, но в голосе слышалось уважение. — В прошлый раз ты и десяти не

держала.Я опустила броню. Каналы чуть гудели от нагрузки, но не ныли, не сопротивлялись. Сфера осталась большой, плотной, послушной.— Ремешок не годится, — сказала я, глядя на запястье. — Узлов не хватит.

Дед хмыкнул.

— Значит, перевяжем. Добавим. Но запомни: узлы — это не сила. Это отметка. Сила — в том, что ты теперь можешь держать двадцать, а не десять. И в том, что, если завтра придётся держать тридцать, твоё тело уже готово расти дальше.

Он протянул мне новый кусок кожи — длиннее, толще.

— Перевязывай. И привыкай к тому, что твой предел теперь другой.

Глава 16 « Дорога в Миркар »

Утром мы проснулись сами, а не от того что нас разбудил дед. В доме было тихо. Антон потянулся и тут же резко прижал меня к себе. Провел рукой по бедру, рука скользнула выше. Нащупав мою грудь. Перевернул меня на спину и лег сверху, покрывая меня поцелуями. Я обвила его руками и ногами. Мое дыхание стало тяжелее и чаще, сердце билось с бешеной скоростью...

И тут хлопнула дверь...

Антон замер. Я старалась даже не дышать.

–Алиса, Антон, просыпайтесь. –быстро проговорил дед, проходя мимо нашей комнаты в кухню.

Антон встал, быстро оделся и вышел. Я же встала неохотно. Оделась, привела себя в порядок и тоже пошла на кухню.

–Алиса, тебе нужно ехать в столицу делать документы. У меня есть знакомый, который там работает, он поможет. Документы тебе сделают за пару дней, но вот что делать с твоим титулом ума не приложу. Но думаю, он поможет и с этим. Завтра выезжаете пораньше. –сказал дед.

Дед, открыв шкатулку и вынув мешочек из кармана, высыпал все содержимое на стол. Перебрав их, и набрал пятнадцать камушков, положил их обратно в мешочек, отдал Антону. И сказал:

–Вот эти камни вы продадите и возвращайтесь с деньгами. Чует мое сердце, скоро приедут и будут просить деньги за то, что мы живем здесь. Продать сможете в гильдии или тех, кто скупает. Хотя, Антошка, ты и сам это все знаешь.

Антон кивнул и убрал все в пространственный карман.

Дед достал еще один мешочек и сложил еще штук восемь заряженных, готовых к продаже.

–А эти пусть пока полежат. Алиса, тот, что я тебе дал, заряжай его. У него емкость очень большая. Ты в него сможешь раз пятнадцать слить полностью резерв. Он очень дорогой.

–Хорошо. –сказала я.

Мы позавтракали. Дед снова куда то ушел.

Я после этих дней, как приехала сюда, не отдыхала. Каждый день обучение, усиление, прокачка. Нет, мне это нравилось. Мне нравилось учиться новому. И мне не было скучно.

Но вот отправка в столицу меня выбила из колеи. Честно, я вообще не хотела туда ехать.

– Алис. Ты понимаешь, что твоя прокачка и учеба с дедом дали такой толчок в развитии. Что мне иногда кажется, что ты становишься сильнее меня. И это меня не пугает, а больше настораживает. Потому что у меня ушло много времени на это. У тебя же две недели. –с хмурым лицом сказал Антон.

–Потому что я хочу вернуться домой. Но до твоего деда я силой не дотягиваю. Мне нужно стараться еще больше и усерднее. –произнесла я.

Пришел дед, и он не успел разуться, как я выпалила, что хочу поменять внешность.

Дед замер на месте. Но все же взял себя в руки, снял обувь, повесил шубу. Прошел к столу и сказал:

–Хорошо. Давай попробуем.— Сядь, — сказал дед. — Закрой глаза. Я буду говорить, ты — делать. Но сначала послушай.

Я села. Он сел напротив.

— Лекарская магия работает с телом через слои. Кожа — пигмент, плотность, текстура. Мышцы — форма, объём. Кость — рост, пропорции. Последнее — самое тяжёлое. Костная

перестройка болезненна и занимает время. Но ты прошла перестройку тела, значит, каналы готовы. Справишься.

Он помолчал.

–Мне надо осветлить кожу, волосы и сделать рост выше, лицо трогать не буду. – быстро проговорила я.

— Начнём с кожи. Закрой глаза. Почувствуй кожу. Не как в зеркале — изнутри. Каждый слой, от поверхности до подкожной ткани. Потом потяни пигмент. Не выцветай — осветляй. Представь, что солнце, которое сделало тебя тёмной, уходит, и кожа становится светлой, как у тех, кто родился на севере.

Я закрыла глаза и потянула ману к коже. Сфера откликнулась густо, и я почувствовала каждый участок: лицо, руки, шею, плечи. Мана прошла по каналам, тёплая, осторожная, и пигмент послушно начал смещаться. Тёмная кожа светлела, будто из неё вымывали загар. Не резко — плавно, слой за слоем, пока не остался ровный, светлый оттенок с едва заметным румянцем на щеках, который я помнила по прежнему миру.

– Хорошо, — сказал дед. — Теперь волосы. Корни. Потяни пигмент так же, как с кожей, но в обратную сторону: не выцветай, а наполняй. Светлый пигмент вместо тёмного. И длину — тяни рост. Медленно, по волосу.

Это было страннее. Я почувствовала, как каждый фолликул откликается на ману, как тёмный пигмент уходит, а на его место приходит светлый, тёплый, пшеничный. Волосы начали расти — не быстро, но ощутимо. Я чувствовала, как они удлиняются, скользят по плечам, по лопаткам, и через несколько минут чёрные пряди стали пшеничными, густыми, длиной чуть ниже лопаток.

– Стой, — сказал дед. Я замерла. Он встал, подошёл, взял прядь, размял в пальцах. — Хорошо. Цвет ровный, структура не пострадала. Теперь главное — рост. Кости ног, позвоночник. Это будет неприятно.

— Я готова.

— Не торопись. Сначала позвоночник. Вытягивай, не рывком — по позвонку. Мана идёт в каждый диск, размягчает, чуть растягивает, и диск запоминает новое положение. Потом — ноги. Бедренные кости, голени. Длинные кости тянутся медленно и болезненно. Если будет больно — не стискивай зубы, дыши. Боль — это ткань, которая не понимает, что происходит. Мана её успокоит.

Я начала с позвоночника. Дед был прав: было больно. Тупая, тянущая боль, будто меня растягивали на станке. Каждый позвонок сопротивлялся, а потом сдавался, и мана проходила дальше, к следующему. Я дышала ровно, как на спарринге, и позволяла боли проходить сквозь себя, не цепляясь.

Потом — ноги. Бедренные кости. Здесь было тяжелее: боль стала острее, и я почувствовала, как мана вгрызается в костную ткань, размягчает, вытягивает. Голени — легче, может, потому что кости тоньше. И через несколько минут, которые показались часом, я открыла глаза.

И почувствовала, что мир стал чуть ниже.

Дед смотрел на меня, прищурившись. Потом кивнул.

— Вытянулась. Сантиметров на десять, может, больше. Теперь закрепи. Пройдись маной по всему телу, по каждому слою: кожа, мышцы, кости. Дай тканям запомнить. Не торопись.

Я прошлась. Слои маны легли по телу, как тёплая вода, и я чувствовала, как каждая клетка запоминает новую форму. Рост, кожу, волосы. Всё становилось моим.

— Открой глаза, — сказал дед, хотя я уже их открыла.

Я посмотрела в медное зеркальце на стене. Из зеркала на меня смотрела… я. Не та, прежняя — и не та, местная. Что-то посередине, но ближе к прежней. Светлая кожа с лёгким румянцем. Пшеничные волосы до лопаток. Высокий рост. Но лицо — моё. Тонкие черты,

большие распахнутые глаза, пушистые ресницы. Те же глаза, того же цвета. Я узнала себя и не узнала одновременно.

— Навсегда? — спросила я.

– Навсегда, — кивнул дед. — Ткани запомнили. Вернуть можно, но это будет такая же работа, как сейчас. Проще остаться.

Я кивнула. В этом жесте не было ни горя, ни сожаления. Я выбрала.

–А ты нравишься мне такой больше. –с улыбкой произнес Антон, проводя рукой по моим волосам.

Я улыбнулась.

–Значит так, слушайте меня внимательно. В гильдии есть человек. Работает там очень давно. Андрей Михайлович Морозов, он вам и поможет с документами. Скажите от меня. И отдадите ему вот это. – дед протянул кольцо.

Это был большой перстень с изображением волка.

Антон взял кольцо и покрутил в руке, и снова закинул в карман.

–Он должен справиться с документами примерно за два дня. И вы возвращаетесь обратно. Ах да, вот записка, ему тоже передадите. – сказал дед протягивая Антону.

Весь оставшийся день я привыкала к своему новому–старому телу. Я была счастлива.

Утром следующего дня Антон уже держал лошадей у ворот. Серая в яблоко — для меня, гнедая — для него. Он увидел меня на крыльце и замер. Не испугался — просто узнал и не узнал одновременно. Потом чуть усмехнулся и сказал:

–Я все не привыкну к новой тебе.

–Привыкнешь. –с улыбкой сказала я.

Дед стоял у крыльца и смотрел, как мы собираемся, на его лице была настороженность. Я подошла к нему и обняла его.

–Спасибо тебе, дедушка. – с улыбкой произнесла я.

Он погладил меня по голове и произнес:

— Дорога до Миркара — неделя, на восток до тракта, потом по тракту на юг. Останавливаетесь только в постоялых дворах, которые я отметил. — Он протянул кусок бересты с выжженными значками. — Заставы объезжайте, Антон знает, что делать. Но если спросят, говорите, что направляетесь в гильдию, продать семейные камни.

Я кивнула, села на серую. Антон тронул гнедую. Мы выехали со двора. Деревня осталась позади: избы, плетни, дым из труб, Марфа на лавке, которая подняла руку в коротком прощальном жесте. Дед стоял у крыльца и смотрел нам вслед, пока мы не свернули за поворот и деревня не скрылась за деревьями.

Мы ехали молча, я думала о том, что будет в столице. Переживала, конечно, больше за то чтобы все получилось.

Доехав вечером до трактира, остановились, наших лошадей увели в конюшню сразу, ну а мы направились во внутрь трактира. Было много посетителей. Почти все столы были заняты. Играла живая музыка, парень играл на гитаре и пел, кто то даже подпевал.

Мы сели за свободный столик возле окна и к нам тут же подбежала девушка официантка.

Антон заказал мясо, вино.

–Ты же не против немного выпить? –спросил Антон.

Я помотала головой и посмотрела снова на гитариста.

Поднявшись в номер, я сразу пошла в душ.

Как в старые добрые времена, подумала я. Накинула халат и вышла. Антон уже спал. Я легла рядом и тоже уснула.

На утро, я не обнаружила рядом Антона, но кто то судорожно стучал в дверь.

Открыв дверь, я увидела девушку с большим подносом еды. Да, я люблю покушать, а покушать любит меня. И да я не смогу поправиться не на грамм. Потому что прокачка или спарринг с дедом это забирает просто уйму сил и энергии.

Как только я закончила с завтраком. В номер зашел Антон.

– Собирайся, поехали. Жду внизу. – сказал Антон и сразу вышел.

Я вздохнула, встала. Быстро оделась и бегом спустилась вниз и выбежала на улицу. Антон уже был на гнедой. Я села на свою, и мы помчались дальше.

Как всегда на ускорении. Антон куда то торопился, но не сказал куда. В этот раз придавать своей лошади ускорение было проще. Сила откликалась сразу и плавно перетекала в лошадь. Да и лошадь была резвой.

Два дня дороги сложились в одну длинную картину: скрип упряжи, запах лошадиной шерсти и сена, холодные рассветы, когда дыхание висело в воздухе белыми клубами, и долгие часы, когда солнце припекало спину. Мы с Антоном почти не говорили — не потому что не о чем, а потому что дорога сама по себе требовала тишины: следить за тропой, за лошадьми, за тем, как меняется лес, как редеют деревья и впереди всё чаще мелькают распаханные поля. Здесь уже намного теплее. Весна. Мы двигались на юг. До Миркара осталось совсем немного, примерно день пути.

И вот на второй день, ближе к полудню, лес расступился, и перед нами открылся городок. Не столица, не крепость, не место, где звенят мечи и сверкают доспехи. Просто живой, тёплый, неторопливый город, будто созданный для того, чтобы в нём можно было наконец-то выдохнуть.

Я сидела в седле, смотрела на него и чувствовала, как уходит напряжение, которое я даже не замечала, пока оно было со мной. Будто из плеч вытащили невидимые гвозди, и теперь руки лежали на поводьях легко, без этой привычной готовности сорваться в галоп.

— Вот мы и добрались, — тихо сказал Антон, чуть наклоняясь к моей лошади. — Тут можно остановиться. Тут спокойно.

Город встречал нас рынком, который начинался сразу за воротами и тянулся почти через весь центр. Корзины с яблоками и грушами, мешки с картошкой, связки лука, плетёнки с сушёными грибами. На прилавках горками лежал хлеб — круглый, с золотистой корочкой, от которого шёл такой запах, что я сама не заметила, как втянула воздух глубже. Рядом — горшочки с мёдом, сыр в полотне, вяленое мясо, копчёная рыба. Всё настоящее, простое, без показной роскоши.

Улочки были узкими, вымощенными булыжником, местами поросшим мхом. Дома — невысокие, в два этажа, с деревянными ставнями и яркими дверями: синими, зелёными, охристыми. Над крышами вился дым из труб, смешиваясь с запахом свежего хлеба и пряных трав.

Люди ходили не торопясь. Кто-то неспешно выбирал овощи, придирчиво щупая каждый корнеплод. Кто-то стоял у лотка с пряностями, вдыхая запах корицы и гвоздики. Пожилая женщина в тёплом платке тихо торговалась с продавцом яблок, и тот, смеясь, кивал и добавлял в её корзину ещё пару штук.

Дети бегали между прилавками, играли в догонялки, прятались за корзинами и снова выныривали, хохоча. Один мальчишка, лет десяти, пытался запустить бумажного змея, но ветер был слабым, и змей только трепетал на нитке, не поднимаясь высоко.

— Тут хорошо, — тихо сказала я, оглядываясь. — Спокойно.

Антон кивнул, поводя лошадьми так, чтобы не задеть прохожих.

— Это перевалочный городок. Сюда свозят продукты с окрестных деревень, отсюда развозят дальше — в большие города и на север. Тут всегда полно народу, но никто не торопится. Время будто течёт медленнее. – сказал он.

Мы нашли таверну на краю рыночной площади — не большую, но чистую, с вывеской «Золотой каравай». Внутри было тепло и пахло хлебом и тмином. Хозяин, плотный мужчина с добрыми глазами, кивнул нам и указал на дальний стол у окна.

— Места есть, — сказал он. — Лошадей уведете за дом в конюшню, сено свежее. А поесть сейчас соберём: суп с грибами, хлеб, сыр, если хотите. И чай с мёдом.

Я села на лавку и наконец-то выдохнула. После двух дней в седле тишина и тепло казались почти роскошью. Антон ушёл пристроить лошадей, а я смотрела в окно: на улицу, на людей, на детей, которые всё ещё бегали и смеялись.

Через несколько минут Антон вернулся, и сел напротив.

— Тут безопасно, — сказал он. — И люди простые. Никто не будет лезть с расспросами.

Хозяин принёс еду: горячий суп в глиняных мисках, ломти хлеба, тарелку с сыром и маслом, чайник с чаем. Я взяла ложку, помедлила — и улыбнулась. Не широко, но искренне.

— Знаешь, — сказала я тихо, — я вдруг поняла, что даже если Миркар окажется шумным, холодным и чужим, такие городки будут напоминать, что мир не только про камни, магию и титулы. Он ещё и про яблоки, про хлеб, про детей, которые гоняются друг за другом по улицам.

Антон чуть улыбнулся в ответ.

— Именно поэтому мы и делаем остановки. Чтобы не забыть, ради чего всё это.

Антон вечером ушел. Сказал что у него есть дела и скоро вернется.

Я спустилась вниз, когда в «Золотом каравае» уже стало по-вечернему шумно. Не так, как в столице, где шум давит на уши, а по-домашнему: будто все, кто пришёл, давно друг друга знают, а если и нет — всё равно чувствуют себя своими.

В углу, у самой печи, устроились музыканты. Флейта пела тонко и чуть жалобно, будто вспоминала что-то давнее, а скрипка подхватывала, тянула мелодию, делала её тёплой, почти уютной. Рядом присел парень с бубном — не бил, а тихонько встряхивал, и этот лёгкий звон ложился поверх музыки, как искры.

Я нашла свободный табурет у стены, подальше от входа, но так, чтобы видеть зал. Хозяин заметил меня, кивнул, будто говоря: «Ты тут не чужая», и принёс кружку тёплого молока с мёдом — без лишних слов, просто потому что вечер был прохладный, а я выглядела так, будто день выдался долгим.

Люди тихо подпевали. Не громко, не стараясь перекричать друг друга, а будто напевали себе под нос, чтобы мелодия осталась с ними и потом, когда они пойдут по тёмным улочкам домой. Кто-то смеялся над чьей-то шуткой, кто-то спорил о цене на репу — и всё это сплеталось с музыкой в один ровный, живой гул.

Я сидела и слушала. Не слова, а именно музыку — как она поднимается, кружится под потолком и оседает где-то в груди, делая её чуть шире, чуть спокойнее. И вдруг поняла, что впервые за эти два дня не думаю про Миркар, про камни в мешочке, про титул. Не думаю про то, что будет завтра. Просто сижу, грею ладони о кружку и слушаю, как скрипка тянет долгую ноту, будто не хочет её отпускать.

— Ты не местная, да? — тихо спросил кто-то рядом.

Я чуть вздрогнула и подняла глаза. Рядом на табурете устроилась девушка лет двадцати, в простом платье, с платком, сбившимся набок. Лицо у неё было открытое, любопытное, но не назойливое.

– Проездом, — осторожно ответила я, не опуская взгляда. — Едем в Миркар.

— А… — она кивнула, будто это всё объясняло. — Туда все едут. Кто торговать, кто наниматься, кто прятаться. А ты?

Я чуть улыбнулась, не раскрывая лишнего.

— Дела. Семейные.

Девушка не стала допытываться. Вместо этого наклонилась чуть ближе и шепнула:

— Если хочешь, можешь не сидеть тут одна. Посиди с нами. Мы тут каждый вечер собираемся, поём, болтаем. Никто не спросит лишнего. А если спросят — мы скажем, что ты моя сестра.

Я хотела отказаться — привычка держать дистанцию ещё жила во мне, цеплялась за плечи, шептала: «Не сближайся, не доверяй». Но потом посмотрела на её улыбку — простую, без подвоха и кивнула.

— Спасибо. Посижу. Если не помешаю.

— Не помешаешь, — она махнула рукой куда-то вглубь зала, где за столом смеялись и передавали друг другу миску с орехами. — Тут всем место есть.

Она позвала меня к столу, представила коротко: «Это Лира, едет в Миркар, устала с дороги». И никто не стал расспрашивать. Кто-то подвинулся, освобождая место, кто-то молча протянул мне кусочек яблочного пирога, кто-то просто кивнул: «Добро пожаловать».

Мы сидели, слушали, как флейта выводит новую мелодию, и время будто растягивалось, становилось шире. Я не рассказывала о себе, не придумывала историй. Я просто была здесь, в тёплом зале, среди чужих, но не враждебных людей, и позволяла себе эту маленькую передышку.

А потом дверь таверны приоткрылась, впустив порыв холодного ветра, и на пороге появился Антон. Он замер на секунду, оглядывая зал, и, увидев меня, чуть расслабил плечи — будто только сейчас понял, что можно выдохнуть. Он подошёл, сел рядом, взял кружку с чаем, которую ему молча подал хозяин, и кивнул музыкантам — не громко, но уважительно.

— Ну что, — тихо сказал он, глядя не на меня, а на флейтиста, который как раз брал особенно высокую, звенящую ноту. — Похоже, ты нашла себе компанию.

— Похоже, — улыбнулась я. — Они сказали, что я могу быть их сестрой.

Антон хмыкнул, и в этом звуке было что-то похожее на облегчение.

— Хороший вариант. Тут главное — не быть одной.

Мы посидели ещё немного, слушая музыку, пока зал не начал потихоньку пустеть, а огонь в печи не стал тише. Потом Антон встал, потянулся, и я поняла: пора наверх, в комнату, где пахнет деревом и свежим постираным бельем, где можно наконец-то снять сапоги и вытянуть уставшие ноги.

Поднимаясь по скрипучей лестнице, я оглянулась на зал — на опустевшие табуреты, на музыкантов, которые собирали инструменты, на хозяина, который протирал стойку и кивал мне на прощание. И подумала, что этот вечер останется со мной не как остановка на пути, а как маленький островок тепла. И если впереди будет холодно — я смогу вспомнить его и снова почувствовать, как скрипка тянет длинную ноту, а рядом кто-то тихо говорит: «Тут всем место есть».

Утро в городке пахло свежим хлебом и мокрой брусчаткой. Пока я собирала вещи, в комнате ещё держался запах дерева — уютный, домашний, будто сам дом не хотел нас отпускать. Убедившись, что вещи все собраны и ничего не осталось. Спустившись вниз, я застала хозяина таверны у стойки — он протирал кружки и кивал мне, как старой знакомой.

— Уже уезжаете? — спросил он не с сожалением, а с пониманием. — Дорога зовёт.

— Да, — улыбнулась я. — Но спасибо вам. Тут было… спокойно.

Он чуть склонил голову.

— Спокойствие — редкая вещь в дороге. Берегите его, пока держится. И вот, возьмите. — Он протянул мне свёрток в льняной ткани. — Яблочный пирог. На дорожку. Пусть хоть кусочек напомнит, что где-то есть место, где можно просто посидеть и послушать музыку.

Я взяла свёрток, чувствуя, как теплеет в груди.

— Спасибо, — тихо сказала я. — Я запомню.

Антон уже ждал у ворот, держал лошадей. Серая в яблоко переступала копытами, фыркала, будто торопила: «Ну скорее, пора ехать». Гнедая стояла спокойнее, но в её взгляде читалось то же нетерпение — лошади любят движение.

— Готова? — спросил Антон, когда я подошла.

— Готова, — кивнула я, хотя внутри всё ещё тянуло остаться ещё хоть на день.

Мы выехали со двора, и «Золотой каравай» остался позади — тёплый, уютный, с доброй вывеской, которая покачивалась на ветру. Хозяин стоял в дверях и просто кивнул нам на прощание: «Счастливого пути».

Городок просыпался. На рынке уже раскладывали товар: корзины с овощами, мешки с мукой, связки лука. Торговцы перекрикивались, но без суеты, по-деловому. Дети, которые вчера бегали между прилавками, теперь помогали родителям: кто-то подметал перед лавкой, кто-то расставлял миски. Та девочка, что звала меня «сестрой», стояла у лотка с яблоками и махала нам, будто знала, что мы уезжаем. Я махнула в ответ, и она улыбнулась так широко, что даже издалека было видно.

Когда мы выехали за ворота, город остался позади, а впереди потянулась дорога — широкая, уходящая вдаль. Ветер стал свежее, запахи рынка сменились запахом весны. Снега уже толком не было. Трава начала уже вылезать, и все просыпается после зимы.

Глава 17 « Миркар »

Лошадей оставили в таверне на тракте, не доезжая до столицы. Небольшой приземистый постоялый двор с выцветшей вывеской, где пахло сеном и кислым элем. Хозяин — немолодой, молчаливый — взял деньги, кивнул на конюшню и не задал ни одного лишнего вопроса. Антон сказал только:

–Лошади постоят день-два. Мы вернёмся.

Хозяин снова кивнул. Ему было всё равно.

Дальше — пешком.

Ночь стояла глухая, глубокая. Луна спряталась за плотными облаками, и дорога превратилась в тёмную ленту, которую можно было угадать только по звуку шагов — глухому, мягкому, примятому землей. Деревья по обочинам стояли чёрными столбами, без листьев, без движения, будто замёрзли намертво. Я шла за Антоном, стараясь не отставать, и чувствовала, как холод пробирается под одежду, забирается в рукава, в ворот, в щели между тканью и кожей.

Антон шёл впереди, уверенно, ровно, будто дорогу освещало что-то невидимое. Может, так и было: он ездил в Миркар и раньше, знал эти дороги, чувствовал их, как слепой чувствует знакомую стену.

Через полтора часа ходьбы впереди проступила стена. Сначала — смутная тень, потом — очертания: каменная кладка, тяжёлая, высокая, уходящая в темноту и вправо, и влево, насколько хватало глаз. Миркар. Замерев, задрав голову, и почувствовала, как сердце сжалось: не от страха, а от масштаба. Стена казалась живой, будто дышала, будто сама решала, кого пустить, а кого — нет.

— Главные ворота — там, — Антон чуть повернул голову, указывая влево, где вдалеке мелькали огни факелов и слышались голоса стражи. — Нам туда не надо.

И в этот момент из темноты, прямо из-за придорожного куста, шагнул парень. Невысокий, юркий, в потрёпанной куртке, с лицом, вылепленным из одних углов. Он не выскочил, не бросился навстречу — просто появился, будто стоял тут всегда.

– Кеш, — выдохнул Антон.

— Антон, — парень кивнул, коротко, без улыбки. Оглядел меня, но без любопытства — скорее, прикидывая, принесу ли я хлопот. — Идём. Быстро. Тихо.

Я не стала спрашивать, откуда он тут взялся и как узнал, что они идут. Дед говорил: у Антона есть связи. Видимо, это и была связь.

Кеш повёл нас вдоль стены, прижимаясь к камню. Тропа была узкая, едва заметная, будто её протоптали не люди, а тени. Пахло мокрым камнем, ржавчиной и чем-то горьким — полынью, что ли. Я старалась ступать тихо, как меня учили на тренировках: на носок, перекат, пятка. Беззвучно.

Через несколько минут впереди показалась решётка — тяжёлая, ржавая, перекошенная на старых петлях. Это был грузовой въезд: широкий, но низкий, с торчащими прутьями и облезшим плющом по краям. Днём здесь грохотали телеги, ругались возчики, стучали бочки. Ночью — тишина, потому что никто не хотел возиться с грузом в темноте.

Кеш замер, поднял руку. Где-то совсем рядом, за поворотом, слышались голоса: стражники проверяли последнюю телегу. Скрип колёс, лязг, хриплый смех, кто-то ворчал про холод.

— Сейчас уйдут, — прошептал Кеш, едва шевеля губами. — У них ритуал: обойти, постучать, заглянуть. Минута.

Голоса стали удаляться. Шаги затихли. Кеш кивнул.

— Быстро. По одному. Пригнитесь.

Антон проскользнул первым, легко, будто делал это не впервой. Я же — за ним, пригнувшись, чувствуя, как холодный металл царапает плечо, а потом — свобода. За решёткой тропа

уходила вниз, в низкий сводчатый проход. Пахло сыростью и старым деревом, но это был уже город. Не снаружи, а изнутри.

Кеш провёл нас по узкому коридору, мимо пустых ящиков, ржавых крюков в стенах, мимо луж, в которых отражался тусклый свет. Где-то капала вода, и этот звук был единственным, что нарушало тишину.

Наконец тропа вывела к низкой двери, обитой железом. Кеш толкнул её, и в лицо ударил воздух города: дым, пряности, что-то кислое и далёкое, будто ветер нёс запахи с гавани.

Мы вышли на узкую улочку, зажатую между тёмными домами. Фонари горели редко, и свет от них был тусклым, слабым, будто боялся разогнать ночь. Но этого хватало, чтобы понять: мы внутри. Миркар принял нас не через парадные ворота, не под взглядами стражи, а через свой скрытый, рабочий бок.

Кеш остановился, оглядел нас.

— Дальше сами. До гильдии — два квартала. Держитесь переулков, не выходите на большие улицы. В нижнем городе ночью гуляет всякий народ. Не показывайте ничего ценного.

Антон достал из кармана небольшой сверток с деньгами, но Кеш покачал головой.

— Не надо. Ты знаешь, что мне нужно. Если сможешь — помоги потом.

Антон кивнул. Кеш ещё раз оглянулся, будто запоминая нас, и растворился в темноте так же бесшумно, как и появился.

Я посмотрела на Антона. Тот стоял, чуть наклонив голову, будто прислушиваясь к городу: к его ночному дыханию, к далёким шагам на мостовой, к скрипу ставен где-то наверху.

— Пойдём, — тихо сказал он. — Гильдия ждёт. Даже ночью там кто-то есть. Морозов не из тех, кто спит, когда можно считать камни.

И мы пошли — по тёмным переулкам, мимо закрытых лавок и глухих стен, мимо спящих домов, за ставнями которых теплились чужие, невидимые жизни. Я ступала тихо, дышала ровно, и внутри — не страх, а странное, острое предвкушение. Они внутри. Теперь всё по-другому.

Впереди, в конце улицы, тускло поблёскивала вывеска: серебряная чаша на синем фоне.

Мы шли по переулку, и каждый шаг отдавался в тишине так громко, будто город специально прислушивался. Я старалась дышать ровно, но воздух всё равно застревал где-то в горле — слишком много теней, слишком много углов, из которых может выскочить опасность. Но Антон шёл спокойно, уверенно, будто знал: пока мы держимся этих узких проходов, мы в безопасности.

В конце улицы тускло поблёскивала вывеска: серебряная чаша на синем фоне. Она казалась почти незаметной, если не знать, куда смотреть, — никаких кричащих огней, никаких ярких красок. Только строгий символ, который говорил тем, кто понимает: здесь решают дела, а не устраивают представления.

Перед дверью Антон остановился, чуть наклонил голову, будто собираясь с мыслями, и постучал. Не как случайный путник, не кулаком, а особым ритмом: три удара, пауза, два. Ровно, чётко, без суеты.

За дверью что-то скрипнуло, звякнуло, будто кто-то снимал цепочку. Потом щёлкнул засов, и дверь приоткрылась ровно настолько, чтобы в щели показался глаз, потом — лицо. Это был парнишка лет шестнадцати, в простой рубахе, с растрёпанными волосами и взглядом, который сразу стал серьёзным, стоило ему увидеть Антона.

–Антон… — выдохнул он, будто имя само по себе было паролем. — Вас не ждали.

— А мы и не любим, когда нас ждут, — спокойно ответил Антон. — Веди к Морозову. Срочно.

Парнишка кивнул, не задавая лишних вопросов. Он распахнул дверь чуть шире, махнул рукой, приглашая внутрь, и тут же прикрыл её за нами, снова щёлкнув засовом. Внутри пахло

воском, старым деревом и чем-то терпким — будто в комнате часто жгли травы для очистки воздуха.

Коридор был узким, стены — толстыми, а свет давали только редкие масляные лампы, отбрасывавшие длинные, ломаные тени. Парнишка шёл впереди, почти бесшумно, и мы следовали за ним, пока коридор не вывел в небольшую комнату. Здесь было теплее, чем в коридоре, и светлее: на столе стоял маленький светильник, его мягкий свет не резал глаза, а будто обволакивал.

За столом сидел Морозов.

Он не вскочил, не бросился навстречу, не стал кричать на парнишку за то, что тот привёл гостей среди ночи. Он просто сидел, слегка наклонив голову, и смотрел на нас так, будто уже знал, зачем мы пришли, но хотел услышать это из наших собственных уст. Лицо у него было строгим, с резкими чертами, а в глазах читалась усталость человека, который слишком долго считал чужие камни и чужие долги.

— Ну, — тихо сказал он, не повышая голоса. — Вижу, что дело не терпит утра. Рассказывай, Антон. И пусть девушка не прячется в тени. Хочу видеть её лицо.

Я сделала шаг вперёд, стараясь не дрожать. Я не пряталась, но и не выставляла себя напоказ. Просто встала так, чтобы свет падал на меня, чтобы он мог увидеть: я не ребёнок, не случайная попутчица, а часть этого плана.

Антон чуть наклонил голову.

— Нам нужно оформить документы на нее. И продать камни. Официально, через гильдию. Без волокиты, без лишних глаз.

Морозов чуть приподнял бровь, но не удивился. Будто такие просьбы звучали у него каждую ночь.

— Документы — это бумаги. Бумаги — это время. Даже для меня. А камни… — он чуть наклонился вперёд. — Камни я посмотрю. Покажи.

Антон не стал тянуться к карману. Вместо этого он сделал едва заметное движение рукой — и перед ним в воздухе на секунду вспыхнул слабый голубоватый контур, будто сама ткань пространства чуть разошлась. Потом он опустил руку, и в ней оказался небольшой мешочек, туго набитый.

— Пространственный карман, — коротко пояснил он, будто извиняясь за эффектность. — Внутри — камни. Пять видов: гранат, дымчатый кварц, аметист, цитрин, топаз. Все запечатаны, плотность высокая. Оценка нужна точная, но быстрая.

Морозов не потянулся сразу к мешочку. Он смотрел на него, будто взвешивал не вес, а последствия. Потом медленно протянул руку.

— Положи на стол. И не торопись. Тут не любят спешки.

Антон развязал тесёмку и высыпал камни на тёмную ткань, которую Морозов молча подстелил. Камни легли с тихим, тяжёлым стуком, и в свете лампы каждый из них вспыхнул своим собственным светом: гранат — густым, почти кровавым, цитрин — тёплым, как закат, аметист — глубоким, будто в нём пряталась сама ночь.

Морозов взял лупу, наклонился, начал рассматривать каждый камень по очереди. Он не говорил ни слова, не комментировал, не вздыхал. Только иногда чуть кивал, будто соглашаясь с тем, что видел.

Я стояла и смотрела на него. На его руки — тонкие, жилистые, с длинными пальцами, которые обращались с камнями так бережно, будто это были не куски минерала, а чьи-то судьбы. На его лицо — спокойное, сосредоточенное, лишённое любопытства, но полное понимания: он знал цену этим камням. И знал цену тому, что стояло за ними.

Наконец Морозов отложил лупу, откинулся на спинку стула и посмотрел сначала на Антона, потом на Алису.

— Камни хорошие, — ровно сказал он. — Не идеальные, но честные. За них дадут столько, что хватит и на документы, и на кое-что ещё. Но… — он сделал паузу, будто давая им время осознать следующее слово, — это не делается за одну ночь. Даже для меня. Завтра с утра начнётся оформление. Будут вопросы. Будут проверки. И если кто-то спросит, откуда у девушки такие камни и зачем ей документы в Миркаре — у вас должен быть ответ. Не сказка. История.

Антон кивнул.

– История есть.

— Хорошо, — Морозов снова посмотрел на меня, и в его взгляде не было ни тепла, ни холода — только оценка. — Тогда слушай. Завтра ты будешь не просто путницей с дороги. У тебя будет документ, который скажет стражникам и чиновникам: «Эта девушка имеет право здесь находиться». Но помни: бумага — это не щит, который закрывает от всего. Это ключ. А ключи легко отбирают у тех, кто не умеет их держать.

Я не опустила глаз.

— Я понимаю, — тихо сказала я. — И я готова.

Морозов ещё раз посмотрел на камни, потом на нас обоих, и наконец чуть склонил голову — не как начальник, а как человек, который принимает ответственность.

— Тогда оставайтесь здесь. В соседней комнате есть лавка и одеяло. До утра никто не должен знать, что вы здесь. А утром… утром начнётся работа.

Утро в гильдии началось не с солнца, а с бумаги. Тонкой, плотной, с водяными знаками, которые переливались, если поднести лист к свету. Клерки приходили тихо, будто боялись спугнуть тишину, и сразу брались за дела: кто-то шуршал реестрами, кто-то ставил печати, кто-то тихо переговаривался у шкафа с папками. Я стояла у двери в приёмную, чувствуя, как холод от каменного пола пробирается сквозь сапоги, и смотрела, как на бланке появляется мое имя.

Сначала — фамилия, выписанная твёрдой рукой клерка. Потом — место рождения, которое Антон назвал коротко и ровно, без лишних подробностей. Потом — цель пребывания: «оформление документов для свободного перемещения по Миркару и окрестностям». Каждое слово ложилось на бумагу, как кирпич в стену: медленно, тяжело, но надёжно.

Я смотрела, как перо скользит по листу, и вдруг поняла: это не просто запись. Это якорь. Теперь мое имя есть в книге. Его можно найти. Его можно проверить. И если кто-то спросит: «Кто она такая?» — ему покажут страницу, поставят палец на строчку и скажут: «Вот. Она имеет право быть здесь».

Клерк закончил, отложил перо, подул на чернила, чтобы быстрее высохли, потом взял маленькую медную печать, нагретую на жаровне. Он приложил её к углу документа, надавил — и на бумаге остался тонкий, чёткий оттиск: чаша с волнистым краем и три точки вокруг, будто капли воды.

— Готово, — тихо сказал клерк, не поднимая глаз. — Подпишите здесь, если согласны с формулировками.

Я взяла перо, почувствовала, как оно царапает бумагу, и поставила подпись. Не размашисто, не стараясь казаться увереннее, чем есть. Просто: мое имя, моя рука, мое решение.

И в этот момент дверь в кабинет Морозова приоткрылась, и Антон кивнул мне: «Заходи».

В кабинете было светлее, чем ночью. Свет падал из узкого окна, резал пол полосами, и в этих полосах кружились пылинки. На столе лежали камни, разложенные по отдельным лоскутам ткани, и рядом — тонкие инструменты: лупа, щипцы, маленькая игла, которой Морозов аккуратно касался граней.

Он не смотрел на меня, пока не закончил. Только когда последний камень лёг на своё место, он поднял глаза.

– Присаживайтесь, — коротко сказал он, указывая на табурет. — Сейчас я объясню, из чего складывается цена. Чтобы вы понимали, за что платите.

Я села, стараясь не ёрзать.

Морозов взял в руки гранат — тот самый, с густым, почти кровавым светом.

— Смотрите, — он поднёс камень к свету, повернул так, чтобы грань поймала луч. — Видите эти тонкие слои внутри? Как будто кто-то наложил друг на друга несколько прозрачных плёнок. Это следы маны. Камень не просто минерал — он впитал в себя силу, когда рос в жиле. Чем чётче слои, тем выше ценность. Этот — хороший: слои ровные, не перебитые трещинами. Значит, мана в нём «спокойная», её можно использовать для амулетов, печатей, даже для подпитки бытовых чар.

Он перебирал камни, объяснял про цвет ядра, про прозрачность, про то, как трещины снижают цену, потому что через них «уходит сила». Я слушала и впервые видела в этих камнях не просто красивые осколки, а труд, время, риск — всё, что стояло за каждым рублём.

Наконец Морозов сложил камни обратно в мешочек и посмотрел на меня.

– Я даю хорошую цену, — сказал он. — Не максимальную, потому что вы пришли ночью, без предупреждения, и мне придётся ускорять оформление. Но честную. Этой суммы хватит на документы и еще половина останется у вас.

Антон молча кивнул.

— Принимаем. – и достал из межпространственного кармана кольцо и записку, передал Морозову.

Морозов, увидев печатку, у него задрожали руки. Дрожащими руками открыл письмо, прочитав, посмотрел на нас и сказал:

–Вы мне ничего не должны. Я выплачу вам полную стоимость камней.

Быстро убрал в полку письмо и печатку. Достал бланк, записал сумму, поставил подпись и печать. Потом открыл ящик стола и достал ещё один документ — тот самый, который только что заполнили в приёмной. Он положил его рядом с бланком сделки и соединил их скрепкой.

Морозов отодвинул в сторону бланк сделки, сложил руки перед собой и посмотрел на нас так, будто собирался сказать что-то, от чего зависело слишком многое.

— Документы у вас теперь есть, — произнёс он, и голос его звучал не как завершение дела, а как начало нового, куда более сложного пути. — Вы можете ходить по улицам, останавливаться в гостиницах, проходить проверки на воротах. Но этого мало. В Миркаре бумага — это только дверь. А чтобы в эту дверь не толкнули со спины, нужна аттестация. И чем скорее, тем лучше.

Я нахмурилась, будто пыталась поймать смысл между слов.

— Аттестация? Это… экзамен?

Морозов чуть наклонил голову, словно оценивая, насколько быстро я схватываю.

— Да. Проверка навыков. В нашем городе любой, кто хочет не просто жить, а действовать — брать заказы, пользоваться гильдейскими складами, получать доступ к закрытым маршрутам, — должен подтвердить, на что способен. Это не формальность. Это страховка: для города, для гильдии… и для вас самих. Без аттестации вы — гость. С аттестацией — участник. Разница огромная.

Антон кивнул, будто слышал это не впервые.

— Где её проходят?

— В Испытательном корпусе, — ответил Морозов. — Там есть залы для разных специализаций: бой, слежка, работа с маной, логистика. Выберут то, что ближе к вашим планам. Но есть нюанс. Аттестацию не дают просто так. Её дают только тем, у кого есть статус. А статус в Миркаре — это титул.

Я почувствовала, как внутри всё сжалось.

— А как мне его получить? — спросила я, голос чуть дрогнул, но я удержала его. — И… поможет ли он? Я слышала, что тех, кто подтверждает навыки, сразу ставят в резерв на войну. Если у меня будет титул… это защитит?

Морозов помолчал, будто подбирая слова так, чтобы они не ранили сильнее, чем правда сама по себе.

— Титул действительно выводит из общего резерва, — спокойно сказал он. — Человека со статусом нельзя просто вписать в список рекрутов — для этого нужно отдельное постановление, веские основания. Это не абсолютная гарантия, но самая надёжная защита, которая у тебя вообще может быть.

Я выдохнула, будто только сейчас осознала, зачем нам всё это.

— Тогда как мне его оформить? Вы поможете?

– Прости, девочка, но тут я бессилен. У меня нет права присваивать титулы. Это не гильдейское дело. Их выдаёт городская канцелярия, а утверждает совет старейшин. Гильдия может дать рекомендацию, может поручиться за опыт, но сама титул не присваивает. Это вопрос власти, а не ремесла.

Выйдя из гильдии мы уже шли спокойно. Но все же не хотелось кому то попадаться на глаза. Деньги мы получили в полном объеме. И решили на один день остаться в столице.

Нашли таверну

— Вот. «Хромой ворон». Не самая богатая таверна, но здесь не задают лишних вопросов. И кормят честно.

Я посмотрела на вывеску: грубо вырезанная из потемневшего дерева фигура ворона с искривлённым крылом покачивалась на ветру, скрипя проржавевшими цепями. Сама таверна казалась приземистой, будто старалась держаться поближе к земле — толстые стены из бурого камня, узкие окна, наполовину закрытые деревянными ставнями. Над дверью висел медный фонарь, в котором слабо мерцал огонёк: не яркий, не зовущий, а скорее осторожный — словно предупреждал: «Мы открыты, но не для всех».

Антон толкнул тяжёлую дверь, и она поддалась с протяжным вздохом, будто давно не радовалась гостям. Внутри было тепло — не уютное домашнее тепло, а густое, настоянное на запахах еды, дыма и пролитого эля. Свет давали несколько масляных ламп и большой очаг в дальнем углу: пламя в нём горело ровно, лениво, и от этого в зале лежали мягкие, тяжёлые тени.

Пол был посыпан свежим тростником — он шуршал под сапогами и приглушал шаги, отчего разговоры в зале звучали не как шум, а как низкий гул, в котором можно было разобрать отдельные слова, только если очень хотелось их услышать.Вдоль стен тянулись длинные скамьи и грубо сколоченные столы, кое-где накрытые простыми льняными скатертями без узоров. В одном углу сидел старик с кружкой в руках — он смотрел в огонь и, казалось, вообще не замечал ничего вокруг. У стойки переговаривались двое в дорожных плащах, их голоса звучали приглушённо, без спешки.

Хозяин таверны стоял за стойкой — крупный, широкоплечий, с седой бородой и внимательными, спокойными глазами. Он кивнул Антону — не как старому другу, а как человеку, которого уже видел и не счёл опасным.

— Два места и что-нибудь горячее, — тихо сказал Антон, снимая перчатки. — И комнату, если есть.

Хозяин чуть наклонил голову, будто взвешивая просьбу, потом снова кивнул.

–Комната есть. Вверху, над кухней. Там шумно по утрам, зато тепло всю ночь. А поесть… сейчас будет.

Я остановилась у порога, ещё не решаясь пройти дальше. Здесь не было блеска и показной роскоши, как в дорогих заведениях у площади, но не было и той липкой, тревожной тишины, которая повисает в местах, где слишком многое скрывают. В «Хромом вороне» всё было на виду: простая посуда, потёртые доски, запах еды, который не пытался притвориться чем-то иным. И от этого становилось чуть легче дышать.

Антон положил руку мне на плечо — не сильно, просто чтобы показать: «Мы здесь ненадолго, но сейчас это самое безопасное место».

– Пойдём, — негромко сказал он. — Сядем у стены. Там видно дверь и видно очаг. Так спокойнее.

Мы прошли к свободному столу в полутени, подальше от чужих взглядов, но достаточно близко к теплу, чтобы почувствовать, как усталость понемногу отпускает. Я села на скамью, провела ладонью по грубой поверхности стола — дерево было тёплым, шершавым, будто помнило сотни чужих рук. И впервые за день ей показалось, что город не пытается её оттолкнуть, а просто проверяет: выдержит ли она его тяжесть.

–Антон, что делать с титулом?–спросила я.–Пока ничего. Вернемся домой, а дальше видно будет. У нас сейчас приличная сумма набралась. Я кое что продал и плюс деда камни. Все деньги деду отдам, а он пусть сам решает, что с ними делать.Хозяин вернулся быстро — будто и не уходил далеко, будто знал, что тишина между путниками сейчас важнее любых слов. Он поставил на стол две глубокие миски с похлёбкой: густой, тёмноянтарной, в которой плавали ломтики грибов, крупинки ячменя и тонкие полоски мяса. Сверху он бросил щепотку сушёного чабреца — и аромат сразу стал теплее, будто в нём смешались лес после дождя и тёплый хлеб из печи.

Рядом легли ломти хлеба — не пышные, не воздушные, а плотные, с толстой хрустящей корочкой и чуть вязкой серединой, такой, какой бывает у хлеба, испечённого в настоящей дровяной печи. И две кружки с чаем: не крепким, не обжигающим, а мягким, с лёгкой медовой ноткой и едва уловимой пряностью.

— Если понадобится ещё — скажите, — тихо произнёс хозяин и отошёл, не дожидаясь ответа.

Я осторожно взяла ложку, помешала похлёбку — пар поднялся тонкими струйками, коснулся лица, согрел щёки. Первый глоток был осторожным, почти робким. Но вкус оказался именно таким, каким должен быть у еды, которую готовят не для гостей, а для своих: сытным, честным, без лишней остроты и без показной роскоши.

Антон ел неторопливо, но о чем то думал, будто возвращал себе привычное ощущение порядка: раз есть еда — значит, день ещё не проиграл. Время от времени он поднимал глаза, скользил взглядом по залу, отмечая, кто вошёл, кто встал изза стола, кто слишком пристально смотрит в их сторону. Но в его движениях не было напряжения — скорее привычка держать мир в поле зрения, не позволяя ему подкрасться сзади.Когда миски опустели, а кружки опустели наполовину, хозяин снова подошёл — на этот раз не спеша, будто теперь, когда первый голод утолён, можно и поговорить.

– Комната наверху, — негромко сказал он, кивнув в сторону узкой лестницы в углу. — Дверь третья слева. Там тихо. И окно выходит во двор, так что если утром захотите подышать — там спокойно, никто не ходит.

Я подняла на него глаза.

Спасибо, — прошептала я, и на этот раз в этом «спасибо» было больше, чем просто вежливость. В нём была благодарность за то, что меня не торопили, не задавали лишних вопросов, не пытались ничего продать. За то, что дали просто побыть человеком, которому нужно поесть и поспать.

Хозяин чуть наклонил голову, будто понял это без слов.

– Отдыхайте, — сказал он. — Завтра день будет новый. А какой он будет — зависит от того, сколько сил вы себе оставите к утру.

Мы поднялись в комнату, снова большая кровать. В комнате пахло какими то травами и деревом. Окно было чуть приоткрыто. Уже стемнело. Я сняла куртку и сапоги и села на кровать. Антон пошел в душ.

Вытащила камень, подаренный дедом, и слила всю ману до капли. После этого мой резерв увеличился еще, но не намного.

Антон вышел, и следом я скользнула в душ. Быстро помылась, смыв с себя весь прошедший день. Обернулась полотенцем, вышла и нырнула под одеяло.

Антон долго сидел, о чем-то думал. Лег, укрылся одеялом, притянул меня к себе.

Его поцелуи были нежными и горячими.

Я развернулась и поцеловала его в губы. Страстно, не прерываясь. Он стянул с меня полотенце и резким движением раздвинул мне ноги и оказался сверху.

Сердце билось с бешеной скоростью. Дыхание участилось.

Он нежно целовал мою шею, дотянулся до мочки уха и зубами прикусил ее и резким движением вошел в меня. Я застонала и вцепилась ногтями ему в спину.

Мы всю ночь наслаждались друг другом. Уснули только под утро.

Проснувшись только ближе к обеду, мы поняли, что нужно вставать и ехать обратно в деревню к деду. Так как в столице нам больше делать нечего.

Глава 18 « Обратно в Храномир »

Вышли из столицы довольно таки легко. Когда заходишь в город, проверяют все документы, с какой целью приехал, какое оружие на тебе, что провозишь с собой. Но когда выходишь, им как будто все равно, быстрая проверка документов, и мы свободны.

Дошли до таверны, где оставили лошадей. Там же перекусили и поехали в сторону деревни.

–Что если нам проехать через красную зону? –спросил Антон, – Посмотрим, на что ты стала способна. Там ты можешь выложиться на сто процентов. С дедом ты в спаринге все равно сдерживаешься. Может и пару штук порталов закроешь.

У меня сердце пропустило удар. Нет, мне не было страшно, просто как то неожиданно. Я сливала в камень свою ману, но у меня не так сильно сейчас прибавляется в объеме резерв. Что то тормозит. Может, действительно мне нужно сливать ману в боевом режиме.

–Хорошо. Но я не думаю, что это будет хорошей идеей. Предчувствие нехорошее.

–Не переживай, мы не будем лезть в самую гущу. Просто пройдем стороной. Сделаем крюк, но это все равно короче, чем ехать так. –сказал Антон.

Мы поехали, но что то тревожило меня. Вот только я не знала что именно.

После нашей первой близости ничего не изменилось в отношении. Он все равно был рядом и готов поддержать или защитить. Да, мне не хватало теплых слов от него, но лучше действия, чем слова. Я знала, что он меня не оставит, чтобы ни случилось, и да, я ему за это благодарна. Чувство, что я кому то нужна и я не одна, дает мне сил.

Хочу ли я с ним отношений, определённо да, хочу. Я чувствую что он испытывает ко мне что то, хоть и не говорит мне этого. Да мне и не нужно. Его действия говорят что он меня любит и не хочет отпускать и этого мне достаточно.

С этими мыслями мы въехали в красную зону. Здесь не было ни военных, ни людей, и даже зверей не было видно, птицы вообще казалось, что покинули это место и не собирались сюда возвращаться. Пространство было наэлектризованно, я чувствовала это всем телом. Меня это насторожило. Звоночек опасности у меня зазвонил.

Я слезла с лошади и пошла в глубь леса, крадучись, чтобы ни одна ветка не треснула под моей ногой. И долго идти не пришлось. В метрах в двухста я увидела его, портал. Он был небольшой, синие всполохи молний били в разные стороны, и он мерцал всеми цветами радуги.

Каемка портала шевелилась, словно живая. Было такое чувство, что он дышал. Снова эти каналы, они сплетались, расплетались и перестраивались.

Я резко вцепилась в них рукой и выдрала большой канал, и я почувствовала, что что-то в меня впиталось, и он рассыпался прахом. Портал заискрился, начал дрожать. Одним прыжком отпрыгнув от него метров на пять, он схлопнулся.

Выдохнув, я встала и, прислушиваясь к себе, поняла, что мой резерв просел почти на четверть.

Ну ничего еще есть силы, и рванула дальше. Перескакивая камни и уворачиваясь от веток.

Я снова нашла еще один. Он был чуть больше, и я долго не думая, выдрала каналы и у него. Снова что то в меня впиталось, но я не понимала, что это. Да меня это и не напрягало. Со мной было все хорошо.

Пока я бежала в поисках следующего, что то заставило меня остановиться, и я прислушалась. Были голоса вдалеке от меня. Я шла к ним осторожно, как кошка. Слух и зрение напряглись.

Голоса принадлежали мужчинам, их было больше пяти. Разные интонации и тембры. И говорили на непонятном мне языке.

Присев к земле, я начала осторожно красться к ним. Я их видела, а они меня нет. Благо уже вечерело, и солнце почти скрылось за горизонт, и я сливалась с землей потому что была во всем черном.

Я сидела за камнем и следила за ними, не издавая ни звука. Антон подполз ко мне, вытащил из пространственного кармана мои метательные ножи и передал их мне. Следом достал кинжал с ножнами и тоже протянул. Я быстро все накинула на себя.

Они сидели полукругом и разговаривали между собой. Слова звучали резко, отрывисто, будто каждое было высечено из камня. Короткие фразы, глухие согласные, ритм такой, что по коже бежали мурашки — не от смысла, а от самой интонации, от того, как они перебрасывались этими звуками, будто проверяли: здесь ли опасность, близко ли она.

Их тёмнозелёные куртки казались частью этой земли, частью самой тени, будто они нарочно сливались с местностью, чтобы никто не заметил раньше времени. Кожаные штаны, заправленные в высокие ботинки — тяжёлые, похожие на берцы, — выглядели так, будто в них можно пройти полмира и не устать. А на поясах — мечи в ножнах, развёрнутые рукоятью вперёд, чтобы в любой момент выхватить одним движением.

–Это не наши. Они вылезли, скорее всего, из того портала, который ты закрыла. Я пойду в обход посмотрю, есть ли еще, а ты мочи этих. И да, не сдерживайся. –сказал Антон почти одними губами, и исчез за деревьями.

Я проверила крепления — дважды, не торопясь, но быстро. Петли держали крепко. Ножи сидели плотно, но вынимались легко, одним движением запястья. Кинжал — тоже. Я вытащила его на ладонь, проверила баланс, вернула обратно. Всё было готово.

Я сорвалась с места — не рывком, а плавным, текучим движением, будто сама тень подхватила меня и понесла вперёд. Ноги почти не касались земли, шаги были бесшумными, только сухой лист хрустнул один раз — и тут же стих.Быстрым движением отправила ножи в цель, перед этим напитав их силой. Один нож впился в шею того, что стоял ко мне боком. Он сразу рухнул. Следующий нож воткнулся в глаз, судя по всему, нож достал до мозга, потому что тело дернулось и отлетело, тоже упало в сухую траву. Третьему вошел точно в висок.

Осталось двое.

Те быстро достали мечи и кинулись на меня. Только куда там, они медленные. Очень медленные. Я оттолкнулась от земли и пролетела через голову одного, чиркнув по шее кинжалом. А во второго кинула нож, тот снова попал четко в глаз. Они упали синхронно.

В этот момент я почувствовала, что что-то не так.

Антон!

Побежала туда, откуда доносился треск и как будто огонь бушует с ветром.

Антон был окружён такими же мужеподобными зверьми. Было человек сорок. Он стоял в центре, занося руки для атаки, формируя огненные шары.

У меня не было времени думать. Я рванула к ним и начала метаться среди этих зверей. Мое тело было напряжено до предела. Всаживала свой клинок одному в шею, второму под подбородок, третьему со спины точно в сердце. Они падали, и никто не мог меня достать. Пока они замахивались, меня не было уже на этом месте. Я шла дальше и косила всех на своем пути.

Когда не осталось никого, и я, тяжело дыша, посмотрела на Антона. Он был в порядке.

Антон замер прислушиваясь, и шепотом произнес:

–Лошади, много!

Сгреб меня, и мы укатились в кусты. Нас накрыло листвой. Проехали всадники, их было семеро, кто то поехал дальше, кто то затормозил возле нас.

–Это что они не поделили? Смотри резня какая была. –сказал один.

–Да тут не они что то поделили, а на кого то наткнулись. И окружали кого то. Посмотри на следы. Ты вообще, салага, ничего не понимаешь, что ли. Чему только вас в гильдии учат. –сказал другой.

Они походили, посмотрели на эту бойню. Вернулись те, кто уехал вперед, с таким видом, что тоже ничего не поняли, с озадаченными лицами.

–Командир, там еще трупы лежат пятерых, и это, порталы исчезли.–быстро проговорил тот, что вернулся.

–Значит так, едим в штаб, говорим о произошедшем, и только попробуйте рот свой розинуть. – сказал грозно командир, и они быстро помчались туда от куда приехали.

Мы с Антоном выдохнули.

Я заглянула в себя и почувствовала, что резерв почти пуст. Достала камень, слила в него те крохи, что у меня осталось. И хлынул поток, раздвигая мой резерв еще больше, чем он был. Я захлебывалась в этом потоке. Меня так еще не накрывало. Когда резерв был полон, я поняла, что он стал еще больше. Разогнав Ману по всем каналам и напитав свое тело, встала, и я приняла решение идти дальше.

–Антон, идем дальше, мой резерв увеличился, мне нужно еще. – сказала я и рванула.

Меня что-то манило, но я не понимала, что именно. Была глубокая ночь, но я зрение перевела на ночное. Если кто то на меня посмотрел, то увидел бы тень с зелеными горящими глазами.

Жутко? Возможно, но меня несло, я бежала и не могла остановиться, вот он портал. Возле него сидели четверо таких же мужчин и оживлённо переговаривались. Я не понимала, о чем они говорят.

Вытащив кинжал из ножен, бросилась вперед. Мои удары были точны, мне потребовалось несколько секунд чтобы их убить.

Портал был большим в полтора моего роста. Выдернула из него значительный кусок канала, он начал искриться, я в два прыжка преодолела около десяти метров, спрятавшись за дерево. Бабахнуло знатно. И снова часть этих каналов впиталось в меня. Снова прислушалась к себе, нет, все нормально без изменений.

Тут Антон схватил меня за руку и быстро произнес с тревогой:

–Нам надо уходить как можно быстрее. Мы и так хорошо тут наследили. Если останемся, нас поймают.

Я помотав головой, с меня слетело все на вождение, и мы рванули туда, где оставили лошадей.

Выехали из красной зоны только к утру. Без приключений.

Мы следующим вечером остановились в таверне у дороги. Решили передохнуть, отмыться, переодеться. Моя одежды была снова вся в крови тех людей кого убила.

Поднявшись в номер, возле порога сняла всю одежду и пошла в душ отмывать с себя всю кровь.

Я так и не поняла, что со мной произошло, и не хотела об этом говорить. Но Антон заговорил, и мне пришлось напрячься, чтобы не выдать свои мысли по поводу того, что в меня впитывалось из этих портальных каналов, и вела себя как хладнокровная убийца.

–Алиса, что с тобой происходит. У тебя все нормально. Как у тебя получалось так, что ты находила порталы. Ты бежала именно к ним, как будто знала, где они находятся. –спросил Антон как только вышела я из душа.

Я встала перед зеркалом, начала промакивать свои волосы полотенцем и смотря в отражение, ухмыльнувшись, произнесла:

–Не знаю. Как то само это выходило. Я кушать хочу, пойдем поужинаем.

Бросила полотенце на комод. Подошла к кровати, где лежала моя чистая одежда. Надела ее и кивнула ему, чтобы мы пошли вниз. Антон посмотрел на меня, встал, и мы пошли на ужин.

Спустившись вниз, народу было много. В углу был свободный стол, и я сразу пошла к нему. Проходя мимо столика, где сидели подвыпившие мужчины, один ударил меня по попе, я долго не думая, даю ему смачный подзатыльник, и он еще к этому припечатывается лбом в

стол и отключается. Другие, посмотрев на меня, тут же приподняли руки вверх, мол, извините нас, дураков, этот мудак сам виноват.

Нет, я, конечно, добрый души человек, с подзатыльником дала команду на недельный понос. Пусть теперь сидит и думает на унитазе о своем поведении.

Дойдя до столика, плюхнулась на стул, сидела, ждала, когда Антон сделает заказ.

Мужик очухался, резко встал и побежал куда то держась за пятую точку.

Я усмехнулась.

Антон подошел и сел рядом.

–Жёстко ты его. Но в следующий раз подумает, как распускать руки. –с улыбкой сказал он.

Я только кивнула. Конечно, он подумает, времени теперь у него много посидеть и подумать.

На следующее утро мы встали. Быстро собрались, позавтракали и отправились в путь.

Нам до дома оставалось немного. Думаю, к вечеру уже доберемся. Вот как так получается, приехали в столицу, там тепло. А здесь снова снег и холод. Не люблю холод и жару тоже, мне надо что то между.

Мы приехали в Храномир, было уже темно. Где то горел свет в домах, а кто то уже спал. Было так хорошо на душе, что мы приехали домой.

Дед стоял в тулупе на крыльце. Я слезла с коня и пошла к нему. Антон же повел лошадей в конюшню.

–Как съездили? Что удалось сделать в столице? –спросил дед.

–Камни продали через Морозова, и Алисе сделали документы. Но титул Морозов сказал, не сможет помочь сделать. Это надо в канцелярию. –сказал Антон проходя мимо нас ведя за собой лошадей.

Дед хмыкнул и посмотрел на меня.

–А с тобой что произошло? На себя не похожа... –озадаченно спросил дед. И тут его брови начали подниматься вверх. –Алиса, у тебя твой резерв увеличился и хорошо увеличился. Вы где были?

Я не стала ни чего отвечать, только носком сапога ковыряла снег. Но потом развернулась и пошла в дом. Дед пошел следом.

На кухне дед налил чай и протянул тарелочку с блинами.

В это время Антон вернулся и быстро сел за стол, отпив чай сказал:

– Мы заезжали в красную зону. Алиса закрыла три портала и убила около сорока иномерян. Но с ней что то там происходит, и я не смог понять, что. Она как чувствует порталы и бежит к ним.

–Интересно. – протянул дед. – Так ладно, давайте спать, время позднее. Утром поговорим.

Я встала из за стола и пошла в спальню. Рухнула на кровать и тут же вырубилась.

Утро было стылое, зябкое — такое, когда даже воздух кажется колючим. Солнце хоть и поднялось над лесом, но светило тускло, будто сквозь тонкую серую вуаль, и его косые лучи почти не грели, только выхватывали из полумрака белёсые шапки снега на крышах да иней, густо осевший на резных наличниках.

Снег лежал повсюду: на грядках — рыхлый, местами протаявший, а местами схваченный тонкой ледяной коркой; на заборе — тяжёлыми сугробиками, похожими на горбы; на крылечке — ровным слоем, который дед ещё утром коекак отгреб лопатой, но ветер снова наметал его обратно.

Мы с дедом сидели на крыльце, я перегоняла ману по каналам и по мышцам, чтобы нигде не было застоя. После боя в красной зоне от перенапряжения лопнуло пару каналов, вот их сростила обратно. Ну а так все с моим телом было нормально.

Ну а дед сидел и пил душистый чай. Из редка поглядывая на меня, но не вмешивался в процесс.

На огороде коза Алика, упрямая и вечно голодная, пыталась дотянуться до пучка сухой травы, торчавшего из-под снега у забора. Дед вздохнул, глядя на неё, и пробормотал:

— Надо бы загнать её в сарай. Опять простудится… Да и корма у нас не густо.

Дед замер вглядываясь на дорогу. Ехала повозка –крытая, с потёртым тентом, по бокам налипли комья мокрого снега. А рядом верхом — человек в тёмном кафтане, не деревенский, чужой. Кафтан был длинный, утеплённый, отороченный мехом, а на груди поблёскивали те самые знаки — тускло, без праздничного блеска.

Дед выпрямился. Медленно, будто каждое движение давалось ему с трудом, будто мороз сковал не только землю, но и его старые кости.

Я почувствовала, как у него внутри что-то натянулось — не страх, а усталость, тяжёлая, старая, которая просыпается именно тогда, когда кажется, что можно выдохнуть, но мир снова подкидывает тебе новую ношу.

— Это Тимур, — тихо сказал дед, и голос его прозвучал хрипловато, будто слова цеплялись за морозный воздух и ломались.

— Правая рука барона. Сам-то барон уже лет пять из усадьбы не выходит — стар, да и хворает. А Тимур всё на себе тянет. И сбор податей, и охрану, и суды…– добавил дед.

— Тимур? — Я повернулась к нему. — Зимой?Зачем?

Дед не ответил. Он уже стоял, уже ждал, глядя на повозку, которая приближалась по дороге, скрипя полозьями по насту. Его лицо стало: жёстким, закрытым, будто он заранее решил, что не покажет этому человеку ничего лишнего — ни боли, ни страха, ни надежды.

Тимур слез с повозки неторопливо, спрыгнул на снег. Движения были уверенные, но без лишней тяжести — он не старался казаться страшнее, чем есть, ему и не нужно было. Высокий, в утеплённом кафтане, с лицом, на котором ни улыбки, ни злости — только спокойная уверенность, что он здесь главный.

— День добрый, — сказал он голосом, привыкшим отдавать приказы и слышать «да», но без грубости — скорее как человек, которому просто некогда на пустые любезности. Пар от его дыхания поднимался вверх и тут же таял в холодном воздухе.

— Утро ещё, — ровно ответил дед.

Тимур чуть усмехнулся, будто оценил это, и подошёл к крыльцу. Скрипнул наст под его сапогами. Из повозки за ним вышел второй — пониже, в простой тёплой одежде, но с кожаной сумкой, из которой торчали свитки и чернильница. Писарь.

— Я от имени барона, — привычно бросил Тимур, будто эту фразу он повторял по десять раз на дню. Потом чуть поморщился от холода и поправился: — Сам он, как знаете, из усадьбы не выходит. А я тут за него. По делу. Налог за деревню. За два года. Не плачено.

Дед молчал. Молчал долго, так долго, что Тимур чуть приподнял бровь, будто ждал, что дед начнёт оправдываться, просить, торговаться. Но дед только стоял и смотрел на него, и в его глазах было что-то, чего я раньше не видела: не страх, не гнев, а тихое, тяжёлое понимание, что этот разговор он ждал давно — и боялся его именно зимой, когда любая беда становится вдвое страшнее.

— За всю деревню, — наконец повторил дед. Голос его звучал ровно, без дрожи, но я знала, чего это стоило. — А кто решил, сколько мы должны? Кто считал урожай, кто смотрел, как заморозки побили всё, что уцелело? Кто видел, как мы эту зиму тянем?

Тимур не стал спорить. Он вообще не любил лишних слов.

— Решение принято в усадьбе. Барон постановил, что деревня должна пять миллионов рублей. Это не за хлеб и не за землю — это за защиту. За то, что мои люди ходят по лесам, и смотрят на наличие порталов, иномирян, не дают разбойникам резать обозы. За то, что тут вообще можно жить. Даже зимой.

Дед сжал кулаки в варежках, но не шагнул вперёд, не сорвался на крик — сдержался.

— Пять миллионов за два года? — переспросил он, и в голосе его теперь была не усталость, а горькая насмешка. — Да у нас в деревне столько за пять лет не скопить. У кого корова сдохла, у кого крыша течёт, у кого дети болеют. Мы не прятали деньги, мы их просто не видели. А этой зимой и того хуже: корма нет, дров мало…

Тимур кивнул, будто слышал это не в первый раз.

— Мне твои беды не нужны. Мне нужен платёж. Срок — десять дней. Если через десять дней серебра не будет — я поставлю в деревню своего старосту. И тогда платить будете не раз в год, а каждый месяц. И больше.

Я встала. Медленно, без резких движений, но так, что дед чуть повернул голову — предупреждающе, будто говорил без слов: «Не лезь».

— А если мы не согласимся? — тихо спросила я, и мой голос прозвучал непривычно твёрдо на фоне этого зимнего безмолвия. — Если скажем: нет у нас денег, и не будет?

Тимур посмотрел на меня — не как на девчонку, а как на человека, который задаёт неудобные, но правильные вопросы. Потом чуть склонил голову, и на миг в его взгляде мелькнуло что-то похожее на сожаление — но он тут же спрятал его, будто стыдился проявлять слабость.

— Тогда я сам найду, чем заплатить. Скот, зерно, инструменты — неважно. Главное, чтобы сумма сошлась.

Дед медленно выдохнул, и пар от его дыхания поднялся вверх, смешался с морозным воздухом и исчез. Он не сел — не мог, ноги будто не слушались. Просто стоял и смотрел на Тимура, и в этом взгляде было столько горечи, что даже тот будто чуть сбавил спеси.

— Десять дней, — повторил дед, словно пробуя эти слова на вкус, будто они были горькими, как полынь. — Я понял.

Тимур не стал ждать ответа, не стал пугать, не стал размахивать руками. Он просто развернулся, кивнул писарю — тот сунул свиток обратно в сумку, не успев даже развернуть — и пошёл к лошади. У повозки он остановился, обернулся и сказал, не обращаясь ни к кому конкретно:

– Барон стар и болен. Но он хочет, чтобы тут был порядок. А порядок стоит денег. Если найдёте деньги — я доложу, долг спишут. Не найдёте — будет по-другому.

–Стой, Тимур. – не выдержала я. – Я поеду с вами, я смогу вылечить барона. Но вылечив его вы спишите весь долг с деревни.

Тимур замер. Медленно повернулся в мою сторону и произнес.

– А чем докажешь, что ты лекарь? Я вижу тебя впервые в этой деревне.

Я быстро с усиленным движением своего тела стояла уже рядом с ним и протянула свою руку ладонью вверх, и на нем был зеленый огонек.

Тимур кивнул и сказал:

–Поехали.

Глава 19 « Усадьба »

Дорога стелилась под копыта белой лентой. Снег лёг ровно, будто кто-то разгладил его огромным полотном, и теперь каждый звук становился отчётливее: хруст наста, скрип полозьев, фырканье лошадей.

Тимур сидел на козлах повозки, крепко держа вожжи. Он не смотрел по сторонам — только вперёд, на дорогу, будто если хоть на миг отвлечётся, зима сама решит, куда нас везти. Повозка была крытой — её потёртый тент потемнел от дождей и ветров, кое-где на ткани виднелись мелкие заплаты, будто кто-то старательно штопал время.

Рядом с Тимуром, под этим укрытием, на узкой лавке сидел писарь — невысокий, сутулый человек в тёплом, но потёртом кафтане. Он молчал, прижимая к груди кожаную сумку со свитками, и изредка бросал тревожные взгляды на заснеженные поля, будто боялся, что снег заметёт дорогу раньше, чем мы доедем.

Повозка покачивалась на ухабах, деревянные борта поскрипывали, а под потёртым тентом глухо позвякивали чернильница и печать — писарь вёз не только свитки, но и всё, что нужно для записи, подсчётов и оформления. Налог за два года требовал бумаг.

Я ехала рядом на лошади, держа ровный темп. Мой конь шёл уверенно, будто знал эту дорогу лучше, чем я сама. Я плотнее запахнула куртку, чувствуя, как холод пробирается под ткань, но не спешит забираться внутрь — я привыкла держать холод снаружи, чтобы внутри всё оставалось собранным.

— Далеко ещё? — мой голос прозвучал спокойно, почти буднично, будто я спрашивала про поворот к постоялому двору.

Тимур чуть повернул голову, не выпуская вожжи, и кивнул в сторону горизонта, где тёмной линией тянулся лес, а за ним, как остриё, торчала крыша господского дома.

— К закату будем. Усадьба стоит на холме. Ты её издалека увидишь.

Писарь под потёртым тентом шевельнулся, будто хотел что-то добавить, но промолчал и крепче сжал свою сумку.

Я посмотрела туда, где небо уже наливалось фиолетовым, и кивнула. Мне не нужно было видеть усадьбу, чтобы понять: там, за этими стенами, не просто больной старик. Там — решение.

Когда мы поднялись на холм, усадьба предстала перед нами не как дом, а как крепость. Каменные стены, увитые инеем, казались высеченными из самой зимы. Окна, узкие, как бойницы, смотрели на дорогу, будто оценивали каждого, кто осмелится подойти. Перед воротами стояли стражники в тяжёлых шубах, с копьями, чьи наконечники сверкали, как осколки льда.

Повозка замедлила ход. Тимур натянул вожжи, лошади фыркнули, выдыхая белые клубы пара. Он назвал себя, и тяжёлые створки со скрипом разошлись, впуская нас во двор. Снег здесь лежал не ровным полотном, а был истоптан, изрыт следами, будто даже зима не могла скрыть суеты, царящей в усадьбе.

Писарь первым выбрался из-под тента, поправил сумку и замер, ожидая указаний. Слуги выбежали встречать гостей, торопливо принимали поводья, предлагали согреться. Я не стала задерживаться у входа. Шла следом за Тимуром, чувствуя на себе взгляды — любопытные, насторожённые, почти испуганные. Писарь семенил позади, стараясь не отставать и не привлекать внимания.

Нас провели в тёплую, но мрачную приёмную, где пахло воском и лекарствами. А потом двери распахнулись, и мы вошли в покои барона.

Комната была огромной и от того казалась ещё холоднее, несмотря на пылающие камины. Тяжёлые гобелены приглушали свет, делая его тусклым и болезненным. В центре, на высокой кровати, укрытый мехами, лежал барон.

Он был стар — не просто седой, а будто выцветший, как старая ткань. Лицо — острые черты, обтянутые тонкой кожей, глаза — тёмные, усталые, но всё ещё цепкие. Он смотрел на нас так, будто пытался прочитать наши мысли раньше, чем мы успеем их произнести.

Рядом с кроватью стоял столик с пузырьками, бинтами и книгами в кожаных переплётах — следы десятков лекарей, которые уже побывали здесь.

Барон кашлянул, и этот кашель прозвучал как скрежет старого дерева.

— Тимур, — голос его был слабым, но в нём ещё слышалась привычка повелевать. — Ты привёз лекаря?

Тимур шагнул в сторону, освобождая мне место. Я подошла ближе, но не склонилась в поклоне. Остановилась на расстоянии вытянутой руки — достаточно близко, чтобы он видел мои глаза, но не настолько, чтобы казаться почтительной.

— Я не просто лекарь, — сказала я ровно. — Я та, кто скажет вам правду. Даже если вы не захотите её слышать.

Барон чуть приподнял бровь.

— Правду можно услышать и от слуги. Зачем мне ты?

Я шагнула вперёд и спокойно взяла его руку — не грубо, но твёрдо, так, что он не смог бы отдёрнуть её, даже если бы захотел. Мои пальцы на мгновение замерли на его запястье, будто прислушиваясь не к пульсу, а к чему-то глубже. По комнате словно пробежал тихий, невидимый холод — будто воздух на секунду стал гуще.

Я прикрыла глаза, вглядываясь внутрь его тела, и стояла так несколько долгих мгновений. Барон смотрел на меня с недоверием, смешанным с тревогой, а Тимур и писарь застыли, не зная, что делать.

Наконец я отпустила его руку и выпрямилась.

Слуги и писарь поспешно попятились к дверям. Тимур задержался на мгновение, будто хотел возразить, но встретился со мной взглядом — и молча последовал за остальными. Дверь закрылась с глухим стуком, отрезав комнату от остального мира.

Только огонь в камине продолжал тихо потрескивать.

Я снова повернулась к барону. Теперь в моём голосе не было ни вызова, ни торжественности — только холодная, беспощадная ясность.

— Вас травят, господин. Ядом.

Барон побледнел, хотя казалось, что бледнее уже некуда.

— Что… что ты несёшь? — прошептал он.

— Аконитин, — сказала я. — Его подмешивают вам в настойку из корня валерианы. Очень тонкая примесь — обычный лекарь её не заметит. Но она накапливается. Поражает сердце и нервную систему. Сначала слабость, потом дрожь, потом остановка дыхания. Вы не болеете, господин. Вас убивают. И если мы не остановим источник сегодня, следующей недели вы не переживёте.

Барон вцепился пальцами в край меха, костяшки побелели.

— Кто? — выдохнул он. — Кто мог…

Я покачала головой.

— Это не мой вопрос. Мой вопрос — кто имел доступ к вашим настоям и как давно это началось. Но я могу сказать одно: я знаю, как остановить действие яда. Но моё лечение стоит не золота. Оно стоит решения.

И в этот момент тишина в комнате стала звенящей.

Барон откинулся на подушки, будто хотел отодвинуться от меня, хотя дальше было некуда. Его пальцы судорожно вцепились в мех, а в глазах вспыхнул тот самый упрямый, почти звериный огонь — не страх, а ярость от того, что кто-то посмел назвать его смерть так буднично, словно это расписание торгов.

— Выгнать её, — голос барона прозвучал хрипло, но достаточно громко, чтобы эхо прокатилось по высоким сводам. — Немедленно. Я не позволю какой-то бродяжке пугать меня сказками про яды.

Я не шелохнулась. Даже не моргнула. Просто смотрела на него — спокойно, без вызова, но и без покорности. Пусть кричит. Пусть зовёт стражу. Пусть делает всё, что привык делать, когда ему страшно.

Дверь приоткрылась, и в щель заглянул один из слуг — бледный, с расширенными глазами, будто уже знал, что сейчас произойдёт что-то, после чего прежняя жизнь в усадьбе не будет прежней.

— Не надо, — сказала я, не оборачиваясь, но так, чтобы он услышал. — Закрой дверь. Это разговор не для чужих ушей.

Слуга замер, перевёл взгляд с барона на меня, будто решал, чью волю исполнить, и в итоге тихо прикрыл створку.

Барон дёрнулся, будто хотел крикнуть снова, но закашлялся. Кашель был сухим, жёстким, рвущим горло, и после него он обессиленно опустился на подушки, прикрыв глаза на мгновение. Когда открыл — в них уже не было прежней ярости. Только усталость и тень сомнения.

— Ты… — он сглотнул, и этот простой жест вдруг показался мне страшнее любого крика. — Ты говоришь так, будто знаешь, что будет.

— Потому что знаю, — ответила я ровно. — Я не смогу вылечить вас до конца, господин. Аконитин слишком глубоко въелся в кровь и нервы. Но я могу замедлить его. На несколько недель, может, месяцев — если вы будете слушать каждое моё слово и не станете делать по-своему.

Он прищурился, будто пытался разглядеть во мне не женщину, а ловушку.

— А если я не стану слушать?

Я чуть наклонила голову, не отводя взгляда.

— Тогда через два-три дня вы впадёте в кому. Ещё через день — умрёте. И никто не поймёт, что это было. Все скажут: «барон был стар, он давно болел». И только я буду знать, что его добили каплей настойки, которую ему подавали с поклоном.

В комнате стало тихо. Даже огонь в камине будто притих, и только изредка щёлкала прогоревшая поленница.

Барон долго смотрел на меня. Потом медленно, осторожно приподнялся на локте — движение далось ему с трудом, и он стиснул зубы, чтобы не показать, как оно его измотало.

— Допустим, — произнёс он наконец, и слово прозвучало как уступка, тяжёлая, выстраданная. — Допустим, ты не лжёшь. Что ты хочешь взамен? Не говори про золото. У меня его много, но оно не лечит.

Я не стала тянуть. Не стала ходить вокруг да около.

— Я хочу не золото, господин. Я хочу, чтобы вы приняли одно решение — сейчас, не откладывая. И чтобы с этого дня никто не смел ставить под сомнение мои слова, когда речь идёт о вашей жизни.

Он усмехнулся, но в этой усмешке не было веселья — только горечь человека, который впервые за долгие годы чувствует, что не всё в его руках.

— Ты просишь не золота, а власти.

— Я прошу права действовать, пока ещё есть время, — поправила я. — Это не власть. Это инструмент.

Он снова закашлялся, и на этот раз, когда приступ отпустил, в его глазах мелькнуло что-то похожее на смирение.

— Хорошо, — выдохнул он. — Останься. Скажи, что делать. Но если через три дня со мной ничего не случится — я велю выгнать тебя так далеко, что ты и дороги назад не найдёшь.

Я кивнула.

— Этого времени хватит, чтобы вы поняли: я не лгу.

Я не стала ждать ни секунды — время сейчас было дороже золота, дороже любых титулов.

— Убрать все настои, все травы, всё, что хоть отдалённо похоже на лекарство, — голос мой прозвучал жёстко, без намёка на просьбу. — Каждую склянку, каждый мешочек — вон из покоев. И проветрить комнату. Сейчас же.

Слуги замерли на миг, будто не веря, что кто-то смеет так распоряжаться в святая святых усадьбы, но тяжёлый, усталый взгляд барона, который он даже не пытался поднять, словно дал им молчаливое разрешение. Они сорвались с места: кто-то кинулся к столику, хватая пузырьки, кто-то потянул тяжёлые створки окон — и в комнату ворвался ледяной воздух, разом выдувая душный запах лекарств и болезни.

Барон хотел было что-то сказать, может, возразить, но вместо слов у него вырвался только короткий, сухой кашель — и он снова обессиленно опустился на подушки.

Я подошла вплотную, не касаясь его, но так близко, что он чувствовал моё присутствие как тень, которая не даёт спрятаться даже в собственных мыслях. Закрыла глаза — и не успела толком сформулировать мысль, как зелёная дымка уже скользнула от меня к нему, тонкая, текучая, будто живая. Это была моя аура — она не ждала приказов, не требовала усилий. За последний месяц она стала как дыхание: я только думала, что нужно сделать, а она уже делала, подчиняясь мне рефлекторно, безошибочно.

Она проникла глубже, не обжигая, не давя — ровно, настойчиво, как вода, что находит трещины в камне. Я видела, как яд расползается по нему — тонкие чёрные нити, оплетающие сосуды, въедающиеся в сердце. Я направила поток, заставляя кровь двигаться быстрее, выталкивая отраву, прогоняя её через фильтры тела. Печень — восстановись хоть немного. Почки — работайте. Очищайте.

А потом я дала импульс самой регенерации — не просто залечить, а заставить клетки вспомнить, как быть живыми. Подкачала тело барона своей силой, как вливают воду в пересохший колодец, зная, что это не спасёт от засухи, но даст глоток, чтобы продержаться.

Он вдруг глубоко, резко вздохнул — так, будто только сейчас впервые за долгое время смог вдохнуть по-настоящему. Его пальцы, до этого судорожно вцепившиеся в мех, чуть разжались. Лицо, искажённое болью и усталостью, на мгновение стало спокойнее. Он приподнял веки и посмотрел на меня — уже не с гневом, не с недоверием, а с чем-то похожим на изумление.

— Я… — он запнулся, будто сам не верил тому, что чувствует. — Мне… стало легче.

Я открыла глаза и покачала головой.

— Эффект недолгий, господин, — сказала я прямо, не пытаясь смягчить правду. — Яд глубоко. Он поразил сердце и сосуды, а ваше тело истощено — оно не успевает бороться. То, что я сделала, — не лечение. Это передышка. Может, день. Может, два. Но не больше.

Барон медленно провёл ладонью по лицу, будто стирая остатки слабости, и сжал губы. В его взгляде снова мелькнула привычная властность — но теперь она была не надменной, а отчаянной, как у человека, который понял, что земля под ногами дрожит, и нужно успеть сделать самое важное, пока она не ушла из-под ног.

— Что дальше? — спросил он тихо, но твёрдо. — Что мне нужно сделать, чтобы протянуть дольше?

Я чуть наклонила голову, глядя ему прямо в глаза.

— Дальше — вы будете делать ровно то, что я скажу. Без споров. Без гордости. Потому что сейчас ваша гордость не спасёт вам жизнь. А моё слово — может.

Я не стала тянуть. Не было ни секунды на мягкость, на подбирание слов, чтобы не задеть его гордость. Гордость сейчас не вылечит сердце.

— Слушайте меня, господин, — голос прозвучал ровно, но в нём звенела сталь, которую нельзя оспорить. — И слушайте так, будто от каждого слова зависит, проснётесь ли вы завтра.

Барон чуть приподнялся на локте — движение далось тяжело, но он заставил себя сесть прямее, будто хотел вернуть хоть каплю прежнего величия. Только теперь это величие выглядело хрупким, как лёд на первом морозе.

— Говори, — выдохнул он. — Пока я ещё могу слышать.

Я шагнула ближе, не для поклона, не для утешения — чтобы он видел: я не прошу, я требую.

— Правило первое: ни капли никакой настойки. Ни валерианы, ни пустырника, ни «того, что пил раньше». Всё, что пахнет травами, — сжечь. Прямо сейчас, во дворе, чтобы пепел унесло ветром.

Слуги у дверей переглянулись, но я даже не посмотрела на них — только на барона. Он должен был сам отдать этот приказ. Пусть это будет его решение, а не моя прихоть.

Он помолчал мгновение — и кивнул, коротко, резко.

— Сделайте, как она говорит, — голос звучал хрипло, но в нём снова слышалась власть, пусть и сдавленная усталостью. — Всё сжечь.

Один из слуг торопливо поклонился и выскользнул за дверь.

— Правило второе, — продолжила я. — Еду приносить только после моей проверки. Я буду смотреть на каждую тарелку, на каждую ложку. Если повар хоть раз скажет «да я сто лет готовлю», я велю его отстранить. Мне не нужны традиции, мне нужна чистота.

Барон едва заметно скривился — не от боли, а от того, как нелепо звучало это в стенах его усадьбы: хозяйка кухни под надзором какой-то женщины. Но он не возразил. Только сжал край меха, будто цеплялся за реальность.

— Третье: в эти покои не входить никому, кроме меня и одного слуги — того, кто будет просто стоять у двери и молчать. Никаких лекарей, никаких травников, никаких «знающих баб», которые шепчут над водой. Любой чужой совет — смерть. Для вас.

Он наконец посмотрел мне прямо в глаза — и в этом взгляде не было уже ни гнева, ни высокомерия. Только горькое понимание.

— Ты говоришь так, будто я уже не хозяин здесь, — тихо произнёс он.

— Вы хозяин, господин, — ответила я без паузы. — Но сейчас вы — сосуд, в котором горит огонь. А яд — это вода. И если кто-то плеснёт хоть каплю, огонь погаснет. Я не пытаюсь забрать вашу власть. Я пытаюсь удержать её, пока ваше тело ещё способно её носить.

Он медленно кивнул, будто каждое движение теперь стоило ему усилий.

— Хорошо, — сказал он, и это слово прозвучало как признание. — Пусть будет так.

— Четвёртое, — я не дала ему времени на раздумья. — С этого момента вы не принимаете решений, которые могут вас утомить. Никаких советов, никаких разбирательств по налогам, никаких споров с управляющим. Если Тимур или кто-то ещё придёт с бумагами — пусть ждут. Ваша единственная задача сейчас — лежать, дышать и не сопротивляться тому, что я делаю.

Тут в дверях мелькнуло знакомое лицо — Тимур. Он стоял на пороге, не решаясь войти, будто боялся нарушить хрупкое равновесие в комнате. В его глазах читалось: «Это уже не про налог. Это про выживание».

Я чуть повернула голову.

— Тимур, — голос прозвучал спокойно, но твёрдо. — Ты остаёшься. Будешь моим голосом там, где я не могу быть. Следи, чтобы никто не приносил в усадьбу ничего «для здоровья». Если кто-то скажет «это же просто мёд», — останови. Проверь. Принеси мне.

Тимур медленно кивнул, сжимая кулаки, будто пытался удержать в себе всю ту бурю, что сейчас кипела у него внутри.

— Я понял, — сказал он глухо. — Я всё сделаю.

Барон снова откинулся на подушки — не от слабости, а будто вдруг осознал, как много всего теперь держится не на его воле, а на чужих руках. На моих. На руках Тимура. На молчании слуг.

— Значит, — произнёс он тихо, почти шёпотом, — теперь моя жизнь в твоих руках.

Я не отвела взгляда.

— Ненадолго, господин, — сказала я честно. — То, что я сделала сейчас, — это отсрочка. Яд слишком глубоко. Сердце и сосуды и ваш организм истощены. Но пока я здесь, я не дам ему погасить огонь.

Он прикрыл глаза на мгновение, а когда открыл — в них уже не было сопротивления. Только усталость и странная, почти детская надежда.

— Тогда действуй, — прошептал он. — Пока есть время.

И я начала. Не с новых заклинаний, не с таинственных ритуалов — с самого простого: приказала принести чистую родниковую воду, самую холодную, какую найдут. Велела, чтобы её кипятили трижды и наливали в серебряный кубок — металл хоть немного сдерживал возможные примеси. Пока слуги метались, выполняя приказы, я снова подошла к кровати. Зелёная дымка снова скользнула от меня к нему — уже не так ярко, не так мощно: я берегла силу, растягивала её, как берегут последнюю свечу в долгой ночи.

Она тихо обволакивала его, не спеша, не давя — просто напоминала телу, как быть живым. Как качать кровь. Как дышать. Как не сдаваться.

Барон сделал ещё один глубокий вдох — и на этот раз в нём не было изумления. Только тихое, усталое облегчение. Будто он наконец-то позволил себе поверить, что хоть на эти часы, хоть на эти дни кто-то другой будет держать стену между ним и смертью.

Тимур вышел из покоев барона, и дверь за ним закрылась с глухим, почти ритуальным стуком — будто отрезала эту комнату от всего остального мира. Я слышала, как в коридоре его голос сразу стал твёрже, чем раньше, будто он сам становился щитом усадьбы.

— С этого момента ни одна корзина, ни один мешок не проходит во внутренние помещения без моего осмотра, — говорил он так, что даже сквозь толстые стены было слышно: спорить не стоит. — На кухне — только то, что проверено. Если повар скажет «я сам всё приготовил», пусть сперва покажет мне каждую банку, каждый мешочек с пряностями. И ещё: найдите управляющего. Мне нужно знать, кто отвечал за лекарства барона и кто приносил ему настойки.

Я не видела, как кивали слуги, не видела, как шагнул вперёд стражник, — мне не нужно было видеть. Я чувствовала эту суету как лёгкую дрожь по каменным стенам: люди наконец-то начали действовать, а не просто ждать, пока всё решится само.

А здесь, в покоях, тишина была совсем другой. Она не была пустой — она была наполнена борьбой. Каждый удар сердца барона отдавался в комнате, как тихий, упрямый протест против яда, который всё ещё жил в его крови.

Я стояла у изголовья, не садясь, не позволяя себе ни секунды расслабления. Зелёная дымка снова скользила от меня к нему — не яркая, не бурная, а тонкая, как шёлковая нить, которая только и держит на себе весь узор. Я не гнала силу, не пыталась выжечь яд одним рывком — теперь я тянула его по капле, заставляя тело работать.

Барон дышал глубже, чем раньше, но в этом дыхании всё ещё слышалась усталость — будто он шёл по глубокому снегу и каждый шаг давался тяжелее предыдущего. Его веки подрагивали, но он не спал. Просто лежал, прислушиваясь к себе, к тому, как внутри что-то медленно, неохотно начинает подчиняться чужой воле — моей воле.

Я смотрела на него, но видела не лицо, не морщины, не тяжесть лет — я видела тонкие чёрные нити яда, которые всё ещё цеплялись за сосуды, за сердце, будто не хотели отпускать свою добычу. И с каждым мгновением я понимала: моей силы хватит лишь на то, чтобы отодвинуть край. Не убрать пропасть. Не исцелить. Только дать время.

И тогда, не отводя взгляда от барона, я задумалась — впервые не о том, как спасти его, а о том, как не стать следующей жертвой.

«Я могу вытягивать яд из других, — пронеслось у меня в голове, — но кто вытянет его из меня, если он ко мне прилипнет? Если я вдохну ту же отраву, что была в настойке? Если капля яда останется на моих пальцах, на одежде, в воздухе, который я вдыхаю?»

Я вспомнила, как за последний месяц моя аура стала рефлексом — я не училась ей годами, я просто выживала, училась чувствовать опасность кожей. А теперь эта же аура должна стать не только оружием, но и щитом.

Но вдруг меня пронзила другая мысль — простая, но такая очевидная, что я едва не усмехнулась от того, что не додумалась до неё раньше.

«А если не отталкивать яд… а просто не давать ему задержаться? — пронеслось в голове. — Если заставить собственные органы работать так, чтобы любая отрава не успевала зацепиться, не успевала пустить корни. Печень — пусть фильтрует мгновенно, не давая яду осесть. Почки — пусть гонят жидкость, вымывая всё лишнее, прежде чем оно успеет проникнуть глубже. Пусть мой организм станет не крепостью, которую нужно оборонять, а стремительным потоком, который просто уносит отраву прочь, не давая ей причинить вред».

Я чуть изменила фокус своей ауры — не наружу, к барону, а внутрь, к себе. Не грубо, не рывком, а мягко, словно настраивала невидимые струны. Я не строила панцирь — я перенастраивала внутренние потоки. Печень отозвалась первым тёплым импульсом — будто поняла приказ и тут же ускорила работу. Почки подхватили ритм, и я почувствовала, как по телу пробежала лёгкая, почти незаметная волна — не боль, не напряжение, а именно движение, словно кровь стала чуть быстрее, чуть чище.

Зелёная дымка вокруг меня чуть дрогнула, подстраиваясь под новый порядок, и я поняла: теперь я не просто отталкиваю опасность — я не даю ей шанса. Любой яд, который попытается проникнуть в меня, будет моментально выведен, не успев причинить вреда.

Я чуть наклонила голову, прислушиваясь не к словам, не к звукам, а к этому новому, ровному ритму внутри себя. И прошептала почти беззвучно, так, что даже барон, если бы услышал, не разобрал бы слов:

— Держись, господин. Я не дам тебе упасть. А теперь я и себе не позволю сломаться.

Он приоткрыл глаза — не широко, лишь на мгновение, будто хотел убедиться, что я всё ещё здесь, не исчезла, не оставила его одного с этой тишиной и болью.

— Ты… — голос его был хриплым, но в нём уже не было прежнего гнева, только усталость и странная, почти детская просьба. — Ты не уйдёшь?

Я покачала головой.

— Не сейчас, — сказала я спокойно.— Сейчас я нужна здесь. А теперь у меня есть способ не подпускать яд к себе так близко — не щитом, а скоростью. Он не успеет зацепиться.

Он снова прикрыл глаза, и на этот раз в его лице появилось что-то похожее на доверие — не к титулам, не к власти, а ко мне, к той, кто стояла рядом и держала в руках его жизнь, будто это был не тяжёлый груз, а хрупкий сосуд, который нельзя ни уронить, ни сжать слишком сильно.

Тишина снова опустилась на комнату, но теперь она не была пустой. В ней слышалось дыхание барона, тихий треск огня в камине и едва уловимое, ровное движение зелёной дымки — как пульс, который держал эту комнату на краю пропасти и не давал ей рухнуть.

Я всё ещё стояла у изголовья, прислушиваясь к новому ритму внутри себя — к этому ровному, стремительному течению, будто кровь теперь бежала не просто по жилам, а по чистому руслу, не оставляя яду ни единой трещины, чтобы зацепиться. И вдруг — едва уловимый укол где-то на границе чувств, как лёгкое покалывание на языке, хотя я ничего не пробовала.

В дверях появился слуга с серебряным кубком — тем самым, что я велела наполнить родниковой водой, трижды прокипячённой. Он поклонился, протянул кубок, стараясь не смотреть мне в глаза — будто боялся, что я увижу в его взгляде что-то лишнее.

Я не взяла кубок. Только чуть наклонила голову, принюхалась — не к запаху, а к самой сути воздуха вокруг него. И почувствовала это снова: тонкий, едкий оттенок, будто кто-то едва-едва, почти незаметно, коснулся воды чем-то горьким. Не валериана. Не обычная трава. Что-то свежее, незнакомое, но от этого не менее опасное.

Моя новая настройка сработала мгновенно: тело не дало отраве проникнуть глубже, только отметило её, как сторожевой пёс щёлкает зубами на тень.

— Поставь на стол, — голос прозвучал спокойно, но в нём уже звенела сталь. — И выйди.

Слуга торопливо кивнул, опустил кубок и почти выбежал из комнаты.

Я посмотрела на воду — в серебряной чаше она казалась чистой, прозрачной, идеальной. Но я знала: в ней есть капля, которой хватит, чтобы барон снова начал задыхаться.

Барон приоткрыл глаза, следил за мной, не понимая, почему я не поднесла ему воду, почему застыла, будто прислушиваясь к тишине.

— Не то, — коротко сказала я, не сводя взгляда с кубка. — В ней что-то есть. Слишком свежее, слишком резкое. Мой организм поймал это раньше, чем оно успело бы меня коснуться.

Он хотел что-то сказать, но только сжал край меха — и в этом жесте было не раздражение, а внезапное, горькое понимание: яд теперь прячется даже в том, что должно спасать.

— Значит… — прошептал он. — Даже вода…

— Даже вода, — подтвердила я. — Но теперь я чувствую это сразу. Не как угрозу, а как сигнал. Как звон колокола, который звучит ровно за миг до беды.

Зелёная дымка вокруг меня чуть уплотнилась, будто сама аура теперь работала не только как проводник, но и как фильтр — ловила малейшее искажение, малейшую примесь. Я снова подошла к кровати, но теперь не для того, чтобы тянуть яд, а чтобы удержать то хрупкое равновесие, которое только-только начало устанавливаться.

А в коридоре тем временем Тимур шёл по главному крылу усадьбы, и с каждым шагом воздух вокруг него становился тяжелее от напряжения. Слуги расступались, стражники вытягивались по струнке, но он не замечал этого — он искал того, кто должен был знать всё: управляющего.

И нашёл его у дверей кладовой — высокий, сухощавый мужчина в тёмно-сером камзоле, с лицом, будто высеченным из камня. Он стоял, скрестив руки, и смотрел на суету вокруг так, словно это была не угроза жизни барона, а досадная мелочь, мешающая порядку.

— Где вы были, когда барону носили настойки? — голос Тимура прозвучал ровно, но в нём звенела угроза.

Управляющий чуть приподнял бровь — не испуганно, не виновато, а почти насмешливо.

— Я был там, где и положено, — ответил он спокойно. — Следил за хозяйством. А настойки приносил лекарь. Или слуга. Я не обязан проверять каждую склянку.

Тимур шагнул ближе, не повышая голоса, но так, что даже стражник рядом невольно отступил на полшага.

— Вы обязаны проверять всё, — сказал он тихо, но отчётливо. — Особенно то, что касается здоровья господина. А теперь скажите: кто отвечал за закупку трав? Кто принимал поставки? Кто решал, какие настойки держать в покоях?

Управляющий не дрогнул. Только чуть склонил голову, будто оценивал Тимура, как оценивают упрямую лошадь.

— Всё это было согласовано, — произнёс он ровно. — С лекарем. С прошлыми распоряжениями барона. Я лишь исполнял порядок.

Тимур прищурился. В этом спокойствии, в этой безупречной уверенности было что-то, что царапало изнутри. Не страх, не растерянность — а именно уверенность человека, который знает, что всё идёт по плану.

— Порядок, — повторил Тимур, будто пробуя слово на вкус. — А если этот порядок убивает господина?

— Если убивает, — спокойно ответил управляющий, — значит, болезнь сильнее. Или кто-то вмешивается туда, куда не следует. Например, женщина, которая велит сжигать лекарства и не пускает лекарей.

Тимура будто ударили. Он не ударил в ответ, не закричал — только сжал кулаки так, что побелели костяшки, и сделал ещё один шаг вперёд.

— Это не вмешательство, — сказал он глухо. — Это попытка спасти жизнь. И если вы сейчас не скажете мне, кто отвечал за настойки, я велю вас задержать. До выяснения.

На мгновение в глазах управляющего мелькнуло что-то — не страх, а раздражение, будто его заставили тратить время на пустяки. Но он тут же снова надел маску спокойной уверенности.

— Задерживайте, — произнёс он почти равнодушно. — Но помните: пока вы ищете врагов, усадьба стоит на пороге нищеты. И если всё пойдёт прахом, отвечать будете вы.

Тимур смотрел на него ещё несколько долгих секунд, будто пытался разглядеть за этой невозмутимостью правду. И понял: перед ним не просто недовольный чиновник. Перед ним человек, который слишком хорошо знает, как всё устроено. И который, возможно, знает даже больше, чем говорит.

— Стража, — коротко бросил Тимур, не отводя взгляда. — Проводите управляющего в малый зал. Пусть ждёт. И никого к нему не пускать.

Стражники шагнули вперёд, и на этот раз управляющий чуть заметно напрягся — не от страха, а от того, что его привычный порядок вдруг начал рассыпаться.

Тимур повернулся и пошёл прочь, но не к выходу, не к покоям — он шёл туда, где сейчас решалось всё: к двери баронских покоев. Потому что знал: если Алиса права насчёт яда, то управляющий — лишь часть цепи. А чтобы разорвать её, нужно держаться вместе.

Глава 20 « Звон колокола »

Тимур толкнул дверь покоев, и в лицо ему ударила эта особенная тишина — не пустая, а собранная, будто сама комната держала дыхание. Он шагнул внутрь, и взгляд его сразу нашёл серебряный кубок на столе — такой безупречный, такой обманчиво безопасный.

Я стояла у изголовья, не сводя глаз с барона. Его дыхание стало ровнее, но не от покоя — от того, что я не давала яду снова вцепиться в него. Зелёная дымка тихо струилась от меня к нему, тонкая, как нить, и такая же прочная.

— Тимур, — сказала я, не оборачиваясь, но зная, что он здесь. — Подойди. Посмотри на кубок. И скажи, что видишь.

Он подошёл, остановился рядом, и я почувствовала, как напряжение в нём натягивается, как тетива.

— Вода, — ответил он глухо. — Для барона.

— Да, — кивнула я. — Но в ней есть капля. Совсем маленькая. Настолько маленькая, что обычный человек не почувствовал бы её ни носом, ни языком. Ни даже желудком — она бы просто начала действовать, тихо, незаметно.

Тимур нахмурился, посмотрел на кубок, будто пытался разглядеть сквозь серебро саму суть отравы.

— А ты почувствовала.

— Я не просто почувствовала, — поправила я, наконец повернувшись к нему. — Мой организм теперь ловит яд раньше, чем он успевает навредить. Это как звон колокола за миг до удара. Печень и почки работают так, что любая отрава не успевает зацепиться — её просто выносит потоком, не давая пустить корни.И если я могу почувствовать эту каплю в воде… значит, мы можем предугадывать следующий удар. Не просто ждать, когда барону станет хуже, а знать, откуда придёт опасность.

Тимур медленно кивнул, и в его глазах мелькнуло то, что бывает у человека, который наконец-то получает оружие против невидимого врага.

— Значит, всё, что принесут сюда, ты сможешь проверить.

— Всё, — подтвердила я. — Даже если яд спрячут в хлебе, в мёде, в чае. Я почувствую. И тогда мы узнаем, кто его принёс.

Барон, до этого лежавший с прикрытыми глазами, вдруг чуть шевельнулся и хрипло произнёс:

— Кто… кто мог это сделать?

Я посмотрела на него прямо, не пытаясь смягчить правду:

— Тот, кто знает, как устроена усадьба. Кто решает, что попадает в ваши покои. Кто привык, что его слово — закон.

Тимур стиснул кулаки.

— Управляющий, — выдохнул он. — Я велел задержать его в малом зале. Он слишком спокойно всё отрицал. Слишком уверенно говорил про «порядок».

Я чуть наклонила голову, прислушиваясь не к словам, а к тому, как тишина в комнате вдруг стала другой — напряжённой, будто воздух потяжелел от предчувствия.

— Иди, — сказала я тихо, но твёрдо. — Узнай, что он скажет теперь, когда понял, что мы не просто гадаем, а знаем.

Тимур кивнул и уже повернулся к двери, но вдруг остановился, будто что-то вспомнив.

— Если он что-то знает… если он причастен… — он сжал и разжал пальцы, словно пытался удержать ярость. — Я не стану церемониться.

— Не надо церемоний, — согласилась я. — Нужна правда. Даже если она будет горькой.

И он вышел, оставив за собой приоткрытую дверь, через которую в комнату проникал холодный свет коридора.

Малый зал был тихим, почти пустым — только тяжёлые кресла, стол из тёмного дерева и управляющий, сидевший в полумраке так спокойно, будто его не задержали, а пригласили на приватную беседу. Стражники стояли у дверей, неподвижные, как статуи, и смотрели прямо перед собой, не вмешиваясь.

Когда Тимур вошёл, управляющий чуть приподнял бровь, но не встал, не поклонился — просто смотрел, как человек, который знает, что время на его стороне.

— Ну что, — произнёс он спокойно, чуть склонив голову. — Решили, что нашли врага? Или просто хотите услышать, как я снова скажу, что ни в чём не виноват?

Тимур шагнул вперёд, не останавливаясь, пока между ними не осталось всего несколько шагов.

— Вы слишком спокойны, — сказал он тихо, но в этом голосе звенела сталь. — Когда хозяина травят, когда его жизнь висит на волоске, нормальный человек теряет сон. А вы… вы будто ждали этого.

Управляющий чуть усмехнулся — не весело, а как человек, которому надоело объяснять очевидное.

— Я ждал не этого, — произнёс он ровно. — Я ждал, когда кто-то наконец поймёт, что усадьба — это механизм. И если один винтик выходит из строя, его нужно заменить.

Тимур прищурился.

— И вы решили, что этим винтиком должен стать барон?

— Я решил, — управляющий чуть наклонил голову, — что барон уже не тот, кем был. Он слаб. Он болен. И если усадьба должна выжить, ей нужен новый хозяин. Тот, кто сможет держать её в кулаке.

Тимур сделал ещё один шаг вперёд, и стражники у дверей едва заметно напряглись.

— И ради этого вы травили его? Медленно, капля за каплей?

Управляющий не отвёл взгляда. Только чуть пожал плечами, будто речь шла не о жизни и смерти, а о скучных хозяйственных делах.

— Я делал то, что считал нужным для усадьбы, — произнёс он спокойно. — Иногда ради общего блага приходится жертвовать одним.

Тимур сжал кулаки, и в этот момент он понял: перед ним не просто чиновник. Перед ним человек, который не видит в отравлении преступления — он видит в этом расчёт. Холодный, безжалостный, но для него — единственно верный.

А управляющий вдруг медленно опустил руку к внутреннему карману камзола, достал маленький стеклянный пузырёк — такой неприметный, что его можно было принять за флакон для духов — и поставил его на стол с тихим, окончательным стуком.

— Но теперь, — произнёс он так же ровно, будто подводил итог скучному отчёту, — расчёт изменился.

И прежде чем стражники успели шагнуть вперёд, прежде чем Тимур успел выкрикнуть приказ, он одним движением вынул пробку и опрокинул содержимое в рот.

Лицо его не исказилось ни болью, ни страхом — только на мгновение в глазах мелькнуло что-то похожее на облегчение, будто он наконец-то сбросил тяжёлый, надоевший груз.

— Пусть теперь разбираются без меня, — прошептал он уже слабеющим голосом и откинулся на спинку кресла. — Усадьба… должна выжить.

Стражники рванулись вперёд, но было поздно. Управляющий закрыл глаза, и его дыхание стало тихим, неровным, а потом и вовсе затихло.

Тимур стоял, глядя на него, и в груди у него всё сжималось от странной, ледяной пустоты — не от жалости, а от понимания: они поймали лишь одно звено цепи. А сама цепь тянулась

куда-то дальше, в темноту, где ждали другие, такие же спокойные, уверенные люди, готовые пожертвовать одним ради «общего блага».

Он медленно поднял взгляд, будто ища опору в этой тишине, и вдруг понял, куда ему нужно идти прямо сейчас.

Обратно — к Алисе. К барону. Туда, где ещё можно было что-то спасти.

Дверь покоев распахнулась резко, будто Тимур не толкал её, а срывал с петель. Он шагнул внутрь, и я сразу поняла: он не принёс хороших новостей. В нём не было прежней собранной ярости — была ледяная пустота, как у человека, который только что увидел, как рушится опора, на которую он привык опираться.

Я не двинулась с места у изголовья, только чуть повернула голову, не выпуская из внимания ни Тимура, ни барона. Зелёная дымка по-прежнему тихо струилась от меня к нему, удерживая равновесие, не давая яду снова рвануть вперёд.

— Говори, — сказала я ровно.

Тимур остановился, будто ему нужно было несколько вдохов, чтобы удержать голос ровным.

— Он выпил яд, — произнёс он глухо. — Прямо у нас на глазах. Пузырёк был у него в кармане. Сказал, что делал это ради усадьбы, ради «общего блага»… будто травить барона — это не преступление, а хозяйственный расчёт.

Барон, до этого лежавший с прикрытыми глазами, вдруг резко распахнул их — не от силы, а от такой острой вспышки гнева, которая сжигала остатки слабости.

— Маркел, — выдохнул он, и это имя прозвучало как удар хлыста. — Это был Маркел. И он не действовал один.

Тимур чуть побледнел, будто от этого имени по его коже пробежал ледяной ветер.

— Господин… — начал он, но тут же оборвал себя, будто боялся даже произносить дальше.

— Да, Тимур, — голос барона звучал хрипло, но в нём снова звенела власть, пусть и выжженная болью. — Ты знаешь, кого я имею в виду. Следующий — это тот, кто всегда стоял у меня за плечом и улыбался. Тот, кому я доверял разбирать прошения и следить за порядком в городе. Тот, кто теперь, когда Маркел мёртв, решит, что пришло его время.

Он помолчал, сжимая край меха так, что костяшки побелели.

– Его зовут Витольд, — произнёс барон тихо, но так, что это слово повисло в воздухе, как остриё. — И если Маркел был рукой, то Витольд — это голова. Он всё просчитывает. Он не станет травить меня настойками — он сделает так, чтобы я сам подписал свою гибель. Или чтобы город отвернулся от меня. Или чтобы… — он на мгновение запнулся, будто даже думать об этом было тяжело, — чтобы моя собственная стража перестала мне подчиняться.

У Тимура действительно похолодела кровь — я видела, как он едва заметно вздрогнул, услышав это имя.

– Витольд… — повторил он шёпотом, будто пытался примерить на реальность что-то, во что не хотел верить. — Но он же… он столько лет…

— Именно поэтому он опасен, — перебил его барон, и в его голосе не осталось ни капли жалости к себе. — Потому что я сам дал ему власть. Потому что доверял. А теперь он знает все мои слабости. Все мои решения. Все мои привычки. Он знает, как ударить так, чтобы никто не понял, что это удар.

Я наконец медленно отступила на полшага от кровати — не потому, что ослабила контроль, а потому, что теперь нужно было видеть обоих: и барона, и Тимура. Видеть, как они реагируют, как принимают эту правду.

– Значит, Маркел был не главным, — произнесла я спокойно, подводя черту. — Он был исполнителем. А Витольд — тем, кто отдавал приказы. И теперь, когда Маркел ушёл, он может решить, что пора действовать открыто.

Тимур поднял на меня тяжёлый взгляд.

— Что нам делать? — спросил он прямо.

Я чуть склонила голову, прислушиваясь не к словам, а к тому, как зелёная дымка, всё ещё тянущаяся к барону, вдруг чуть дрогнула — будто сама сила тоже насторожилась, почувствовав, что угроза стала выше.

– Мы не будем ждать, когда он сделает ход, — сказала я твёрдо. — Мы используем то, что у нас есть. Мой дар теперь ловит яд раньше, чем он успевает навредить — значит, я могу проверять всё, что попадает в усадьбу. Но с Витольдом одними кубками и склянками не справиться. Он ударит там, где не ждёшь.

Барон прикрыл глаза на мгновение, будто собирал остатки сил, чтобы произнести то, что давалось тяжелее всего.

— Тогда придётся ударить первым, — прошептал он. — Не силой. Не приказом. А правдой. Нужно собрать доказательства. Всё, что связывает Витольда с Маркелом. Все распоряжения, все письма, все встречи. Пусть люди увидят, кто на самом деле тянул нити.

Тимур медленно кивнул, и в этом кивке не было облегчения — только готовность принять тяжесть, которая теперь легла на его плечи.

— Я знаю, где искать, — сказал он тихо. — В архиве у северной башни. Там хранятся копии всех распоряжений за последние три года. И если Витольд хоть раз касался чего-то, связанного с поставками или лекарями… там будет его подпись.

Я посмотрела на него прямо.

– Ты пойдёшь туда не один, — сказала я. — Возьми с собой тех, кому точно можно доверять. Тех, кто не побежит докладывать Витольду. И пусть каждый лист, каждую строчку ты приносишь сюда — я буду рядом с бароном, но я должна видеть, что именно мы используем против него.

Барон снова приоткрыл глаза, и в них мелькнуло что-то похожее на горькую усмешку.

— Никогда не думал, что буду строить защиту из собственных бумаг, — произнёс он тихо. — Но если это единственный способ удержать усадьбу… пусть будет так.

Тимур сделал шаг к двери, но остановился, будто что-то ещё держало его здесь.

— А если он уже знает, что Маркел мёртв? — спросил он, глядя на меня. — Если он поймёт, что мы ищем доказательства?

Я чуть наклонила голову, и зелёная дымка вокруг меня на мгновение стала плотнее, будто сама аура собралась в тугой узел силы.

— Пусть знает, — ответила я спокойно. — Пусть готовится к удару. Потому что когда он его нанесёт, я буду готова его поймать. Мой организм теперь чувствует яд раньше, чем тот успевает коснуться. А значит, я почувствую и ложь, и угрозу — так же ясно, как вкус горечи на языке.

Тимур ещё раз кивнул, уже твёрже, и распахнул дверь. В коридор ворвался холодный воздух, будто сам дом вздохнул, готовясь к буре.

— Я вернусь, — бросил он через плечо, и дверь за ним закрылась, оставив нас с бароном в этой напряжённой тишине — тишине, которая теперь была не пустотой, а паузой перед грозой.

Барон медленно повернул голову ко мне, и в его взгляде было не только доверие — в нём была просьба.

— Не дай ему проиграть, — прошептал он едва слышно. — Усадьба… она не должна достаться Витольду.

Я подошла ближе, снова встала у изголовья, и зелёная дымка снова потянулась к нему.

— Я не дам, — сказала я тихо, но твёрдо. — Пока я здесь, пока мой дар чувствует каждую каплю отравы, пока я могу отличить правду от лжи — мы будем держаться. И мы найдём способ победить.

Тишина снова опустилась на комнату, но теперь она была не беззащитной. Она была собранной, насторожённой — как клинок, который держат в руке, зная, что скоро придётся им ударить.

Барон хотел что-то добавить, но вместо слов у него вырвался лишь короткий, сухой кашель. Он прикрыл глаза, будто даже эта короткая вспышка воли стоила ему слишком дорого.

И тогда я наклонилась чуть ближе — не для утешения, а чтобы он услышал каждое слово, даже если голос мой прозвучит жёстко.

— Если вдруг, просто вдруг, Витольд победит, — произнесла я ровно, и в этой тишине каждое слово легло, как камень на весы, — то я его убью. И никто не поймёт, кто это сделал. Мой дар — это не только свет. Это и тьма. И в этой тьме я умею прятаться так, что меня не заметят, пока не станет слишком поздно.

Барон не открыл глаз, но уголок его губ чуть дрогнул — не в улыбке, а в каком-то горьком признании.

— Ты… слишком опасна, — прошептал он, и в этих словах не было упрёка. Только понимание.

– Да, — согласилась я без колебаний. — И именно поэтому я здесь. Чтобы быть той, кто сделает то, что никто другой не посмеет.

Зелёная дымка мягко обволокла его, снова выравнивая пульс, снова удерживая на грани. Но теперь в её движении была не только забота — в ней была решимость.

А потом тишина в покоях стала другой. Не просто напряжённой — внимательной.

Я вдруг почувствовала, как аура, привычно тянущаяся к барону, едва заметно дрогнула, будто наткнулась на что-то постороннее. Не на яд — нет, в воздухе не было горечи, не было той резкой, едкой ноты, которую мой организм ловил мгновенно. Это было… иное. Тяжёлое, плотное, как чужой взгляд, приставленный к щели в двери. Как присутствие, которое старается казаться незаметным, но всё равно оставляет след — едва уловимый, как тень, скользящая по полу.

Я медленно повернула голову к высокому окну, за которым уже сгущались сумерки. За резными ставнями ничего не было видно — только тёмный силуэт крыши да тонкая полоска угасающего неба. Но ощущение не исчезало. Оно становилось сильнее, будто кто-то там, снаружи, замер и ждёт, прислушиваясь к каждому шороху внутри.

«Не просто ждёт, — поняла я вдруг. — Проверяет».

Барон снова приоткрыл глаза — на этот раз в них не было ни слабости, ни боли. В них была холодная ясность.

— Ты что-то чувствуешь, — прошептал он, не спрашивая, а констатируя.

– Да, — кивнула я, не отводя взгляда от окна. — Кто-то наблюдает. Не стражник. Не слуга. Тот, кто не должен быть здесь. Тот, кто хочет знать, что мы делаем, что планируем… и насколько мы слабы.

Барон тихо выдохнул, будто это знание, хоть и горькое, принесло ему странное облегчение — как будто наконец-то он увидел врага, которого до сих пор мог только угадывать.

— Значит, он уже начал, — произнёс он. — Витольд. Он не ждёт. Он проверяет.

Я наконец перевела взгляд на него — спокойно, без паники, но с той самой твёрдостью, которая не оставляет места сомнениям.

– И он увидит не слабость, — сказала я ровно. — Он увидит, что мы знаем. Что мы готовы. И что я не позволю ему подойти ближе.

В этот момент зелёная дымка вокруг меня не просто струилась — она словно уплотнилась, собралась в тонкий, почти невидимый барьер, закрывающий кровать, барона, меня… и всё, что мы собирались сделать дальше.

Где-то в коридоре тихо скрипнула половица. Звук был едва слышным, но в этой звенящей тишине он прозвучал громче крика.

Я чуть приподняла руку — не для удара, не для магии, а просто чтобы показать: я слышу. Я вижу. И я не боюсь.

И в тот же миг за окном мелькнула тень — быстрая, ловкая, слишком уверенная для обычного стражника. Она скользнула по карнизу, исчезла в темноте, но оставила после себя это тяжёлое, липкое ощущение: враг не просто рядом. Враг уже внутри стен.

Барон сжал край меха, и в этом жесте не было страха — только упрямое, упрямое желание держаться.

— Держись, — тихо сказала я ему. — Я здесь. И пока я здесь, никто не подойдёт к тебе незамеченным.

Зелёная дымка тихо пульсировала, отмечая каждый новый шорох, каждый чужой след в воздухе. И я знала: теперь я чувствую не только яд. Я чувствую опасность. И я встречу её раньше, чем она успеет ударить.

Тем временем Тимур шагал по тёмному переходу у северной башни — не по парадным галереям, а по служебным коридорам, где пахло пылью, старым деревом и сыростью. Он старался ступать бесшумно, но сейчас тишина казалась ему не союзником, а врагом: она делала каждый его шаг слишком отчётливым, слишком заметным.

Он остановился у поворота, прижался к стене и осторожно выглянул. И в этот миг его взгляд зацепился за движение — не резкое, не грубое, а текучее, будто тень сама по себе оторвалась от стены и скользнула дальше.

Ещё одна.

И ещё.

Они двигались не как стража. Не как слуги. Они двигались как те, кто привык быть невидимыми. Как те, кто знает, где лежат тени, и умеет становиться их частью.

Тимур медленно отступил назад, в темноту, и прислонился к холодной стене, пытаясь унять бешеный стук сердца. Он насчитал по крайней мере пять фигур — и это только те, кого он успел заметить. А сколько их было там, где он не смотрел?

«Усадьба окружена», — пронеслось у него в голове, и от этой мысли стало не столько страшно, сколько горько: он вдруг понял, что они с Алисой и бароном — в самом центре ловушки. И если эти тени дойдут до покоев…

Он достал короткий кинжал, проверил рукоять — пальцы дрожали, но не от слабости, а от напряжения. И тут же услышал тихий, едва уловимый звук — не шаги, не скрип, а что-то вроде лёгкого, почти воздушного движения, как будто ткань расправили в темноте.

Тимур резко обернулся — и никого. Только тень в углу, которая будто стала чуть плотнее.

А потом…

… вдруг я оказалась рядом.

Не из-за поворота. Не из двери. Просто — вот я здесь. В двух шагах от Тимура, в самой густой темноте, где даже его глаза не сразу могли меня разглядеть.

Он вздрогнул, вскинул кинжал — и тут же опустил, узнав меня по едва заметному зелёному отсвету, который всегда тянулся за мной, как след.

— Алиса… — выдохнул он, и в этом слове было столько облегчения, что оно почти заглушило страх. — Ты… как ты…

– Быстро, — коротко бросила я, не тратя время на объяснения. — Быстрее, чем они. Быстрее, чем ты можешь увидеть. Моё тело движется так, что обычный человек не успевает даже понять, где я была секунду назад.

Тимур сглотнул, глядя на меня так, будто видел впервые.

— Ты была в покоях…

— И теперь здесь, — кивнула я. — И через мгновение могу быть у северной стены. Или у восточного крыла. Или прямо перед тем, кто думает, что подкрался незаметно.

Он хотел что-то сказать, но я подняла руку, останавливая его.

– Тише, — прошептала я. — Слушай не ушами. Слушай кожей.

И он замер, прислушиваясь не к звукам, а к тому, как воздух вдруг стал другим — тяжелее, гуще, будто в нём висело ожидание.

А я… я чувствовала больше.

Я чувствовала их запах.

Это было не то, что можно описать словами — не пот, не кожа, не ткань. Это был запах напряжения, запах человека, который идёт убивать. Горький, металлический, с тонкой нотой холодной решимости. И этот запах тянулся от них, как невидимая нить, и я могла идти по нему, как по следу.

– Их больше, чем ты видел, — сказала я тихо. — Они распределены по периметру. Но главное скопление — с востока. Они ждут сигнала. И они готовы ударить ровно в полночь.

Тимур побледнел.

— Откуда ты знаешь?

— Чувствую, — просто ответила я. — Как чувствую яд в воде. Только теперь это не капля отравы. Это целая волна. И она движется сюда.

Он сжал рукоять кинжала так, что побелели костяшки.

— Что будем делать? Мы не сможем их всех остановить.

Я чуть наклонила голову, и зелёная дымка вокруг меня на мгновение стала тоньше, будто вся сила собралась в одной точке — в моей готовности действовать.

— Мы не будем их останавливать, — произнесла я спокойно. — Мы ударим первыми. Там, где они ждут меньше всего. Там, где их скопление самое плотное — на востоке. Один точный удар — и цепочка рассыплется. Без лидера, без сигнала, без плана эти тени станут просто людьми, которые боятся сделать шаг.

Тимур посмотрел на меня — и в его взгляде было не только доверие. В нём было изумление перед тем, кем я была: не просто целительницей, не просто союзницей. Я была оружием, которое они не успели просчитать.

– Я смогу, — шёпотом сказала я. — Я буду там и здесь. Буду между ними и бароном. Буду там, где нужно. И никто из них не успеет понять, что произошло.

Я сделала шаг вперёд — и на мгновение растворилась в темноте, оставив после себя только лёгкий, едва заметный зелёный след, который тут же растаял. А потом появилась снова — уже на три шага дальше, у следующего поворота.

— Иди к архиву, — бросила я через плечо. — Найди хоть одну бумагу, хоть одну строчку, которая связывает Витольда с Маркелом. А я позабочусь о том, чтобы никто не помешал тебе вернуться.

Тимур кивнул, и в этом кивке была не надежда — была решимость. Он двинулся вперёд, стараясь ступать так же бесшумно, как эти скользящие тени. Но теперь он знал: у него есть союзник, который быстрее любой из них.

А я осталась в темноте — не прячась, а прислушиваясь. Принюхиваясь. Протягивая свою ауру, как тонкую сеть, чтобы поймать каждый чужой след.

Восток.

Полночь.

Сигнал.

Я знала, где они будут. И знала, что когда они сделают шаг — я сделаю свой раньше.

Я не бежала — я скользила между тенями, растворяясь в темноте и снова обретая очертания там, где её меньше всего ждали. Моё тело двигалось быстрее, чем успевал фиксировать человеческий взгляд: вот я у угла галереи, а в следующий миг — уже за спиной у того, кто первым выхватил клинок.

Они ждали полуночи. Ждали сигнала. Думали, что это они выбирают момент. Но я знала: пока они отсчитывают секунды, я уже прошла сквозь их строй.

Первый из них — высокий, в тёмном плаще, с лицом, закрытым тканью — сделал шаг вперёд, собираясь подать знак остальным. Он даже не успел поднять руку.

Моё движение было не ударом — это был переход из одной точки в другую. Я оказалась перед ним, и его клинок только начал выходить из ножен, когда моя рука уже легла ему на запястье, а второй удар пришёлся точно в основание шеи — не насмерть, но так, что он обмяк и рухнул, не издав ни звука.

Рядом второй — он среагировал быстрее, рванулся вбок, пытаясь уйти в тень, но тень теперь была моим домом. Я скользнула следом, и он вдруг понял, что тень движется вместе с ним, что она не прячет, а душит. Его кинжал мелькнул в воздухе — я перехватила его запястье, вывернула, и оружие выпало, звякнув по каменным плитам.

— Кто ты? — выдохнул он, уже понимая, что ответа не будет.

Я ничего не сказала. Просто сделала шаг ближе, и в этом шаге было всё: скорость, сила, холод, который приходит, когда понимаешь, что ты не охотник, а добыча.

Третий, четвёртый, пятый — они пытались окружить, пытались бить скоординированно, как учили. Но координация требует времени, а у них его не было. Я не давала им ни секунды. Я появлялась там, где они только собирались ударить, сбивала ритм, заставляла ошибаться. Один за другим они падали — кто оглушённый, кто обездвиженный, кто уже не встанет.

И вот — шестой. Он был другим. Быстрее. Хитрее. Он не пытался меня окружить — он ждал, когда я появлюсь, чтобы ударить в момент, когда я обрету форму. И он почти успел.

Когда я возникла рядом с ним, его клинок уже летел ко мне. Но я не отступила — я шагнула вперёд, прямо на лезвие, и в последнее мгновение повернула корпус так, что сталь скользнула по ткани, не коснувшись кожи. А моя рука уже была у него на горле.

Он замер, чувствуя, как моё присутствие — не просто движение, а сила — давит на него, лишая воли.

– Стой, — хрипло выдохнул он. — Я… я не главный…

Я чуть наклонила голову. В его словах не было правды — только попытка выиграть секунду. Но мне не нужны были его слова. Мне нужен был его кинжал.

Он лежал в ножнах на поясе — изящный, с тёмной рукоятью, украшенной тонкой гравировкой, будто узор из ветвей. Я не стала вырывать — просто сняла, пока он ещё пытался что-то сказать, пока его глаза метались в поисках спасения.

Кинжал лёг в мою ладонь идеально — будто был создан для неё. Лёгкий, сбалансированный, острый настолько, что даже в темноте я чувствовала, как воздух чуть дрожит у лезвия.

– Теперь он мой, — тихо сказала я, и в этом не было хвастовства — только констатация факта. — А ты… ты уже ничего не сможешь сделать.

Я отпустила его, и он рухнул на колени, не пытаясь встать. Остальные лежали вокруг — кто без сознания, кто просто неподвижен, понимая, что бой окончен, даже если они ещё дышат.

Я выпрямилась, ощущая, как зелёная дымка снова обволакивает меня, но теперь она была не только защитой — она была следом, по которому я могла найти любого, кто попытается подкрасться снова.

Восток затих. Волна, которая должна была ударить в полночь, разбилась о меня.

Тем временем Тимур добрался до архива у северной башни. Дверь была приоткрыта — не настежь, а так, будто кто-то уже был здесь и не хотел оставлять следов. Он замер на пороге, прислушиваясь, но внутри было тихо. Слишком тихо.

Он вошёл, прикрыл за собой дверь и зажёг маленький фонарь — ровно настолько, чтобы видеть страницы, но не привлекать внимания снаружи. Стеллажи тянулись рядами, покрытые пылью, будто их годами никто не тревожил. Но он знал, где искать.

В дальнем углу, в ящике с пометкой «Распоряжения. Год третий», он нашёл то, что искал: стопку писем, перевязанных грубой бечёвкой. И среди них — одно, написанное не писцом, а

чьей-то твёрдой, уверенной рукой. Почерк был узнаваем — Тимур видел его на официальных бумагах, которые Витольд подавал барону.

«Маркел, проследи, чтобы настойки были доставлены лично. Не через слуг. И убедись, что барон примет их до заката. Если возникнут трудности — устрани их любым способом».

Тимур замер, держа письмо в руках. «Устрани любым способом». Это не было приказом о поставках. Это было разрешение на убийство.

Он аккуратно свернул письмо, спрятал за пазуху и на мгновение прикрыл глаза, чувствуя, как тяжесть в груди становится не страхом, а силой. Теперь у них было доказательство. Теперь они могли не просто защищаться — они могли ударить в ответ.

Я вернулась в покои бесшумно, почти незаметно — только зелёная дымка на миг сгустилась у двери, а потом снова расплескалась по комнате. Барон лежал с прикрытыми глазами, но, услышав моё движение, тут же их распахнул.

— Ты… — начал он, и в его голосе было столько надежды, сколько он не позволял себе уже много дней.

— Всё в порядке, — сказала я спокойно, подходя к изголовью. — Восток больше не угрожает. Те, кто должен был ударить в полночь, теперь сами стали мишенями.

Барон хотел что-то спросить, но в этот момент дверь снова открылась — и на пороге стоял Тимур. Его лицо было бледным, но решительным.

Он шагнул внутрь, закрыл за собой дверь и достал из-за пазухи свёрнутый лист бумаги.

— Господин, — произнёс он твёрдо, глядя прямо на барона. — Я нашёл это в архиве. Письмо. Написано рукой Витольда. Он приказывал Маркелу проследить, чтобы вы приняли настойки… и устранить любые трудности любым способом.

Барон медленно протянул руку, и Тимур передал ему письмо. Барон развернул его, пробежал глазами по строчкам — и вдруг его пальцы сжались, сминая край бумаги.

— Значит, это не домыслы, — прошептал он, и в его голосе не было удивления — только горькое подтверждение того, что он боялся услышать. — Он действительно хотел моей смерти. Маркел не успел забрать это письмо.

Я стояла рядом, чувствуя, как зелёная дымка тихо пульсирует, удерживая его на грани, не давая слабости взять верх.

— Теперь у нас есть доказательство, — сказала я ровно. — И теперь мы можем действовать открыто. Мы можем показать это людям. Показать, что Витольд не спаситель усадьбы, а её палач.

Тимур кивнул, не сводя взгляда с барона, будто ждал его решения — того слова, которое запустит новую цепь событий.

Барон медленно поднял голову, и в его глазах снова вспыхнула та самая власть, которую яд пытался погасить.

– Соберите совет, — произнёс он тихо, но твёрдо. — Пусть придут те, кому я ещё могу доверять. Мы покажем им это письмо. И мы скажем правду. Не как жалобу больного, а как приказ хозяина усадьбы.

Тимур снова кивнул и уже повернулся к двери, но я остановила его одним жестом.

— Подожди, — сказала я. — Прежде чем ты пойдёшь, возьми это.

Я протянула ему кинжал — тот самый, изящный, с гравировкой на рукояти.

— Он твой, — сказала я. — Возьми его. Пусть он напоминает тебе, что враг не так силён, как кажется. Что даже те, кто думает, что они тени, могут стать мишенями.

Тимур посмотрел на кинжал, потом на меня — и, не говоря ни слова, взял его, проверил баланс, кивнул, будто соглашаясь с тем, что теперь это часть его пути.

— Я вернусь, — пообещал он и вышел, оставив нас с бароном в комнате, где тишина теперь была не предвестником беды, а затишьем после бури.

Барон снова прикрыл глаза, но на этот раз в его лице не было страха. Только усталость — и облегчение.

— Спасибо, — прошептал он едва слышно. — За то, что ты была там. За то, что не дала им победить.

Я встала у изголовья, и зелёная дымка снова потянулась к нему — не как оружие, а как обещание.

— Пока я здесь, — сказала я тихо, — никто не подойдёт к тебе незамеченным. И никто не сможет спрятать свою ложь.

Тишина опустилась на покои, но теперь она была мирной. Не потому, что опасность исчезла — а потому, что мы встретили её лицом к лицу. И победили.

Глава 21 « Тени прошлого и голос совета »

Тишина в покоях барона теперь была другой — не звенящей от напряжения, а тяжёлой, будто сама комната впитывала всё, что произошло за эти часы. Барон спал — не глубоко, но ровно, без тех судорожных вдохов, что раньше выдавали борьбу тела с ядом. Зелёная дымка по-прежнему тянулась от меня к нему, но теперь в её движении была не только сила — в ней чувствовалась усталость.

Я стояла у окна, глядя, как рассвет медленно стирает тени с крыш усадьбы. Но в голове у меня крутились не планы, не угрозы, а вопросы — те самые, что я прятала даже от самой себя.

Как я стала такой?

Почему моё тело теперь движется быстрее, чем успевает заметить человеческий глаз? Почему я чувствую запах напряжения, запах чужой решимости, как будто он оставляет след в воздухе? Почему перестройка организма далась мне легко, без боли, без криков и ломок, словно тело само знало, как принять эту новую силу?

Ответ был там, в прошлом, в том дне, когда я закрыла три портала.

Они были нестабильными — пульсировали, как раны в ткани мира, и каждый из них тянул энергию, искажал пространство вокруг. Я тогда не думала о последствиях — я просто знала, что если не закрою их сейчас, то пострадают люди. И когда я сломала последний, что-то изменилось. Часть этой силы — или, может быть, часть самой ткани, которую порталы разрывали — впиталась в меня. Не как удар, не как ожог, а как тихий, настойчивый шёпот: «Теперь это твоё».

С тех пор каждый день что-то менялось. Сначала — чуть быстрее билось сердце. Потом — я начала замечать детали, которые раньше ускользали: дрожь в пальцах человека, едва уловимый запах страха, тень, которая двигалась не в такт ветру. А потом пришла скорость.

И я не стала рассказывать об этом ни деду, ни Антону. Дед бы смотрел на меня с той самой смесью гордости и тревоги, от которой хотелось спрятаться. А Антон… он бы начал искать способы «исправить» меня, вернуть к тому, какой я была раньше. А я не хотела назад.

Но теперь, стоя у окна и чувствуя, как воздух касается кожи, я вдруг испугалась не силы — а того, что будет дальше. Что ещё произойдёт со мной, если я закрою ещё хотя бы один портал? Стану ли я совсем чужой этому миру? Смогу ли однажды остановиться, если скорость унесёт меня слишком далеко?

Я чуть сжала пальцы — и вдруг поняла, что в них нет тяжести рукояти. Кинжала больше не было. Я отдала его Тимуру — чтобы он помнил, что даже те, кто кажутся тенями, могут стать мишенями. И сейчас эта пустота в ладони ощущалась странно: будто вместе с оружием я передала ему часть своей уверенности.

Зал совета был полон. Тяжёлые дубовые столы, высокие спинки кресел, лица, которые барон знал годами — одни смотрели на него с тревогой, другие с надеждой, третьи — с холодным расчётом. Тимур стоял у дверей, не садясь, не опуская взгляда, держа спину ровно, будто готов был в любой момент броситься вперёд. На поясе у него теперь висел тот самый кинжал — изящный, с гравировкой, будто узор из ветвей. Он не хвастался им, не трогал без нужды, но время от времени его пальцы будто сами собой касались рукояти — как будто металл напоминал ему, кто он теперь.

А в центре зала, напротив барона, стоял Витольд.

Он не выглядел загнанным. Он выглядел… оскорблённым. Его осанка была безупречной, взгляд — прямым, голос — ровным, будто он пришёл не оправдываться, а восстанавливать справедливость.

— Господин барон, — произнёс он, и в его голосе было столько достоинства, что некоторые из советников невольно склонили головы. — Я слышу обвинения. Я вижу письмо. Но я также вижу, что вы слабы, и этим пользуются те, кто хочет посеять раздор в усадьбе.

Барон сидел прямо, опираясь на резные подлокотники. Его лицо было бледным, но в глазах уже не было той мутной пелены, что висела над ним днями. Он медленно провёл ладонью по столу, будто проверяя, насколько твёрдой остаётся реальность.

— Слаб, — повторил он тихо, и это слово прозвучало не как признание, а как вызов. — Да, я слаб. Яд оставил свой след. Но слабость не означает, что я перестал быть хозяином этой усадьбы. И не означает, что я не вижу, кто стоит передо мной.

Витольд чуть склонил голову, будто принимая этот тон.

— Тогда посмотрите и на тех, кто стоит за вами, — спокойно ответил он. — На тех, кто подталкивает вас к поспешным решениям.

Барон резко поднял руку, обрывая его.

Довольно, — сказал он твёрже, чем раньше, так, что по залу прокатился тихий ропот. — Ты говоришь о слабости, но не видишь силы, которая держит эту усадьбу сейчас. Силы, которая не в моих руках, а в руках того, кто не дал тебе нанести удар.

Он медленно повернул голову к дверям, к Тимуру, а потом — чуть в сторону, туда, где в тени галереи стояла я.

— Алиса, — позвал он, и голос его прозвучал так, будто он не просто звал, а передавал что-то важное. — Подойди.

Я вышла из тени, не спеша, но и не прячась. Зелёная дымка тянулась за мной, не скрывая, а подчёркивая: я не просто гостья в этом зале. Я — часть того, что сейчас решается.

Советники повернулись ко мне. Кто-то нахмурился, кто-то удивлённо приподнял брови, кто-то замер, будто увидел нечто, чего не должен был видеть.

Барон смотрел на меня — долго, внимательно, будто хотел запомнить каждую черту, чтобы потом, если придётся, эти черты стали законом для других.

— Пока я восстанавливаюсь, — произнёс он громко, чтобы слышали все, — управление усадьбой переходит к Алисе. Она — мой преемник. На время. А если… — он на мгновение запнулся, но тут же продолжил твёрже: — А если мне не суждено будет вернуться к делам, она станет полноправной хозяйкой.

В зале стало тихо. Не просто тихо — глухо, как бывает, когда мир сдвигается на полшага и ты вдруг понимаешь, что стоишь не там, где думал.

Кто-то из советников хотел что-то сказать, но не решился. Кто-то переглянулся с соседом. Кто-то опустил взгляд, будто стыдился того, что только что думал о бароне как о сломленном человеке.

Витольд не изменился в лице. Ни гнева, ни удивления — только лёгкая складка у переносицы, будто он пересчитывал варианты в уме, прикидывая, как теперь изменится баланс сил.

— Это… поспешное решение, господин, — осторожно произнёс один из старейшин, седой мужчина с тяжёлым перстнем на пальце. — Усадьба — это не только воля, это традиции.

— Традиции, — повторил барон, и в этом слове не было почтения — была сталь. — Традиции говорят, что хозяин выбирает наследника. И я выбираю Алису. Потому что она не просто сильна. Она видит то, чего не видят другие. Она чувствует опасность раньше, чем она приходит. И она не побоится сделать то, что нужно, даже если это будет стоить ей покоя.

Тимур посмотрел на меня — и в его взгляде было не удивление, а понимание. Он знал, что я могу быть быстрой, что я могу быть опасной, но теперь он видел, что передо мной ставят тяжесть, которую не каждый выдержит.

Я не опустила глаз. Но и не улыбнулась. Я просто кивнула барону — коротко, как знак, что принимаю то, что он даёт, даже если сама не просила этого.

— Я не подведу, — сказала я ровно, и в зале снова стало тихо, будто даже воздух прислушался к моим словам.

Барон чуть наклонил голову.

— Я знаю, — прошептал он. — Иначе бы не сказал этого.

Витольд наконец чуть шевельнулся, будто сбрасывая с себя оцепенение.

— Если это ваш выбор, господин, — произнёс он спокойно, — я его уважаю. Но напомню: пока мы спорим о власти, угроза не исчезает. И если Алиса теперь отвечает за усадьбу, пусть она ответит и на вопрос: что мы будем делать с письмом? Как докажем, что это не подделка?

Все взгляды снова обратились ко мне.

Я медленно обвела зал глазами — не чтобы напугать, а чтобы показать: я вижу каждого. Вижу, кто сомневается, кто боится, кто ждёт, что всё решится само собой.

— Мы не будем доказывать, что письмо — правда, — сказала я. — Мы покажем, что правда — в действиях. Пусть Витольд расскажет, где был в тот день, когда Маркел готовил настойки. Пусть приведёт свидетелей. Пусть даст нам возможность проверить его слова. А пока… — я сделала паузу, давая словам лечь на тишину, — пока мы будем следить. За каждым его шагом. За каждым приказом. И если он чист, ему нечего бояться.

Витольд чуть приподнял бровь, будто оценивая мою речь.

— Хорошо, — кивнул он. — Я расскажу. И пусть меня проверяют. Но помните: проверка — это обоюдоострое оружие. Она может показать не только мою вину, но и тех, кто пытается её найти любой ценой.

Барон снова поднял руку, останавливая дальнейшие споры.

— Достаточно, — сказал он. — Пусть будет проверка. А пока — пусть Алиса распоряжается делами усадьбы. И пусть никто не забывает: пока я жив, моя воля — закон. А моя воля сейчас такова.

Советники медленно склонили головы — кто-то искренне, кто-то лишь формально. Но все приняли решение. По крайней мере, вслух.

Дверь зала открылась, и Тимур вышел следом за мной в галерею. Здесь было тише, и воздух пах камнем и утренним холодом, а не напряжением человеческих страстей.

— Ты готова к этому? — тихо спросил он, глядя не на меня, а куда-то вперёд, будто боялся увидеть в моих глазах то, чего я сама ещё не понимала.

— Не знаю, — честно призналась я. — Но я не позволю усадьбе пасть. Ни из-за яда, ни из-за лжи, ни из-за того, что во мне что-то меняется.

Я коснулась пустого места у пояса — и снова почувствовала эту странную пустоту, которая теперь была не потерей, а передачей. Кинжал у Тимура. Власть — у меня. И ответственность — на обоих.

— Тогда мы сделаем это вместе, — сказал Тимур и чуть коснулся пальцами рукояти кинжала — не хвастаясь, а как будто давая обещание.

Я кивнула.

Где-то впереди нас ждала правда. И теперь я должна была не просто её найти — я должна была сделать так, чтобы ей поверили.

Витольд не стал тянуть. Уже к полудню он вернулся в зал совета — не один, а в сопровождении троих: седого управляющего с северной стороны земель, молодого писца, который вечно прятал глаза, и стражника с тяжёлым взглядом и шрамом через всю щёку.

— Вот, — произнёс Витольд, обводя их рукой так, будто выставлял на витрину драгоценные вещи. — Эти люди могут подтвердить, где я был в тот день, когда Маркел готовил настойки. Они видели меня. Они говорили со мной. Они знают, что я не отдавал приказов об устранении барона.

Советники переглянулись. Кто-то кивнул, будто одного их присутствия уже достаточно. Кто-то нахмурился, не зная, верить ли. Барон сидел прямо, но я видела, как его пальцы чуть

дрожат — не от слабости, а от напряжения, от желания услышать наконец чистую, ясную правду.

Тимур стоял у дверей, пальцы лежали на рукояти кинжала — не для удара, а чтобы чувствовать опору. Он смотрел на этих троих не как на свидетелей, а как на фигуры в игре, чьи ходы нужно предугадать.

А я… я смотрела не на лица. Я слушала воздух.

Запах страха у писца был резким, почти кислым — он боялся не столько Витольда, сколько самого себя, того, что может случайно выдать. У стражника — тяжёлый, густой запах напряжения, будто он держал в себе огромный камень и боялся, что тот сорвётся. А у помощника управляющего… у него был запах старой привычки — привычки лгать так долго, что ложь уже казалась ему правдой.

Они начали говорить. Сначала осторожно, потом увереннее, сплетая слова в гладкую, удобную историю: Витольд был на северной стороне, проверял урожай; он говорил о налогах, о дорогах, о погоде; он не касался никаких настоек, не знал о Маркеле, не имел к этому отношения.

Каждое слово ложилось в воздухе тяжёлой, липкой плёнкой. И эта плёнка мешала мне дышать.

Я стояла неподвижно, но внутри меня что-то натягивалось — как струна, которая вот-вот лопнет. Та сила, что пришла ко мне после порталов, сейчас будто проснулась, встревоженная этой волной неправды. Она не хотела слушать. Она хотела, чтобы всё было ясно.

И вдруг — я не планировала этого, не хотела, не готовилась — из меня вырвалось:

— Говори правду.

Не громко. Не как приказ. Скорее как выдох, как толчок в воздух, который должен был просто разогнать туман. Но этот толчок оказался сильнее, чем я думала.

В зале что-то щёлкнуло. Будто невидимая нить, натянутая между ложью и реальностью, вдруг лопнула — и всё, что держалось на ней, посыпалось.

Писец вздрогнул, будто его ударили. Его губы задрожали, и вместо заготовленной речи из него полилось:

— Я… я не видел его тогда. Мне сказали, что нужно так сказать. Витольд пришёл ко мне накануне и велел выучить слова. Он сказал, что это для блага усадьбы, что иначе начнётся смута…

Стражник глухо застонал, будто пытался удержать слова, но они рвались наружу:

— Я был там. Я видел, как он передал Маркелу свёрток. В нём были склянки. Он сказал: «Пусть барон примет это. Если не примет — заставь». Я не хотел… но я боялся.

— Да, — прошептал он, и в этом слове было столько усталости, что оно прозвучало как приговор самому себе. — Да, я был с ним. Он приказал мне составить отчёт так, будто он был на севере. Он сказал, что барону будет лучше, если он перестанет править. Что усадьба станет сильнее без него.

Все трое теперь смотрели не на Витольда, а на меня — с ужасом, с облегчением, с надеждой, будто я была той, кто наконец снял с них эту тяжесть.

Тишина в зале стала звенящей. Даже дыхание казалось слишком громким.

Витольд стоял неподвижно. Его лицо не изменилось — ни гнева, ни страха, ни раскаяния. Только глаза чуть потемнели, будто в них что-то погасло.

Он медленно повернул голову ко мне.

— Ты, — произнёс он тихо, почти с интересом. — Что ты сделала?

Я не ответила сразу. Я сама не знала, что именно я сделала. Просто сказала: «Говори правду». И мир послушался.

— Я не заставляю, — сказала я ровно. — Я просто не дала вам всем лгать.

Витольд чуть склонил голову, будто примерял эти слова на себя.

— Значит, это твоя сила, — произнёс он. — Та, что делает тебя быстрой. Та, что позволяет чувствовать ложь.

Барон поднял руку, и в этом жесте не было слабости — была власть, пусть и выжженная болью.

— Довольно, — сказал он. — Теперь мы знаем.

Но Витольд не смотрел на него. Он смотрел только на меня.

— Знаешь, — сказал он спокойно, будто мы обсуждали не предательство, а погоду, — я думал, что умею управлять словами. Что могу заставить людей верить в то, что мне нужно. Но я не знал, что есть сила, которая заставляет говорить правду, даже если ты не хочешь.

Он сделал шаг вперёд, не к барону, не к советникам — ко мне.

— И знаешь, что самое странное? — продолжил он, и в его голосе не было ни злости, ни отчаяния — только холодная ясность. — Я не хочу больше прятаться. Пусть все знают. Да, — произнёс он громко, так, что каждое слово падало, как камень. — Я приказал Маркелу проследить, чтобы барон принял настойки. Да, я велел устранить любые трудности. Потому что я считал, что усадьба слабеет под его правлением. Потому что я думал, что знаю, как сделать её сильнее. Я хотел взять власть не через смуту, а через «спасение» — чтобы люди увидели, что без барона станет лучше. Я думал что усадьба будет моей!

Кто-то из советников тихо охнул. Кто-то побледнел. Кто-то опустил глаза, будто ему стало стыдно за то, что он верил Витольду.

Барон смотрел на него долго, будто пытался увидеть в этом человеке того, кем он был раньше — верного помощника, надёжного советника.

— Почему? — спросил он тихо. — Почему ты решил, что имеешь право решать за всех?

Витольд чуть пожал плечами, но в этом жесте не было легкомыслия — была усталость.

Потому что никто другой не решался, — ответил он. — Потому что ты держался за старые порядки, за традиции, которые уже не работали. Потому что я видел трещины, а ты — нет.

Тимур шагнул вперёд, рука легла на рукоять кинжала, но не для удара — чтобы удержать себя.

— Это не оправдание, — сказал он твёрдо. — Это предательство.

Витольд посмотрел на него и вдруг усмехнулся — не зло, а горько.

— Возможно, — согласился он. — Но пусть это будет сказано. Пусть всё будет ясно.

Барон медленно кивнул, будто принимая не только признание, но и ту тяжесть, которую оно принесло.

– Стража, — произнёс он, и голос его звучал твёрдо, как сталь. — Возьмите его под стражу. Пусть он ждёт суда. А этих… — он посмотрел на троих свидетелей, — пусть отпустят. Они уже заплатили за свою ложь.

Стражники шагнули вперёд. Витольд не сопротивлялся. Он позволил им взять себя под руки, но, проходя мимо меня, остановился.

— Интересно, — тихо сказал он, глядя на меня. — Что ещё ты сможешь сделать этой своей силой?

Я не ответила. Но его слова ударили в самое сердце — потому что я сама боялась этого вопроса.

Когда его увели, зал опустел не только от людей — из него будто ушла сама тяжесть обмана. Воздух стал чище, легче.

Тимур подошёл ко мне, его лицо было серьёзным.

— Ты… — начал он, но запнулся, не находя слов. — Ты заставила их говорить правду. Как?

Я покачала головой.

— Не знаю, — призналась я. — Просто сила моя вырвалась, не смогла ее удержать. Сказала: «Говори правду». И вышло то, что вышло...

Барон снова поднял руку — теперь уже не для приказа, а чтобы привлечь внимание.

— Алиса, — произнёс он тихо, но так, что в зале снова стало тихо. — Ты доказала, что можешь привить усадьбой. Не только силой, не только скоростью. А правдой. Пусть теперь все знают: пока я восстанавливаюсь, ты — хозяйка. И пусть никто не забывает, что правда здесь — не роскошь, а необходимость.

Советники склонили головы. На этот раз — искренне.

Мы вышли из зала в галерею. Здесь было прохладнее, и ветер, гулявший между колоннами, будто стирал остатки напряжения.

– Ты в порядке? — спросил Тимур, глядя на меня так, будто боялся, что эта сила могла меня сломать.

— В порядке, — ответила я, но сама чувствовала, как дрожат пальцы. Не от страха — от того, как много силы вдруг прорвалось наружу.

Где-то впереди нас ждали новые испытания. Но сейчас, в этот миг, правда была на нашей стороне. И этого было достаточно, чтобы дышать.

Утро выдалось на удивление спокойным. Не тем тихим, что бывает перед бурей, а настоящим, будто усадьба наконец выдохнула после долгих дней напряжения. Птицы кричали во дворе, слуги ходили по коридорам без опаски оглядываться, а воздух пах не страхом и пылью, а свежестью и деревом.

Но я не могла позволить себе поверить в эту тишину. Слишком хорошо я знала: спокойствие — это не отсутствие врага, это просто пауза между ударами.

Я шла по галерее к библиотеке — не спеша, но и не задерживаясь. Мои шаги звучали твёрже, чем раньше, и не только потому, что теперь многие в усадьбе знали: я — хозяйка, пусть и временная. А потому, что я сама начала привыкать к этому слову.

Библиотека встретила меня привычным запахом старой бумаги, воска и времени. Высокие стеллажи уходили вверх, теряясь в полумраке под потолком. Толстые тома в кожаных переплётах стояли рядами, будто молчаливые стражи чужих историй.

Барон говорит, что в этой комнате живёт память усадьбы. И сейчас мне нужно было, чтобы она заговорила со мной.

Я не стала звать библиотекаря. Не хотела лишних взглядов, лишних вопросов. Вместо этого я пошла туда, где стояли самые старые книги — в дальний угол, за тяжёлую бархатную штору, которую редко кто отдёргивал. Там, на нижних полках, лежали тома, которые доставались только в крайних случаях.

Пальцы скользили по корешкам, читая названия по тиснению: «Хроники северных земель», «Обряды и клятвы», «Пути между мирами»…

И вот — один переплёт отличался от остальных. Не кожей, а чем-то вроде тёмного камня, гладкого, будто отполированного водой. На нём не было названия — только выцветший символ: круг, пересечённый тремя линиями, расходящимися, как трещины.

Я осторожно потянула книгу к себе. Она была тяжелее, чем казалась, будто внутри хранила не только слова, но и вес чужих решений.

Открыв первую страницу, я увидела не обычный текст, а плотную вязь, где буквы сплетались с рисунками — маленькими схемами, похожими на карты звёзд или узоры ветра. Язык был мне знаком, но странным: слова звучали так, будто их произносили шёпотом, чтобы не разбудить что-то спящее.

Я листала страницы, не понимая сначала, что ищу. А потом — на середине, между описанием древних клятв и картой забытых дорог — я увидела фразу, от которой у меня похолодели пальцы:

«Голос правды — не приказ, а ключ. Он не ломает волю, он снимает маски. Тот, кто слышит ложь, рано или поздно научится срывать её — и тогда мир начнёт отвечать ему истиной. Но помни: сила голоса растёт вместе с близостью к порогу. Чем ближе ты к откры-

тию портала, тем сильнее звучит голос. И однажды он станет не просто инструментом — он станет частью тебя».

Ниже шли ещё строки, почти стёртые временем:

«*Хранитель не открывает порталы по желанию. Он открывает их, когда мир просит. И каждый раз, закрывая разрыв, он впитывает часть ткани реальности. Скорость, слух, голос — всё это осколки силы, что остаются в теле. Но если Хранитель попытается открыть портал, не будучи готовым, ткань может не подчиниться — или, хуже того, подчинится слишком охотно, и тогда Хранитель станет не стражем, а проводником, через которого реальность начнёт течь туда, куда не должна».*

Я замерла, вглядываясь в эти слова, будто они могли изменить форму, если смотреть на них достаточно долго.

«Я близка к тому, чтобы открывать порталы», — пронеслось у меня в голове, холодное и чёткое, как лезвие.

Не «однажды». Не «когда-нибудь». А «скоро».

Сила, что пришла ко мне после закрытия трёх порталов, не была случайной. Она не просто меняла моё тело — она готовила меня к чему-то большему. Скорость, способность чувствовать ложь, этот внезапный «голос правды» — всё это были ступени. И следующая ступень…

Я резко закрыла книгу, будто боялась, что она скажет что-то ещё, чего я не готова услышать.

Пока думать об этом рано.

Слишком рано.

Я ещё не понимаю, как управлять тем, что уже есть. Как удержать голос, чтобы он не срывал правду с каждого встречного, не превращал обычный разговор в допрос. Как не дать скорости унести меня туда, где я перестану чувствовать землю под ногами.

И главное — я не знаю, готова ли я стать тем, кто открывает порталы. Не закрывает. Не латает дыры. А именно открывает — по своей воле, в нужном месте, в нужное время.

Потому что, если верить книге, это уже не будет просто силой. Это будет ответственностью, которая может сломать даже того, кто кажется неуязвимым.

— Ты здесь.

Я вздрогнула и подняла голову. В проёме двери стоял Тимур. Он не спешил входить, будто боялся спугнуть тишину, в которой я только что разговаривала с древними словами.

— Я тебя искал, — сказал он, делая шаг внутрь. — В зале уже собрались советники. Они хотят услышать, что делать дальше: с Витольдом, с охраной, с поставками… Они хотят услышать это от тебя.

Я медленно положила книгу обратно на полку, стараясь вернуть её точно в тот же ряд, чтобы никто не понял, что её доставали.

— Иду, — сказала я, но голос прозвучал чуть глуше, чем обычно, будто слова цеплялись за тишину комнаты.

Тимур остановился рядом, не глядя на книгу, но будто чувствуя, что здесь что-то произошло.

— Ты в порядке? — спросил он тихо.

— Да, — ответила я. И почти не солгала. — Просто… нашла кое-что. Кое-что, что заставляет думать о вещах, к которым я пока не готова.

Мы вышли из библиотеки, и тяжёлые двери тихо закрылись за нами, будто пряча в себе ещё много тайн, к которым пока не стоило прикасаться.

В коридоре уже ждали слуги, советники, люди, которым нужно было решение. Они смотрели на меня не как на девочку, которая случайно оказалась в центре событий, а как на ту, кто теперь держит в руках нити, связывающие усадьбу воедино.

Я выпрямилась, чувствуя, как зелёная дымка тихо пульсирует вокруг меня — не как угроза, а как напоминание: у меня есть сила. И у меня есть ответственность.

— Пойдём, — сказала я Тимуру. — Пора решать, что делать дальше.

Зал совета теперь выглядел иначе. Не потому, что в нём что-то переставили — столы, кресла, тяжёлые канделябры стояли на тех же местах. А потому, что взгляды людей были другими. Раньше они смотрели на барона, ища в нём опору. Теперь они смотрели на меня — и в этих взглядах было и уважение, и страх, и осторожное ожидание: а вдруг я окажусь не такой, как они надеются?

Барон сидел на своём месте — не так прямо, как раньше, но и не сгорбленно. В нём появилась новая твёрдость: он держался не за силу, а за право решать.

Рядом с ним — Тимур, спокойный, собранный, пальцы едва касались рукояти кинжала, будто напоминая себе: сегодня не нужно драться, сегодня нужно слушать.

Я встала у края стола — не садясь, чтобы не выглядеть так, будто уже заняла место барона навсегда, но и не прячась в тени.

— Начнём, — сказала я ровно, и мой голос прозвучал в зале так, что все невольно выпрямились. — Нам нужно решить три вещи: что делать с Витольдом до суда, как усилить охрану усадьбы и что делать с поставками зерна — говорят, дорога на север перекрыта оползнем.

Советники переглянулись. Кто-то кивнул, будто эти вопросы были именно теми, которые и следовало задать. Кто-то нахмурился, будто ждал чего-то другого — более громкого, более драматичного.

И первым заговорил советник по хозяйственным делам — седой, сухощавый мужчина по имени Маркус. Он всегда говорил чётко, будто каждое слово взвешивал на невидимых весах.

— По поводу зерна, — начал он, не глядя на меня, а будто обращаясь ко всему залу сразу, — ситуация не такая тревожная, как кажется. Да, северная дорога перекрыта, но у нас есть запас на складах — его хватит на два месяца. А к тому времени мы расчистим путь или найдём обходной маршрут.

Он говорил уверенно, спокойно, и по его лицу было не понять, лжёт он или нет. Ни дрожи в голосе, ни бегающих глаз — ничего, что выдало бы обман.

Но я чувствовала другое.

Запах. Тихий, едва уловимый, но такой знакомый теперь: запах напряжения, который прячется под маской уверенности. Он был не таким, как у тех, кто просто боится ошибиться. Это был запах человека, который заранее подготовил слова, чтобы они звучали правильно, даже если они не были правдой.

Я не хотела использовать силу. Не хотела, чтобы она вырывалась сама собой, как вчера в зале, когда я просто выдохнула: «Говори правду» — и мир послушался. Но сейчас эта сила будто проснулась внутри, встревоженная этой гладкой, удобной ложью. Она не хотела слушать красивые слова. Она хотела, чтобы всё было ясно.

Маркус продолжал:

– Кроме того, я уже отправил гонца к старосте деревни на востоке. Он обещал помочь с подвозом, если понадобится. Так что поводов для тревоги нет.

Я чуть наклонила голову, прислушиваясь не к словам, а к тому, как они ложатся в воздухе — тяжёлыми, неудобными, будто сшитыми из разных кусков.

— Два месяца, — повторила я тихо, и это слово повисло в тишине, как крючок, на который должна была зацепиться правда. — Ты уверен, Маркус?

Он чуть приподнял бровь, будто удивляясь, что я переспрашиваю.

— Абсолютно, — ответил он твёрдо. — Запасы учтены, проверены, подтверждены.

И в этот момент сила во мне дрогнула — не как удар, не как приказ, а как тихий, настойчивый толчок: «Пусть будет ясно».

Сама не понимая, как это происходит, я снова произнесла:

— Скажи правду. Не то, что ты хочешь, чтобы мы слышали. А то, что есть на самом деле.

На секунду в зале стало тихо — так тихо, что было слышно, как где-то далеко скрипнула дверь.

А потом Маркус моргнул. Его лицо на миг потеряло эту гладкую уверенность, будто маска треснула, и сквозь неё проглянуло то, что он так старательно прятал.

— Запасов… — начал он и запнулся, будто слова вдруг стали слишком тяжёлыми. — Запасов хватит не на два месяца, — выдохнул он, и теперь в его голосе не было ни твёрдости, ни спокойствия — только усталость и стыд. — Хватит на три недели. Может, на месяц, если сильно экономить.

По залу прокатился тихий ропот. Кто-то побледнел, кто-то опустил глаза, будто ему стало стыдно за то, что он верил этим словам.

— Я не хотел пугать, — быстро добавил Маркус, и теперь он говорил не как советник, а как человек, который наконец сбросил тяжёлый груз. — Я думал, что если скажу правду, начнётся паника. Что люди начнут волноваться, что барон… что усадьба… что всё развалится. Я хотел дать нам время. Найти решение до того, как все узнают, что мы на грани.

Барон медленно кивнул, не с гневом, а с пониманием.

— Ты хотел защитить, — произнёс он тихо. — Но защита не строится на лжи. Она строится на правде, какой бы горькой она ни была.

Тимур посмотрел на меня — не с удивлением, а так, будто теперь окончательно понял: эта сила не просто срывает маски — она заставляет мир быть честным, даже когда люди не хотят этого.

— Обходной маршрут, — сказал он, поворачиваясь к Маркусу. — Ты говорил о гонце к старосте. Это правда?

— Правда, — кивнул он. — Я отправил гонца. Но… — он снова запнулся, и теперь уже не пытался скрыть, — но я не уверен, что староста поможет. У него свои проблемы — в деревне падеж скота, и он вряд ли захочет отдавать нам зерно, даже за деньги.

Снова тишина — но теперь она была другой. Не звенящей от напряжения, а тяжёлой от осознания: перед нами стояла настоящая проблема, без прикрас, без удобных слов.

— Значит, так, — сказала я, чувствуя, как зелёная дымка вокруг меня чуть сгущается, будто поддерживая меня в этом решении. — Мы не будем прятать правду. Но мы и не будем сдаваться. Тимур, собери отряд — нужно проверить северную дорогу. Может, оползень не такой большой, как говорят, и его можно расчистить быстрее. Маркус, покажи мне записи по складам — все, до последней меры зерна. И скажи честно, сколько у нас есть и сколько нужно, чтобы усадьба не голодала.

Он кивнул, не пытаясь больше ничего приукрасить.

— Сделаю, — сказал он просто. — И… простите. Я думал, что делаю правильно.

Барон чуть наклонил голову.

— Прощено, — произнёс он спокойно. — Но запомни: в следующий раз, когда захочешь «защитить» нас ложью, вспомни, что правда — тоже оружие. И иногда она спасает лучше, чем любые красивые слова.

Когда совет закончился, мы с Тимуром вышли в галерею. Здесь было прохладнее, и ветер, гулявший между колоннами, будто смывал остатки напряжения.

— Это становится привычкой, — тихо сказал Тимур, глядя не на меня, а вперёд, в перспективу коридора. — Ты заставляешь людей говорить правду.

Я покачала головой.

— Я не заставляю, — возразила я. — Просто… она сама прорывается. Как будто эта сила не хочет, чтобы вокруг меня была ложь.

Он чуть улыбнулся — не весело, а так, будто пытался найти в этом что-то хорошее.

— Может, это и к лучшему, — сказал он. — Пусть все знают: с тобой не получится прятаться. Пусть говорят правду — даже если она неудобная.

Я остановилась у окна, глядя, как солнце ложится на крыши усадьбы, окрашивая их в золотой цвет.

— Только бы эта сила не стала проклятием, — прошептала я. — Только бы она не заставляла меня видеть только ложь, забывая про добро.

Тимур положил руку на плечо — не сильно, просто чтобы я почувствовала, что не одна.

Я задумалась и повернулась к Тимуру:

— Собери стражу и отправь Евстафия в столицу. Пусть верховный суд сам разбирается с Витольдом. Мне сейчас вообще не до него. А когда Евстафий вернётся, он займёт место управляющего.

Тимур нахмурился и произнёс:

— Хорошо, сделаем.

Глава 22 « Налог »

После совета я не пошла сразу в свои покои — вместо этого свернула по узкому коридору к малой гостиной, где барон теперь проводил большую часть дня. Там было тише, чем в главном зале, и воздух пах не воском и парадной пылью, а старым деревом.

Дверь была приоткрыта, и я остановилась на пороге, не решаясь войти сразу. Барон сидел у окна, опираясь на резные подлокотники кресла, и смотрел на двор так, будто пытался запомнить каждую деталь: как слуга несёт корзину, как ветер шевелит листья на старой липе, как солнце ложится на черепицу. Он будто учился снова видеть мир — не сквозь пелену яда, а ясно.

— Можно? — тихо спросила я, стоя в проёме.

Он повернул голову, и на его лице мелькнуло что-то похожее на улыбку — не радостную, а благодарную, как будто моё появление означало, что день не прошёл зря.

— Входи, Алиса, — сказал он спокойно. — Я как раз думал, что нам пора поговорить. Не о делах усадьбы в целом, а о чём-то личном. О том, что касается тебя.

Я вошла и остановилась у камина, не садясь — мне казалось, что если я сяду, то сразу стану выглядеть так, будто пришла с докладом, а не с просьбой.

— О деревне, — сказала я прямо. — О той, где живут дед и Антон.

Барон чуть наклонил голову, будто примеряя это имя — «Антон» — к чему-то старому, что он помнил.

— Та, что на юго-восточном краю моих земель, — произнёс он не как вопрос, а как подтверждение. — Маленькая, тихая. Там хорошие луга, но земля каменистая, и урожаи всегда были скромными.

— Именно, — кивнула я. — Скромными. А налог… налог за два года, который вчера упоминали, — он для них слишком большой. Дед старается не говорить об этом, чтобы я не волновалась. А Антон… он просто злится. Говорит, что барон забыл, как живут простые люди.

На лице барона не дрогнул ни один мускул, но в глазах появилась та самая сталь, которую я видела в зале совета.

— Значит, он говорит правду, — тихо произнёс барон. — Не из обиды, а из факта. Налог действительно велик для такой деревни. Я не забывал, Алиса. Я просто… не замечал. Пока был занят другими делами, пока болезнь забирала силы, бумаги подписывались, цифры считались, а до людей доходили только требования.

Я сжала пальцы, чувствуя, как зелёная дымка тихо пульсирует вокруг меня — не от гнева, а от напряжения, от желания, чтобы он понял.

— Они не прячут деньги, — сказала я. — Они не хитрят. Просто у них нет. В прошлом году град побил посевы. В этом — река вышла из берегов и смыла часть огорода. Они отдали бы всё, что могли, но… этого не хватит.

Барон медленно провёл ладонью по подлокотнику, будто проверяя, насколько твёрдым остаётся дерево под его рукой.

— Ты просишь снизить налог, — произнёс он ровно.

— Я прошу быть справедливым, — ответила я. — Пусть будет не столько, сколько положено по старым правилам, а столько, сколько они могут дать. Пусть это будет не наказание за плохой год, а помощь, чтобы следующий год стал лучше.

Он помолчал, и в этой тишине я вдруг услышала, как где-то далеко скрипнула лестница, как за окном прокричала птица — обычные звуки, которые вдруг стали громче, потому что в комнате решалось что-то важное.

– Знаешь, — наконец сказал барон, и голос его звучал не как приказ, а как признание, — когда я был моложе, я думал, что справедливость — это одинаковые правила для всех. Что если деревня платит меньше, чем соседняя, значит, она получает поблажку. А теперь я

понимаю: справедливость — это когда правила учитывают реальность. Когда ты видишь не только цифры, но и людей, которые за ними стоят.

Он чуть наклонил голову, глядя на меня так, будто видел не только мою просьбу, но и то, что за ней стояло — мою тревогу за деда, за Антона, за тех, кто не мог прийти и сказать это сам.

– Хорошо, — произнёс он твёрдо. — Налог за деревню будет пересчитан. Не отменён — потому что усадьба должна жить, и другие деревни тоже должны вносить свою долю. Но снижен. Так, чтобы они могли заплатить, не продавая последнее.

Я чуть выдохнула, и напряжение, которое я носила с самого утра, будто стало легче.

— Спасибо, — прошептала я.

— Не благодари, — мягко остановил он.

— Это не милость, Алиса. Это обязанность того, кто управляет. И теперь это твоя обязанность тоже. Ты будешь учиться видеть не только заговоры и угрозы, но и такие вещи — как каменистая земля, град и река, которая выходит из берегов. Потому что именно из них и складывается жизнь усадьбы.

Я кивнула, чувствуя, как внутри что-то встаёт на место — не только облегчение, но и новая тяжесть: теперь я действительно должна была видеть всё.

— И ещё, — добавил барон, чуть наклонив голову. — Пусть дед приедет. Не как проситель, а как старший в деревне. Пусть расскажет, что нужно: семена на посев, доски для ремонта, помощь с расчисткой берега. Мы не можем дать им богатство, но можем помочь встать на ноги.

— Я скажу ему, — пообещала я. — Он… он будет благодарен. Даже если не скажет этого вслух. Но сейчас староста деревни другой, но я передам.

Барон чуть улыбнулся — на этот раз настоящей, тёплой улыбкой.

– Старики редко говорят «спасибо», — тихо заметил он. — Они считают, что благодарность — это дело молодых. А их долг — просто делать своё дело и надеяться, что мир не забудет о них.

В дверь тихо постучали, и в проёме появился Тимур. Он не вошёл сразу, а остановился, будто оценивая, вовремя ли он пришёл.

— Прости, — сказал он, глядя на меня, а потом на барона. — Маркус ждёт у ворот — хочет показать записи по складам. И ещё… пришёл гонец с северной дороги. Говорят, оползень можно расчистить быстрее, чем думали.

Барон кивнул, снова становясь тем самым бароном, чьё слово было законом.

– Иди, — сказал он мне. — Занимайся делами. А я пока подумаю, как лучше оформить новый расчёт налога, чтобы он был не просто моим решением, а правилом, которое останется и после меня.

Я снова кивнула, на этот раз уже не как девочка, которая пришла с просьбой, а как та, кто принимает поручение.

— Сделаю, — сказала я и повернулась к Тимуру. — Пойдём. Сначала посмотрим записи, потом — гонца.

Мы вышли в коридор, и дверь тихо закрылась за нами.

– Ты волновалась, — тихо сказал Тимур, когда мы отошли на несколько шагов. — Из-за деревни.

— Да, — призналась я. — Я боялась, что он скажет: «Правила есть правила». Или что подумает, будто я прошу из-за себя, а не из-за них.

— Он не такой, — спокойно сказал он. — Он строгий, но не жестокий. И он помнит, что усадьба — это не только стены и золото, но и люди, которые в ней живут.

Я глубоко вдохнула, чувствуя, как воздух становится легче, будто вместе с решением о налоге с моих плеч упала ещё одна тяжесть.

— Теперь нужно, чтобы дед поверил, — сказала я. — Чтобы он не думал, что это временная поблажка. Что барон просто хочет угодить мне.

— Тогда мы поедем к нему, — просто сказал Тимур. — Ты, я, барон подпишет бумагу, а мы привезём её сами. Пусть увидит: это не слова, а дело.

Я посмотрела на него и вдруг почувствовала, как внутри разливается то самое редкое тепло — не от силы, не от скорости, а от того, что рядом есть кто-то, кто знает, что делать, и готов идти рядом.

– Давай, — сказала я, и в моём голосе теперь звучала не только просьба, но и уверенность. — Давай сделаем это правильно.

Мы вернулись к барону.

Барон не стал тянуть с решением. Пока я стояла у двери, он уже кивнул Тимуру, будто всё было решено ещё до моего прихода:

— Пусть едут. Пусть сами скажут людям, что налог снижен. Пусть покажут бумагу с моей печатью. Слова от гонца звучат как милость. А слова от тех, кого деревня знает, — как справедливость.

Тимур чуть склонил голову, принимая приказ не как бремя, а как должное.

— Соберу отряд, — спокойно сказал он. — Но, если позволите, я возьму только двоих. Дорога спокойная, а в деревне лишние люди только напугают.

Барон снова кивнул.

— Хорошо. И пусть Алиса едет не как хозяйка, которую нужно бояться, а как та, кто вернулся домой.

Я почувствовала, как внутри что-то тихо шевельнулось — не от гордости, а от того, что мне позволили быть не только властью, но и просто Алисой.

Мы выехали ближе к полудню. Солнце стояло высоко, и тени от деревьев ложились на дорогу тонкими чёрными штрихами. Я ехала на своей кобыле — спокойной, умной, с мягкой поступью, которая будто знала, что сегодня мне не нужно спешить. Рядом — Тимур на вороном жеребце, собранный, внимательный, время от времени бросавший взгляд по сторонам, проверяя, нет ли чего-то лишнего в тишине леса.

Дорога шла через луга, потом ныряла в редкий лес, где кроны смыкались над головой, и воздух становился прохладнее. Пахло сыростью, и чувствовалось что скоро весна. Здесь всё было знакомо до мелочей: поворот у старого дуба, где тропа делилась на две, ручей, который весной разливался так, что приходилось искать обходной путь, и дальше — пологий склон, с которого открывался вид на деревню.

Когда мы поднялись на этот склон, я невольно замедлила шаг. Внизу лежали аккуратные крыши, серые от времени, но крепкие. Из труб поднимался дым — значит, в домах было тепло. У колодца стояла женщина с ведром, дети бегали по тропинке, а у кузницы мелькнул знакомый силуэт — высокий, плечистый, с той самой походкой, которую я узнала бы даже издалека.

Антон.

Сердце вдруг забилось чуть быстрее — не от страха, а от странного, почти забытого чувства: я дома.

Тимур заметил, как я замерла.

— Узнала? — тихо спросил он.

— Да, — улыбнулась я. — Это он.

Мы спустились вниз, и первые взгляды, брошенные на нас, были настороженными. Чужие всадники, да ещё с оружием — в деревне быстро учились видеть в этом угрозу. Но потом кто-то разглядел меня, кто-то крикнул, и напряжение стало таять.

– Алиса! — Антон первым подошёл к нам, не дожидаясь, пока мы спешимся. В его глазах было удивление, а потом — облегчение. — Ты… ты в порядке? Мы слышали про усадьбу, про барона… думали, там всё рушится.

Я спешилась и подошла к нему, чувствуя, как привычная резкость его слов звучит теперь не как упрёк, а как забота.

— Всё в порядке, — сказала я, глядя ему прямо в глаза. — Барон жив. Усадьба на месте. И… я здесь не просто так.

Он чуть нахмурился, будто уже ждал плохих новостей.

— Нет, — я покачала головой. — Хорошие новости. Налог за деревню снижен. Барон подписал бумагу. Это не милость, Антон. Это признание того, что год был тяжёлым, и деревня не должна платить то, чего у неё нет.

Он замер, будто слова не сразу дошли до него. Потом медленно повторил:

– Снижен… Значит, не придётся продавать корову. Не придётся просить у соседей в долг до следующего урожая.

В его голосе было столько облегчения, что у меня сжалось сердце.

— Не придётся, — подтвердила я. — И ещё… барон готов помочь. Семена на посев, доски для ремонта, помощь с расчисткой берега. Не как подачка, а как поддержка, чтобы деревня могла встать на ноги.

Антон медленно кивнул, и в этом жесте было не только согласие, но и уважение — не к титулу, а к тому, что я не забыла, откуда пришла.

— Спасибо, — тихо сказал он. — Не тебе лично, а… справедливости. Давно её не видели.

Рядом уже собирались люди: староста деревни, женщины, несколько мужчин, которые обычно держались в стороне. Все хотели услышать сами, убедиться, что это не сон.

Тимур молча протянул мне свиток с печатью барона. Я развернула его и подняла повыше, чтобы все могли видеть:

— Вот бумага. В ней сказано, что налог пересчитан. И в ней же — обещание помощи. Барон не забыл про вас. И я не забуду.

Староста деревни шагнул первым:

– Говори прямо, Алиса. Не тяни. Мы привыкли, что хорошие слова быстро заканчиваются, а плохие остаются.

Я не стала обижаться на его прямоту. Наоборот — она была честной, как и положено здесь.

— Прямо, — кивнула я. — Налог снижен. Вот бумага с печатью барона. И вот список того, что деревня получит в помощь: семена, доски, инструменты. Это не на один день. Это чтобы вы могли нормально засеять поля и починить дома до следующей зимы.

Староста взял свиток, развернул его, долго вглядывался в ровные строки и тяжёлую восковую печать, будто пытался прочесть между букв, нет ли там подвоха. Потом поднял глаза — уже не с подозрением, а с осторожной надеждой:

— Значит, это всерьёз?

— Всерьёз, — твёрдо сказала я. — И если позже понадобится ещё что-то — скажите. Не через год. Не когда станет поздно. Сразу.

По рядам прошёл тихий вздох — не громкий, не торжественный, но такой, какой бывает, когда с плеч падает тяжёлый груз.

— Примем, — произнёс староста твёрдо. — И отплатим делом. Урожай будет, дома починим, дорогу к усадьбе расчистим. Пусть знают, что деревня не сидит сложа руки.

Где-то сбоку мелькнул ещё один знакомый силуэт. Дед. Он стоял чуть в стороне, не спеша подходить, будто боялся спугнуть этот редкий момент спокойствия. Но когда наши взгляды встретились, он чуть наклонил голову — и в этом наклоне было всё: гордость, тревога и тихая радость, что со мной всё в порядке.

— Здравствуй, дед, — сказала тихо, чтобы только он услышал.

— Здравствуй, девочка, — ответил он, и в его голосе не было упрёков, только усталость и облегчение. — Я знал, что ты не дашь нас в обиду. Даже если сама не верила, что сможешь.

Я чуть улыбнулась.

— Иногда приходится верить за двоих, — сказала я.

Он хмыкнул, будто соглашаясь с этим странным правилом жизни.

— Пойдём, — позвал он. — Чай остынет. Да и поговорить надо: про налог, про помощь, про то, как дальше жить будем.

Я кивнула и обернулась к Тимуру.

— Я ненадолго, — сказала ему. — Хочу просто побыть здесь немного. Как раньше.

Он улыбнулся — не широко, а так, будто понимал, что сейчас мне нужно не его защита, а просто тишина родного дома.

— Я тут, — спокойно ответил он. — Поговорю со старостой, узнаю, что нужно в первую очередь. И с Антоном — он лучше всех знает, где сейчас дыра в заборе, а где трещина в крыше.

Я вошла в дом вслед за дедом, чувствуя, как с каждым шагом напряжение дня тает, уступая место чему-то простому и настоящему: запаху свежего хлеба, скрипу половиц, тихому разговору, который не требует громких слов.

Позже, когда солнце уже клонилось к закату, мы снова вышли на улицу. Деревня жила своей обычной жизнью: кто-то чинил забор, кто-то носил воду, дети гоняли кур, и всё это теперь казалось не просто бытом, а силой — той самой, что держит землю, когда над ней собираются тучи.

Тимур подошёл ко мне, держа в руках список — не длинный, но чёткий: семена, доски, верёвки, инструменты. Рядом стояли Антон и староста, оба внимательно следили, чтобы в списке не оказалось ни лишнего, ни недостающего.

— Это то, что нужно в первую очередь, — сказал Тимур. — Остальное можно решить потом. Я отправлю гонца в усадьбу — пусть готовят подводы.

Староста кивнул:

— Сделаем так, чтобы каждая мера зерна и каждая доска пошли в дело. Мы не привыкли сидеть сложа руки.

Антон чуть улыбнулся мне — впервые за весь день без этой своей привычной настороженности:

— Видишь? Деревня держится. Просто ей иногда нужно, чтобы кто-то наверху это заметил.

Я посмотрела на этот список и вдруг поняла: это и есть управление. Не громкие приказы, не сражения, а вот это — знать, чего не хватает, и дать это вовремя.

— Спасибо, — сказала я тихо. — За то, что вы не даёте мне забыть, как всё устроено на самом деле.

Дед положил руку мне на плечо — крепко, по-своему, без лишних слов.

— Ты и сама не забудешь, — спокойно сказал он. — Пока помнишь, откуда ты.

Вечер накрыл деревню мягким сумраком. Кое-где уже зажигали огни, и тёплый свет из окон ложился на снег, будто обещая, что ночь будет спокойной.

Я стояла у калитки, собираясь попрощаться, когда ко мне подошёл Антон. Он не спешил, будто подбирал слова, и впервые в его движениях не было той привычной резкости — только тяжесть, которую он не хотел сбрасывать на меня.

— Ты уезжаешь, — сказал он просто, не спрашивая, а констатируя.

— Да, — кивнула я. — Мне нужно вернуться. Барон… он ещё слишком слаб. Без меня… — я запнулась, не желая произносить самое страшное, но Антон понял.

— Без тебя он не выстоит, — закончил он за меня и чуть наклонил голову, будто принимая эту правду, какой бы горькой она ни была. — Я слышал про эту зелёную дымку. Про то, что она держит его. И про твою силу. Ты нужна там.

Я хотела сказать, что мне жаль, что я бы осталась, если бы могла, но слова казались пустыми. Вместо этого я просто кивнула.

— Прости, — прошептала я. — Я бы хотела…

— Не извиняйся, — резко перебил он, но не со злостью — с болью, которую пытался спрятать. — Не надо. Ты делаешь то, что должна. И я… я горжусь этим.

Он сделал шаг ближе и вдруг тихо, почти шёпотом, произнёс:

— Знаешь, я всегда думал, что сила — это когда ты можешь сломать стену. А теперь вижу: сила — это когда ты можешь удержать целый мир, даже если он рушится. И ты… ты умеешь это делать.

Я подняла глаза, чувствуя, как в горле встаёт комок.

— Антон…

— Подожди, — снова перебил он, будто боялся, что если остановится, то не сможет сказать главное. — Я люблю тебя, Алиса. Всегда любил. С тех самых пор, как встретил тебя у дороги в лесу, как жили с тобой в пещере... Я любил тебя тогда, люблю сейчас. И буду любить, даже если ты будешь жить в усадьбе, а я — здесь.

Я замерла, не зная, что ответить. Не потому, что не чувствовала ничего — а потому, что мои чувства сейчас не могли стать опорой. Они могли только ранить.

– Я… — начала я, но он поднял руку, останавливая меня.

— Ничего не отвечай, — сказал он спокойно. — Не нужно. Просто знай. И знай ещё одно: если тебе когда-нибудь понадобится место, где можно просто выдохнуть, где тебя не будут просить быть сильной — это здесь. В этой деревне. У деда. У меня.

Я сжала пальцы, чувствуя, как зелёная дымка вокруг меня тихо пульсирует — будто сама сила понимала, что сейчас нужно не сражаться, а просто стоять и принимать эту правду.

— Спасибо, — прошептала я. — Этого… этого достаточно.

Мы собрались в дорогу. Тимур проверил упряжь, кивнул мне — мол, всё готово. Дед подошёл ко мне и просто обнял, крепко и коротко, как умел только он.

— Возвращайся, — тихо сказал он. — И не забывай: дом там, где тебя ждут. Даже если ты не можешь здесь остаться.

Я села на кобылу, последний раз оглянулась на деревню, на тёплый свет окон, на Антона, который стоял у калитки и не отводил взгляда.

— Я вернусь, — пообещала я, хотя и не знала, когда смогу сдержать это обещание.

И мы поехали — обратно к усадьбе, к барону, к делам, которые не могли ждать.

Луна уже поднималась над лесом, и её свет ложился на дорогу серебряной лентой. Рядом ехал Тимур, спокойный и собранный, будто знал, что сейчас лучше не задавать лишних вопросов.

— Он хороший человек, — тихо сказал он, не глядя на меня, а вперёд, на дорогу. — И он будет ждать. Не потому что надеется, что ты оставишь всё и вернёшься, а потому что знает: ты та, кто держит мир на месте.

Я глубоко вздохнула, чувствуя, как тяжесть слов Антона и тяжесть ответственности сплетаются в одну ношу — но теперь она не казалась невыносимой. Потому что я знала: есть место, где меня ждут. И есть место, где я нужна прямо сейчас.

Зелёная дымка вокруг меня чуть сгустилась, будто напоминая: впереди ещё долгий путь. Но сегодня я сделала что-то важное. Я защитила свой дом — и не позволила ему исчезнуть из моей жизни.

Вдруг всё внутри меня резко дёрнулось — не как боль, а как внезапный, ледяной укол, пронзивший грудь и отдавшийся в висках. Зелёная дымка вокруг меня вспыхнула, будто кто-то плеснул на угли масла, и стала гуще, плотнее, заструилась по коже, словно пытаясь найти выход.

«Барон…» — пронеслось в голове, и это было не воспоминание, а ощущение — как будто тонкая нить, связывавшая нас, вдруг натянулась до предела и вот-вот должна была лопнуть.

Не говоря ни слова, я крепче сжала поводья. Кобыла почувствовала перемену — её шаг стал напряжённым, чутким, готовым сорваться в бег.

Я влила свою силу в лошадь — не грубо, не ломая её волю, а сливаясь с ней, делясь этой зелёной вспышкой, позволяя ей почувствовать скорость не мышцами, а самой сутью движения.

Кобыла рванула с места — не просто в галоп, а в тот стремительный, почти невозможный бег, когда земля сливается в тёмную ленту, а ветер бьёт в лицо так, что слёзы текут не от ветра, а от скорости.

Вся вереница осталась позади — Тимур, двое всадников, даже вороной жеребец, который обычно мчался, будто знал дорогу лучше любого проводника. Никто не мог успеть за мной: моя скорость была не просто скоростью коня — это была скорость силы, рвущейся туда, где она была нужна больше всего.

Я слышала, как Тимур кричит что-то вслед, как стучит копытами его жеребец, пытаясь догнать, но расстояние между нами росло с каждым мгновением.

Деревья мелькали чёрными колоннами, тропа петляла, но кобыла будто видела её даже в темноте, угадывая каждый поворот, каждую яму, каждый камень. Сила вела нас, как компас, указывая кратчайший путь к усадьбе — туда, где сейчас решалось всё.

Зелёная дымка пульсировала в такт моему сердцу, и с каждым ударом я чувствовала: он жив. Пока жив. Но время тает, как лёд в костре.

Деревья слились в сплошную чёрную стену, тропа под копытами превратилась в размытую ленту. Кобыла летела, будто сама земля подталкивала её вперёд, а зелёная дымка вокруг меня гудела, как натянутая струна, готовая лопнуть от напряжения.

Я не видела дороги — я чувствовала её. Чувствовала, как с каждым ударом сердца нить, связывавшая меня с бароном, натягивается всё сильнее, как на ней появляются тонкие, едва заметные надрывы — будто кто-то резал её невидимым лезвием.

«Держись… Держись…» — шептала я, хотя слова терялись в рёве ветра.

Усадьба выросла из темноты внезапно — не величественной громадой, а тёмным силуэтом, в котором лишь редкие окна светились тусклыми точками, похожими на глаза, следящие за мной.

Ворота были закрыты — тяжёлые, окованные железом, с цепями, которые в обычное время никто не посмел бы тронуть. Но у меня не было «обычного времени».

Не снижая скорости, я влила силу в кобылу — не для того, чтобы сломать, а чтобы дать ей мгновение сверхчеловеческой мощи. Она рванула вверх, словно не земля держала её, а сама сила подбросила в воздух. Мы взлетели над воротами, на долю секунды зависнув над чёрными шипами наверху, и рухнули по ту сторону, на камни двора.

Кобыла покачнулась, но удержалась на ногах, тут же рванув дальше — к главному крыльцу, к высоким дверям, за которыми решалось всё.

Стражники у входа вскинули копья, но замерли, узнав меня — лицо в зелёной дымке, глаза, в которых не было ничего, кроме ледяной решимости.

— Не мешайте! — голос прозвучал не как крик, а как приказ, от которого воздух будто стал тяжелее. — Ни шагу. Ни звука.

Они отступили, опустив копья, и я ворвалась внутрь.

Покои встретили меня тишиной — густой, плотной, почти осязаемой, как бархат, который глушит все звуки. Пахло ладаном, травами и чем-то горьким, знакомым — запахом угасающей жизни. Свечи горели неровно, их пламя вздрагивало, будто само пространство здесь дрожало.

Барон лежал на высоком ложе, укрытый тяжёлыми мехами, которые сейчас казались не роскошью, а попыткой удержать тепло, ускользавшее из его тела. Лицо было бледным, почти прозрачным, тени легли так глубоко, что казалось, будто он уже наполовину растворился в темноте. Рядом суетились лекарь и две служанки, но их движения были суетливыми, беспомощными — они делали всё, что знали, но этого было мало.

Зелёная дымка рванулась вперёд, опережая меня, вытянулась тонкой лентой и ударила в грудь барона — не грубо, не разрывая кожу, а мягко, как дыхание, проникая туда, где жизнь цеплялась за последние нити.

— Нет! — крикнула я, и звук разлетелся по комнате, заставив всех замереть. — Не трогайте его! Не мешайте!

Лекарь поднял на меня испуганные глаза:

— Госпожа, он… он уходит. Мы ничего не можем…

— Можете, — процедила я, не сводя взгляда с барона. — Можете выйти. И не мешать.

Служанки метнулись к дверям, лекарь заколебался, но один мой взгляд — и он тоже отступил, исчез за тяжёлой портьерой, оставив нас одних.

Я подошла к ложу, опустилась на колени, не чувствуя ни холода камня, ни тяжести мехов. Протянула руку и положила ладонь на грудь барона, туда, где под тонкой кожей едва-едва билось сердце — как слабый свет далёкой звезды, готовый погаснуть.

Зелёная дымка заструилась из меня, оплетая его, не как верёвка, а как тёплый свет, который пытается согреть замёрзшего. Я чувствовала, как моя сила ищет разрывы в его жизненной нити, как пытается сплести их заново, заштопать то, что рвалось от каждого вдоха.

— Ты не имеешь права уходить, — прошептала я, и в голосе не было ни мольбы, ни слёз — только сталь, выкованная из страха. — Ты не можешь оставить всё это. Ты не можешь оставить меня одну разбираться с тем, что ты начал.

Его веки дрогнули, но не открылись. Дыхание стало чуть ровнее — не сильнее, но… осмысленнее, как будто он услышал меня даже там, на границе между мирами.

Нить внутри меня пульсировала, отдаваясь болью в висках, в груди, в кончиках пальцев. Я отдавала не просто силу — я отдавала часть себя, ту часть, которая держала меня на ногах, которая позволяла мне стоять прямо и смотреть в лицо буре.

— Держись, — повторила я, наклоняясь ближе, так, чтобы моё дыхание смешивалось с его. — Держись. Я здесь. Я не отпущу.

И вдруг нить, которая до этого рвалась, начала стягиваться. Не сама по себе — я тянула её, сплетала, заставляла держаться, как ткачиха, которая вплетает новую нить в старую ткань, зная, что если она ошибётся хоть раз, весь узор распадётся.

Барон резко выдохнул — не как умирающий, а как человек, который вынырнул из глубины, хватая воздух ртом. Его пальцы шевельнулись, сжались в кулак, потом снова расслабились.

— Алиса… — имя прозвучало так тихо, что я едва расслышала его. Но оно было. Оно было настоящим.

— Я здесь, — сказала я, и на этот раз голос не был стальным. В нём была усталость, облегчение и что-то ещё — то, что я боялась назвать, потому что боялась, что, назвав, отпущу эту тонкую грань, на которой мы балансировали.

Дверь распахнулась с грохотом, который в этой тишине прозвучал как раскат грома. На пороге стоял Тимур — взъерошенный, с расстёгнутым воротом, с потемневшими от бега глазами. Он замер, увидев меня на коленях у ложа, зелёную дымку, которая теперь не клубилась вокруг, а тянулась от меня к барону, как живая вена.

Он не бросился вперёд, не закричал, не стал задавать вопросов. Просто шагнул внутрь, закрыл дверь за собой и тихо сказал:

— Я здесь. Если тебе нужно будет встать — я буду держать. Если нужно будет кричать — я приму это. Если нужно будет просто сидеть и ждать — я посижу рядом.

Я кивнула, не отрывая взгляда от лица барона.

— Пока… пока просто стой. И следи, чтобы никто не вошёл.

Тимур подошёл ближе, встал у изголовья, положил руку на спинку ложа — не для опоры, а чтобы обозначить границу: сюда никто не пройдёт.

Барон снова вздохнул, и на этот раз в этом вздохе было не отчаяние, а… принятие. Его веки приоткрылись — на долю дюйма, но достаточно, чтобы я увидела знакомый холодный взгляд, который столько раз заставлял меня сжиматься от страха и столько же раз давал силы идти дальше.

— Опять… спасаешь… — прошептал он, и уголок его губ чуть дрогнул — не в улыбке, а в той самой усмешке, которая означала: «Я всё ещё здесь. И я не сдамся».

— А кто ещё? — тихо ответила я, чувствуя, как зелёная дымка начинает медленно отступать, не исчезая, но становясь тише, спокойнее, как море после шторма. — Кто ещё будет следить, чтобы вы не умерли в самый неподходящий момент?

Он попытался усмехнуться, но сил хватило только на слабый кивок.

— Неподходящий… момент… — повторил он. — Это… всегда… неподходящий…

Я сжала его пальцы — осторожно, чтобы не причинить боли, но достаточно крепко, чтобы он почувствовал: я не отпущу.

— Теперь он станет подходящим, — сказала я. — Потому что мы справимся.

Тимур тихо выдохнул, будто только сейчас позволил себе поверить, что худшее позади.

— Прикажете позвать лекаря? — спросил он, не сводя глаз с барона.

— Да, — кивнула я. — Но пусть заходит тихо. И пусть готовит не зелья, а то, что поможет ему просто жить: тёплое молоко, бульон, травы для сна. Сейчас ему нужно не волшебство, а жизнь. Обычная, простая жизнь.

Тимур кивнул и сделал знак одному из слуг, стоявших у двери.

А я осталась сидеть у ложа, держа пальцы барона в своих, чувствуя, как с каждой минутой нить между нами становится не просто связью силы, а чем-то большим — обещанием, которое мы дали друг другу, даже не произнося слов.

Где-то далеко, в деревне, Антон стоял у калитки и смотрел в сторону усадьбы, не зная, что сейчас там решается не только судьба барона, не только судьба земель, но и моя собственная. И даже если он не знал этого, он ждал — как ждал дед, как ждала вся деревня, которая вдруг поняла: пока Алиса держит эту нить, мир не рухнет.

Глава 23 « Солнце, что не греет »

Весна притворялась доброй: днём солнце пригревало так, что казалось — зима уже сдалась, и даже воздух будто становился мягче. Но ночью всё снова сковывало льдом, и утро встречало людей хрустящей коркой на лужах и стылым ветром, который будто смеялся над их надеждами. С карнизов падали тяжёлые капли, а там, где снег сошёл, проглядывали проплешины сухой травы — ломкой, мёртвой, как старые воспоминания.

Я стояла у окна в покоях барона и невольно тёрла пальцы — они всё никак не могли согреться. За ночь сапоги промокли насквозь, пока я обходила дальние дворы, проверяя, не просел ли навес над хлевом, не треснула ли крыша у вдовы Марфы. И теперь, в тепле, пальцы ныли от перепада — будто не радовались теплу, а злились на него.

Барон сидел в резном кресле, укрытый шерстяным кафтаном и поверх него — старым меховым плащом, который когда-то носил его отец. Он не просил помощи, но я видела, как он осторожно, почти незаметно, опирается локтем на подлокотник, чтобы не дрожали руки. Лицо было бледным, а под глазами залегли тени, глубокие, как трещины в замёрзшей земле. Но голос, когда он заговорил, звучал ровно — и от этой ровности становилось только страшнее: он нарочно не давал себе слабости.

— Деревня, — произнёс он, глядя не на меня, а на луч солнца, ползущий по полу. — Хочу отчёт. Не красивые слова. Не то, что ты скажешь, чтобы я не волновался. Хочу правду. Даже если она тяжёлая.

Я сжала пальцы в кулаки — не от злости, а чтобы унять дрожь, которая поднималась откуда-то изнутри, из самой усталости.

– Хорошо, — сказала я, и голос чуть дрогнул на первом слове. Я сделала паузу, чтобы выровнять его. — Зима была тяжелее, чем мы думали. У вдовы Марфы просел навес — мы подпёрли его брёвнами, но до тепла не простоит. Кузнецу не хватает угля — он экономит, кует только самое нужное. Мальчишка-подмастерье простудился, лежит с жаром, и кузнец ходит мрачнее тучи: боится, что парень не встанет до пахоты.

Барон медленно кивнул, не перебивая.

— Продолжай, — сказал он тихо. — Не сглаживай углы.

Я опустила взгляд на свои мокрые сапоги, будто они могли подсказать, как сказать остальное.

— Семена мы раздали, но не всем хватило на полный засев. Кто-то будет сеять в полряда, надеясь на дождь и удачу. Мост через овраг… — я запнулась, потому что это было самое плохое. — Мост не выдержит первой большой оттепели. Лёд уже пошёл трещинами, доски прогнили. Если мы не починим его сейчас, весной деревня останется отрезанной.

— Значит, чиним сейчас, — сказал он просто. — Пока лёд держит, пока земля не поплыла окончательно. Пусть Тимур соберёт людей. Пусть возьмут верёвки, брёвна, всё, что можно снять с пустых сараев. И пусть не тянут.

— Тимур уже готовит отряд, — кивнула я. — Но люди боятся. Говорят, что ходить по такому льду — самоубийство.

— Пусть боятся, — отрезал он, и тут голос его чуть дрогнул — не от гнева, а от усилия. Он прикрыл глаза на мгновение, будто свет вдруг стал слишком ярким. — Пусть боятся, но делают. Потому что если мы не сделаем это сейчас, бояться будет поздно.

Я хотела сказать, что уже отправила людей, что всё под контролем, но вдруг поняла, что не хочу врать ни ему, ни себе.

– Я не уверена, что этого хватит, — призналась я. — У нас мало рук. Мало сил. И… я не знаю, как удержать всё сразу.

Он помолчал, и в этой тишине было слышно, как капает вода с крыши — размеренно, равнодушно, будто время отсчитывало секунды, которых у нас становилось всё меньше.

— Ты не должна удерживать всё, — наконец сказал он, и голос стал тише, мягче, но от этого не слабее. — Ты не щит, Алиса. Ты — голос, который напоминает, ради чего мы держимся. Пусть Тимур ведёт людей на мост. Пусть староста собирает тех, кто может держать топор. А ты… ты пойдёшь к кузнецу. Узнай, сколько угля ему нужно, чтобы и работу тянуть, и печь не гасить.

Я чуть наклонила голову, собираясь возразить, но слова сами вырвались раньше, чем я успела их удержать:

— Барон… я ведь только недавно… еле успела, чтобы вернуть тебя. Я не хочу надолго уходить. Боюсь, что не успею, если… если тебе снова станет хуже.

Он чуть улыбнулся — не весело, а так, будто вспоминал что-то далёкое и горькое, из другой жизни, когда ему не приходилось взвешивать каждое слово, чтобы не выдать, насколько он слаб.

— Ты успеешь, — спокойно сказал он. — Не переживай. Я не собираюсь ускользать у тебя из рук второй раз. Не ради себя — ради того, чтобы увидеть, как ты станешь той, кем должна быть.

Я закусила губу, чтобы не сказать лишнего — не просить его держаться, не умолять не уходить. Это было бы не просьбой, а слабостью, а ему сейчас нужна была не слабость, а уверенность.

— Но сила… — прошептала я. — Я ведь только-только почувствовала, как она вернулась. Как будто не ушла, а просто притаилась, а теперь гудит внутри, словно ждёт дела.

— Вот и дай ей дело, — кивнул он. — Чем больше ты отдаёшь её туда, где она нужна, тем крепче она становится. Это не истощает тебя, Алиса. Это делает тебя настоящей.

Я медленно кивнула. Да, я это чувствовала. После той ночи, когда я тянула его обратно, казалось, что внутри осталась только пустота. Но потом, когда я помогла вдове Марфе удержать крышу, когда сняла жар у ребёнка в дальнем дворе — сила не утекала, она как будто звенела внутри, становилась чище, острее.

— Тогда я пойду к кузнецу, — сказала я уже твёрже. — Вылечу мальчишку. И скажу кузнецу, что усадьба не бросит их.

Он кивнул, принимая это как должное, но в его глазах мелькнуло что-то похожее на гордость.

— Вот и хорошо, — выдохнул он. — Иди. И не бойся тратить силу. Она для этого и дана.

Я уже повернулась к двери, когда он тихо окликнул меня:

— Алиса.

– Да?

— Когда вернёшься, расскажешь, как он открыл глаза.

Я улыбнулась — впервые за долгое время искренне, без усилия.

— Обязательно, — пообещала я и вышла, тихо прикрыв за собой дверь.

В коридоре было холодно, но я этого почти не чувствовала. Внутри меня теперь гудела та самая сила — не пустая, не выжатая, а собранная, готовая. Весна не ждала. И мы не могли ждать.

Я шла к кузнице, и с каждым шагом воздух становился тяжелее — не от сырости, а от запаха гари, железа и пота, который будто въедался в кожу. Кузница стояла на краю деревни, у самой опушки, где лес уже не прятал её за деревьями, но всё ещё нависал тёмной стеной, отбрасывая длинные тени. Снаружи, у порога, валялись обрезки железа, ржавые подковы и сломанные топоры — целая груда дел, которые ждали руки, а руки сейчас были заняты другим.

Дверь была приоткрыта, и сквозь щель вырывались рыжие всполохи: горн ревел, как живой, выплёвывая жар, который даже на морозе умудрялся гнуть воздух. Я толкнула дверь, и та скрипнула — будто сама кузница не хотела пускать меня внутрь.

Внутри было не просто жарко — здесь пахло отчаянием. В углу, на ворохе старых тряпок, лежал мальчишка. Его лицо пылало, кожа казалась тонкой, будто сквозь неё вот-вот прорвётся огонь. Он метался, бормотал что-то бессвязное, хватал воздух сухими губами, а каждый вдох давался ему с хрипом, будто лёгкие цеплялись за каждый глоток. Рядом, на корточках, сидел кузнец — огромный, почерневший от копоти, с лицом, застывшим в одной сплошной тревоге. Он держал руку мальчишки, но не знал, что с ней делать: сжимать, чтобы передать силу, или отпустить, чтобы не навредить.

Когда я вошла, он вскинул голову — и в его взгляде не было благодарности. Только подозрение, тяжёлое, как молот.

— Чего надо? — резко бросил он, будто боялся, что любое лишнее слово украдёт у него силы. — У меня тут не праздник. Тут беда.

Я не стала оправдываться. Я просто подошла — тихо, без размаха, без показной уверенности. Остановилась у изголовья, посмотрела на мальчишку: как дёргаются его ресницы, как вздуваются жилы на шее, как каждый вдох звучит, словно последний.

— Я помогу, — сказала я спокойно, не обещая невозможного, но и не сомневаясь.

Кузнец фыркнул, но в этом звуке было больше страха, чем злости.

— Чем? Словами? У меня уголь на исходе, травница уехала, а он горит, будто изнутри его поджигают.

— Не словами, — ответила я и положила ладонь ему на лоб.

в тот же миг воздух вокруг будто сгустился. Из моей руки потянулась зелёная дымка — не туман, не пар, а что-то живое, тёплое, будто свет, обретший форму. Она не вытекала, как вода из разбитого кувшина, — она расцветала, раскрывалась, как лист после долгой зимы. Дымка окутала мальчишку, обняла его, проникла в каждый вдох, в каждый удар сердца.

Я чувствовала, как жар уходит — не исчезает, а растворяется в этой зелени, становится частью чего-то большего. Боль в горле, которая стягивала его шею, как петля, начала слабеть, расплетаться. Мокрота в лёгких, тяжёлая и вязкая, будто сама искала выход — и нашла, смягчившись, став легче, чтобы мальчишка мог её откашлять. Очаги инфекции, крошечные, но злые, вспыхивали на миг — и гасли, как искры, попавшие в воду.

Мальчишка вдруг замер. Его пальцы, до этого судорожно сжимавшие тряпки, разжались. Лицо, искажённое болью, стало мягче. Хрип ушёл, сменившись тихим, ровным дыханием. Он приоткрыл глаза — мутные от жара, но уже не безумные — и тихо позвал:

— Отец…

Кузнец замер, будто его ударили. Потом медленно, неловко, будто забыл, как двигаться, наклонился к нему, прижал к себе — не крепко, чтобы не сломать, а так, будто держал самое хрупкое, что у него было.

— Тут я, тут, — прошептал он, и голос его дрогнул, но не от слабости, а от того, что он наконец мог выдохнуть. — Ты слышишь? Я тут.

Я убрала руку. Зелёная дымка не исчезла сразу — она задержалась ещё на мгновение, как будто проверяя, всё ли сделано, а потом тихо растаяла, впитавшись в воздух. Сила внутри меня не ушла — она не стала меньше. Наоборот, она будто уплотнилась, собралась в тугой, спокойный узел, как река, что нашла русло и теперь течёт ровно, но мощно.

Кузнец поднял на меня глаза — и в них уже не было недоверия. Только изумление, смешанное с чем-то, похожим на благоговение.

— Как… — начал он и замолчал, потому что слова не шли.

Я чуть улыбнулась — устало, но без сожаления.

— Он будет жить, — сказала я. — Но ему нужно тепло, покой и отвар из липы и чабреца. И уголь. Много угля, чтобы печь не гасла. Усадьба всё даст. Барон велел.

Кузнец кивнул, не сводя с меня глаз, будто пытался запомнить каждую черту — чтобы потом, когда страх снова подступит к горлу, вспомнить: была та, что пришла и забрала беду.

— Спасибо, — хрипло сказал он. — Я… я не верил. Прости.

— Не надо, — тихо ответила я. — Просто позаботься о нём. А я пойду — там ещё много тех, кому нужна помощь.

Я повернулась и вышла из кузницы, оставив за спиной жар горна и тихое дыхание мальчишки, который теперь мог дышать свободно. На улице воздух показался мне свежим, почти ледяным, но я не чувствовала холода. Внутри меня гудела сила — не пустая, не выжатая, а собранная, готовая к следующему делу.

Я шла по деревне, и сама не сразу заметила, как изменилась её поступь. Ещё недавно снег под ногами проваливался, цеплялся за сапоги, тянул вниз, будто земля не хотела отпускать. Теперь же следы ложились ровно, твёрдо, без лишней глубины — будто земля сама меня держала, признавала шаг. Я остановилась на миг, посмотрела на отпечаток сапога: он был чётким, не размытым, не дрожащим. И улыбнулась краешком губ — не от радости, а от странного, нового чувства: будто она наконец встала туда, где ей и положено стоять.

Путь к дому вдовы Марфы лежал через просёлок, где лужа у поворота уже не была льдом, а стала тёмной, вязкой жижей — предвестником большой воды. Тропа петляла мимо покосившихся заборов, мимо пустых сараев, чьи крыши просели под тяжестью зимы. Дом Марфы стоял чуть в стороне, у самой опушки, будто хотел спрятаться, но не мог — слишком уж заметна была прореха в крыше, которую они кое-как подпёрли брёвнами.

Я толкнула калитку — та скрипнула, но поддалась. На крыльце, прижимая к себе вязанку сырых дров, стояла сама Марфа — худая, сгорбленная, в старом платке, который, казалось, был старше её самой. Она подняла глаза, и в них мелькнуло то, что я слишком часто видела в эти дни: смесь надежды и страха, будто просить о помощи — значит признаться, что ты уже не можешь держаться.

Я шагнула в дом вдовы Марфы, и сразу стало слышно это мерное, упрямое: кап… кап… кап. Бадья в углу уже была полна почти до краёв, вода переливалась через край и собиралась в тёмную лужицу на половицах. Марфа стояла у окна, будто надеялась, что если не смотреть на лужу, она исчезнет сама собой.

— Простите, баронесса, — тихо сказала вдова, не оборачиваясь. — Я хотела сама подпереть… да сил не хватило, бревно-то тяжёлое…

Я не стала ничего обещать про плотников и мастеров. Вместо этого просто подошла к углу, где крыша просела, и посмотрела вверх: доски разошлись, стыки стали широкими, как щели в старых воротах, и сквозь них сочилась талая вода.

Сняла перчатки, положила их на сундук, будто сбрасывая всё лишнее, и взялась за край доски — шершавый, мокрый, скользкий от влаги. Пальцы сжались крепко, до белеющих костяшек.

— Держи тут, — коротко сказала я Марфе, показывая на соседнюю балку. — Если пойдёт — прижимай.

Вдова кивнула, дрожащими руками вцепилась в дерево.

Я потянула. Не магией, не дымом, а мышцами, спиной, всем весом, который вдруг стал твёрдым и собранным. Доска скрипнула, будто сопротивлялась, но поддалась — сдвинулась на ладонь, потом ещё на одну. Я стиснула зубы, чувствуя, как по виску ползёт капля пота, как напрягаются жилы на шее, как холод от мокрого дерева лезет под рукава.

— Ещё чуть-чуть, — выдохнула я. — Ещё…

И тут сила, та самая зелёная гудящая тяжесть внутри, не потекла наружу, а будто собралась в плечах, в ладонях, в ногах — стала опорой. Я рванула доску к себе, и дерево, мокрое и

неподатливое, вдруг встало на место, как зуб в челюсти, плотно, без щелей. Тут же схватила вторую, рванула её поперёк, прижимая к первой, и, не давая себе передышки, навалилась всем телом, вдавливая стык в стык.

Трещины, что были широкими, как пальцы, сомкнулись. Где-то внутри дерева что-то хрустнуло, и вдруг — тишина. Капанье оборвалось на полуслове. Бадья под крышей осталась полной, но новая вода больше не падала.

Опустила руки и глубоко, тяжело вдохнула. Ладони горели от заноз и сырого дерева, плечи ныли, будто я тащила по склону телегу. Но в груди было то самое чувство — не опустошения, а собранности: сила не ушла, она просто перешла в мышцы, в пот, в сбитые пальцы.

Марфа стояла, не шевелясь, и смотрела то на крышу, то на меня, будто боялась спугнуть момент.

— Теперь держись, — хрипловато сказала я, вытирая тыльной стороной ладони лоб. — До тепла хватит. А как лёд сойдёт — пришлю плотников. Это не волшебство, Марфа. Это просто доски, которые встали на место.

Вдова медленно кивнула, и в её глазах наконец мелькнуло не изумление, а простое, тёплое облегчение.

– Спасибо, — прошептала она. — Вы не просто баронесса. Вы… вы настоящая.

Я чуть улыбнулась — устало, но без лишней скромности.

— Я просто должна была помочь, когда надо, — сказала я и потянулась за перчатками. — А сейчас мне надо к мосту. Там тоже нужна моя помощь.

От дома Марфы я шла быстро, но не бежала — сберегала дыхание. У моста уже суетились люди, но никто не решался ступить на лёд: он и правда трещал, тонко и зло, как сухая ветка под сапогом. Тимур стоял на берегу, сжимая и разжимая кулаки, будто искал, за что ухватиться.

Рядом с ним был Антон — он молча держал моток верёвки, но по тому, как он смотрел на пролёты, было видно: он тоже не знал, с чего начать.

— Нельзя тянуть, — сказал Тимур, едва завидев меня. — Но и гнать людей на лёд — всё равно что гнать на смерть.

Антон чуть наклонил голову, будто хотел что-то сказать, но сдержался — только крепче сжал верёвку.

Я подошла к краю, посмотрела на мост: доски провисли, между ними зияли щели, сквозь которые виднелась тёмная, быстрая вода. Перила держались на одном упрямстве.

— Тогда я покажу, — спокойно сказала я. — Не магией. Руками. Пусть видят, что можно держаться.

Не стала ждать ответа. Подошла к пролёту, где доски разошлись сильнее всего, и опустилась на колено прямо на лёд, не думая о том, как промокают штаны. Взялась за две крайние доски — одну левой, другую правой, пальцы впились в дерево, ногти почти царапали гнилую поверхность.

— Тимур, помоги! — крикнула я, не оборачиваясь. — Держи край! Пусть не ползёт!

Тимур метнулся ко мне, встал рядом, упёрся сапогами в лёд, схватил доску и потянул на себя, выравнивая.

— Антон! — рявкнула я, почти не глядя. — Верёвку! И доску — ту, что потолще!

Антон не замешкался ни на миг. Бросил моток — верёвка легла ровно, без узлов, прямо мне под руку. Тут же подхватил тяжёлую доску, которую мужики вытащили из старого сарая, и подал её, перехватив так, чтобы мне не пришлось тянуться.

Я рывком подтянула вторую доску, прижала её вплотную к первой. Дерево протестующе застонало, но встало. Щель исчезла.

— Сюда! — выдохнула я, показывая место. — Клади поперёк!

Антон положил доску точно, как будто всю жизнь только этим и занимался. Я навалилась грудью, вдавливая её в стык, где дерево уже начало гнить. Тимур тут же накинул верёвку, затянул узел — крепко, надёжно, без лишней суеты.

Так и пошло: я хватала, прижимала, заставляла доски встать вплотную, чтобы вода не пробивалась сквозь щели. Антон подавал то доску, то брус, то моток верёвки — и каждый раз так, будто заранее знал, что мне понадобится в следующую секунду. Тимур держал, выравнивал, не давал конструкции ползти в сторону. Остальные мужики, сперва стоявшие в нерешительности, понемногу втянулись: кто-то таскал доски с берега, кто-то держал верёвки, кто-то подставлял плечо там, где лёд особенно предательски похрустывал.

Лёд трещал. Вода бурлила внизу. Но доски держались.

Когда мы дошли до середины, Тимур остановился на миг, чтобы перевести дух, и посмотрел на меня — на мои мокрые волосы, на сбитые костяшки, на взгляд, в котором не было ни страха, ни восторга, только упрямая ясность.

— Ты не магией это делаешь, — тихо сказал он. — Ты просто не даёшь всему развалиться.

Я криво улыбнулась, вытирая рукавом лицо.

— Магия — это когда ничего не делаешь, а всё само получается, — выдохнула я. — А тут… тут просто руки. И спина. И немного упрямства.

Антон хмыкнул, но в этом звуке не было насмешки — только согласие.

— И ещё пара крепких рук, — буркнул он, протягивая мне новую верёвку. — Давай дальше. Тут ещё половина пролёта.

Я кивнула.

— Давай, — сказала я. — Держи крепче.

И мы пошли дальше — шаг за шагом, доска за доской, пока мост не перестал быть ловушкой и снова стал дорогой. Каждый узел, каждый прижатый стык, каждый поданный брус — всё это было не чудом, а общим делом, где я брала на себя тяжесть, Антон — точность, Тимур — твёрдость, а остальные — силу, которую отдавали без лишних слов.

Мы закрепили последнюю балку, и Тимур выдохнул, будто только сейчас разрешил себе поверить, что мост теперь не рухнет.

— Вроде бы получилось, — тихо сказал он, постучав костяшками по свежей доске. — Держится…

Антон размотал остатки верёвки, аккуратно свернул моток и положил на край пролёта.

— Надо ещё пару подпорок поставить, пока лёд не ушёл, — бросил он, но в голосе уже не было той напряжённой резкости, что была час назад.

Я кивнула, хотела сказать, что помогу, но вдруг замерла. Что-то щёлкнуло внутри — не сила, не магия, а то самое чувство, когда кожей ощущаешь чужой взгляд, даже если никого не видишь. Я медленно подняла голову, скользнула взглядом вдоль берега — туда, где лес подступал к воде почти вплотную, а между деревьями темнели узкие проходы. И там, у кромки, на влажной земле, чётко отпечатались следы. Не звериные. Человеческие. Свежие — так, будто человек стоял тут минуту назад и смотрел, как мы тянем доски, как держимся на льду.

Сердце дёрнулось и забилось быстрее — не от страха, а от упрямого, резкого понимания: он был здесь. Совсем недавно. И ушёл, когда мы уже почти закончили.

— Алиса? — Тимур заметил, как я застыла, и тут же напрягся, будто ждал удара. — Что?

Я не ответила. Просто сорвалась с места — не шагом, не бегом, а тем самым рывком, когда сила внутри не уходит, а собирается в тугой комок и выталкивает вперёд. Я рванула вдоль берега, по скользкой земле, перепрыгивая через коряги, не глядя под ноги, чувствуя только одно: он ушёл недавно. Совсем недавно.

Ветер хлестал по лицу, мокрые волосы липли ко лбу, но я не чувствовала холода. Только этот след — чёткий, с глубоким отпечатком каблука, будто человек на миг замер, вглядываясь

в нас. Я бежала, и в груди гудело то самое зелёное пламя — не для магии, не для света, а для скорости, для того, чтобы не дать ему уйти.

— Алиса, стой! — голос Тимура долетел откуда-то сзади, но я уже не могла остановиться. Если я сейчас замешкаюсь хоть на секунду — след исчезнет, запах унесёт ветром, и я потеряю его.

Я свернула в лесную просеку, где земля была мягче, и там, на влажном мху, след отпечатался ещё чётче. Я притормозила на миг, закрыла глаза, пытаясь не просто увидеть, а почувствовать — тепло, запах, движение воздуха. И почувствовала: он ушёл быстро, но не бежал. Шёл ровно, уверенно, будто знал эти тропы. И он был один.

— Кто ты? — прошептала я, сама не зная, говорю ли это вслух или только в голове. — Зачем ты смотрел?

И тут впереди мелькнуло движение — не тень, не птица, а именно человек: тёмный силуэт скользнул между стволами и пропал.

Я рванула вперёд, не думая ни о корнях, ни о скользкой земле. Ветки хлестали по рукам, цеплялись за одежду, но я продиралась дальше, чувствуя, как сила внутри гудит, подгоняя, заставляя двигаться быстрее.

Но когда я выскочила на небольшую поляну, там уже никого не было. Только ветер шевелил траву, да на земле темнели свежие следы — они обрывались у поваленного дерева, будто человек шагнул в тень и растворился.

Я остановилась, тяжело дыша, и опустила голову, пытаясь унять этот бешеный стук сердца. Ладони горели, колени подрагивали от напряжения, но внутри всё ещё гудела эта упрямая нота: я почти догнала. Почти.

— Алиса! — Тимур выбежал на поляну первым, за ним следом — Антон. Оба тяжело дышали, лица в каплях дождя или пота, глаза напряжённые.

— Ты с ума сошла? — выдохнул Тимур, хватая воздух. — Лёд, мост, а ты…

Я подняла руку, останавливая его.

— Там был кто-то, — сказала я, показывая на следы. — Совсем недавно. Он стоял и смотрел, как мы чиним мост.

Тимур подошёл, наклонился, провёл пальцем по отпечатку.

— Свежий, — пробормотал он. — Совсем свежий.

Антон молча обошёл поляну по кругу, посмотрел на сломанную ветку, на примятую траву.

— Ушёл туда, — коротко бросил он, кивая в сторону оврага. — Быстро, но не бегая. Будто знал, куда идти.

— Я должна его догнать, — сказала я, снова чувствуя, как внутри собирается эта сила. — Он что-то знает. Или следит. Я не могу просто так оставить это.

Тимур посмотрел на меня долго, будто взвешивая каждое слово.

— Тогда не одна, — наконец сказал он. — Если ты идёшь — я с тобой. И Антон.

Антон коротко кивнул.

— Идём, — сказал он спокойно. — Но без глупостей. Если это ловушка — нам надо держаться вместе.

Я хотела возразить, сказать, что справлюсь сама, но вдруг поняла: сейчас не время доказывать, что я могу всё одна. Сейчас нужно, чтобы рядом были те, кто не даст оступиться.

— Хорошо, — выдохнула я. — Вместе. Но быстро. Пока след не остыл.

Мы двинулись дальше — трое, плечом к плечу, пробираясь через лес, туда, куда вели эти свежие, чёткие следы.

Мы шли быстро, но уже не бежали — в овраге тропа стала предательски скользкой: корни торчали, как когти, а мокрая глина норовила утянуть сапоги вниз. Я шла впереди, низко накло-

нив голову, будто могла вынюхать этот след, как зверь. И в какой-то момент — вдруг — что-то щёлкнуло внутри. Не сила, не магия, а память тела.

Этот запах. Не просто запах леса, сырости и мокрой коры. В нём была примесь чего-то знакомого — горьковатого, как дым от старого очага, и чуть пряного, будто человек носил с собой сухие травы. И ритм шагов… ровный, тяжёлый, без суеты — так ступает тот, кто привык нести на себе груз и не жаловаться.

Я резко остановилась, подняла руку, и Тимур с Антоном замерли за моей спиной, даже не скрипнув подошвами.

— Он… — я запнулась, потому что сама не верила тому, что складывалось в голове. — Я знаю эти шаги.

Тимур нахмурился.

— Откуда? Ты же никого не ждала.

Я покачала головой, не от уверенности, а от того, как сильно всё внутри дрожало от этого узнавания.

— Не ждала. Но слышала. Много раз. По коридорам усадьбы. В библиотеке, когда думала, что одна. Это… это кто-то из своих.

Антон тихо выругался себе под нос, но в этом звуке не было злости — только холодная ясность.

— Тогда тем более не беги вперёд, — спокойно сказал он. — Если это свой — значит, тут не просто любопытство. Тут дело.

Я хотела возразить — сказать, что должна догнать, должна спросить прямо: «Зачем ты следил?» — но слова застряли. Потому что если я права… если это тот, кого я знаю… тогда всё становится страшнее. Не чужой враг, а своя трещина в стене, которую я не замечала.

Тропа нырнула вниз, к ручью, где вода бурлила, сбивая пену на камнях. И тут, на мокром камне у самой воды, отчётливо отпечатался след — тот самый, с глубоким каблуком, будто человек на миг замер, прислушиваясь. А потом… шаг в сторону. Не на тропу, а в заросли папоротника, туда, где земля была мягкой и влажной.

Я шагнула туда, раздвинула мокрые листья — и вдруг увидела не просто след, а ещё одну деталь: на стебле папоротника висел крошечный обрывок ткани. Тёмный, плотный — такой носят те, кто не хочет выделяться. И цвет… такой же, как у плаща…

Внутри всё оборвалось. Я знала этот оттенок. Видела его в свете лампы, когда он стоял у окна и смотрел на двор, будто искал, за что зацепиться взглядом.

— Это он, — прошептала я, и голос прозвучал чужим, слишком тихим. — Это… советник.

Тимур тихо выдохнул, будто кто-то ударил его под дых.

— Советник? Но он же… он с бароном. Он же помогал…

— Помогал, — повторила я, и в груди всё сжалось от этой простой правды. — И поэтому он знает каждый шаг. Знает, когда мы слабы. Знает, где трещина.

Антон медленно наклонился, осторожно снял обрывок ткани двумя пальцами, не сминая.

— Значит, он не просто смотрел, — тихо сказал он. — Он проверял. И ушёл, когда понял, что вы все сделали.

Я сжала кулаки. Пальцы дрожали не от холода, а от этой странной смеси ярости и боли — будто тебе протянули руку, а потом тихо убрали её, пока ты не заметила.

— Надо вернуться, — сказал Тимур, и в его голосе не было приказа — только забота, тяжёлая, как щит. — Надо сказать барону. Пусть решает, что делать.

Я кивнула, но не сразу — сначала ещё раз посмотрела туда, где папоротник колыхался, будто кто-то только что прошёл сквозь него.

— Да, — наконец сказала я. — Вернёмся. Но… я должна сама ему сказать. Барону. Не через кого-то. Прямо.

Антон выпрямился, сунул обрывок ткани за пояс.

— Тогда идём, — коротко бросил он. — И держись рядом. Если советник что-то задумал — сейчас не время быть одной.

Мы выбрались из оврага, и когда лес наконец расступился, открывая вид на деревню и тот самый мост, который мы только что починили, я вдруг поняла одну вещь: этот мост держался не потому, что доски встали в стык. Он держался, потому что мы стояли рядом и не давали ему рухнуть.

И теперь мне предстояло сделать то, что было тяжелее любого рывка по скользкому льду: подойти к барону и сказать: «Тот, кому ты доверял, стоял и смотрел, как мы пытались починить мост. И я не знаю, зачем».

Я стояла у двери в покои барона, сжимая и разжимая пальцы, будто пыталась стряхнуть с них сырость оврага и тяжесть того, что собиралась сказать. В комнате было тихо — слишком тихо для конца дня, когда по коридорам обычно снуют слуги, гремят подносами, шепчутся у дверей. И эта тишина вдруг стала колючей, будто воздух сам подсказывал: не входи. Не сейчас.

Я медленно повернула голову — не резко, а так, будто что-то холодное скользнуло по затылку. В дальнем конце коридора, там, где свет масляной лампы ложился на пол косым прямоугольником, стоял советник. Он будто только что вышел из тени — или будто всегда там был, просто я не замечала. Плащ на нём был тот самый — тёмный, плотный, и на плече темнело мокрое пятно от дождя или росы. Он смотрел прямо на меня, но не с вызовом, а с той спокойной уверенностью человека, который знает: он успел раньше.

Внутри что-то щёлкнуло — не мысль, не решение, а чистая, острая ярость, которая не спрашивала разрешения. Сила, зелёная, тяжёлая, рванулась наружу не дымом, не светом, а волной — такой, что факелы в коридоре мигнули, а тени на стенах дрогнули, будто их оттолкнуло. Мои глаза вспыхнули зелёным пламенем — не от магии, а от того, как эта сила собралась в самой глубине, в точке, где кончается терпение.

Я рванула к нему — не шагом, не бегом, а одним длинным, хищным рывком, который сжёг расстояние между нами. Он даже не успел поднять руку — я схватила его за плащ, рванула вперёд и впечатала спиной в каменную стену так, что из-под его сапог брызнули крошки штукатурки. Камень глухо охнул, будто сам удивился такой силе.

— Ты стоял и смотрел, — прошипела я, и голос мой звучал низко, почти не по-моему, как будто говорила не я, а сама эта ярость. — Смотрел, как мы тянем доски, как держимся на льду, как пытаемся починить мост, что рассыпается. Зачем?

Он не пытался вырваться — только чуть наклонил голову, будто рассматривал меня с новым, холодным интересом.

— Ты дышишь гневом, баронесса, — спокойно сказал он, и в этом спокойствии было что-то страшнее крика. — А гнев делает ошибки.

— Не называй меня так, когда ты прятался в тени, — выдохнула я, сильнее вдавливая его в стену, но не до боли — до предела, чтобы он чувствовал: я могу сломать, если захочу. — Ты знаешь, как слаб барон. Знаешь, как мало у нас людей. И ты стоял и смотрел. Скажи зачем.

На миг в его глазах мелькнуло что-то — не страх, не злость, а усталое признание: да, ты поймала.

— Я смотрел, чтобы понять, — тихо сказал он. — Чтобы увидеть, сможешь ли ты стать тем якорем, который удержит всё, когда его не станет.

Слова ударили холоднее любого ветра. Я чуть отпустила плащ, но руку не убрала — держала, как держат поводья, когда лошадь вот-вот сорвётся в галоп.

— Это не оправдание, — прошептала я, и зелёное пламя в глазах чуть померкло, но не погасло — оно теперь горело ровно, как лезвие. — Следить — это не помогать. Смотреть, как другие падают — это соучастие.

Советник чуть склонил голову — не в поклоне, а в признании, что удар попал в цель.

— Возможно, — спокойно ответил он. — Но в этом замке мало тех, кто способен держать. Я искал того, кто сможет. И, кажется, нашёл.

Я резко отступила на шаг, отпуская его, но не сводя глаз. Пламя в них стало тише, но не исчезло — оно теперь не рвалось наружу, а горело внутри, как фонарь в бурю.

— Держать — это стоять рядом, — сказала я, и голос снова стал моим, твёрдым, без дрожи. — Это подавать доску, держать верёвку, не прятаться в тенях. Если ты хочешь, чтобы я держала — будь здесь. Не смотри. Делай.

Он медленно поправил плащ, провёл ладонью по камню там, где его вдавили в стену, будто проверял, остался ли след.

— Хорошо, — тихо сказал он. — Я буду здесь.

И в этот момент дверь в покои барона тихо скрипнула. Мы оба обернулись. Барон стоял на пороге — бледный, но прямой, в том же меховом плаще, и смотрел на нас так, будто видел не ссору, не ярость, а что-то большее: момент, когда замок выбирал, кто будет держать стены.

— Алиса, — тихо позвал он, и в его голосе не было упрёка. — Подойди. Расскажи, что случилось.

Я на секунду задержала дыхание, потом кивнула. Прошла мимо советника — не задевая, но и не уступая дороги. Остановилась перед бароном, чувствуя, как зелёное пламя внутри становится не яростью, а решимостью.

— Расскажу, — сказала я. — Но сначала хочу, чтобы ты знал: мы починили мост.

Барон чуть наклонил голову — и в этом движении было всё: доверие, усталость и тихая гордость.

Глава 24 « Когда тень становится врагом »

Я вошла в покои барона, и тепло очага ударило в лицо — после сырого ветра и мокрого леса оно казалось почти обжигающим. Барон не стал усаживать меня в кресло, не стал предлагать вина — он просто стоял у окна, чуть ссутулившись, будто тяжесть дня легла ему на плечи, и смотрел так, будто хотел прочесть на моём лице то, что я ещё не успела сказать.

— Рассказывай, — тихо сказал он, не поворачиваясь. — Всё.

И я рассказала. Без прикрас, без попыток сгладить углы. Про то, как мы с Тимуром и Антоном тянули доски, как лёд трещал под сапогами, как люди, сперва стоявшие в стороне, понемногу втянулись — кто верёвку держал, кто брус подавал. Про следы у берега — свежие, будто человек стоял и ждал, пока мы закончим. Про овраг, про обрывок ткани на папоротнике. И про советника — как я прижала его к стене, как в глазах у меня горело зелёное пламя, как он спокойно сказал, что проверял, смогу ли я стать тем якорем, который удержит всё, когда его не станет.

Когда я замолчала, в комнате стало слышно только, как потрескивают дрова в очаге. Барон медленно повернулся, подошёл к столу, налил в два простых глиняных кубка тёплого сбитня — не для вкуса, а чтобы было за что держаться руками. Один протянул мне.

— Спасибо, что не стала прятать это, — сказал он, и голос его звучал устало, но ровно. — Когда начинают прятать — вот тогда и рушится всё.

Я кивнула, обхватила кубок ладонями, чувствуя, как тепло медленно ползёт по пальцам.

— Но я не уверена, что поступила правильно, — призналась я. — Схватить его, прижать к стене… Это было не решение, а ярость.

Барон чуть наклонил голову.

— Ты поступила так, как могла в ту секунду. А теперь нам нужно думать не о том, правильно ли ты сорвалась, а о том, что делать дальше.

Я глубоко вдохнула, собираясь с мыслями.

— Следы были свежими, — сказала я твёрдо. — И я не верю, что тот, кто стоял и смотрел, был один. Если кто-то проверяет, насколько мы слабы, он не станет полагаться на одного человека. Значит, где-то рядом могут быть другие.

Барон помолчал, постукивая пальцами по краю стола — единственный признак того, что внутри у него всё напряжено, как тетива.

— Значит, надо проверить дальние тропы, — наконец произнёс он. — Лес, броды, старые дороги к северному склону. Если там кто-то есть, мы должны их увидеть раньше, чем они увидят нас.

— Тимур может собрать людей, — предложила я. — Он знает, кто из деревенских ходит по лесу, кто замечает сломанную ветку, а кто просто боится теней. Пусть возьмёт тех, кто не побежит при первом шорохе.

Барон кивнул.

— Хорошо. Пусть собирает. Но не толпу, а небольшой отряд. Нам нужна тишина, а не топот.

Я чуть подалась вперёд.

— И ещё… советник. Его тоже нужно проверить. Не потому что я ему не верю — а потому что он сам сказал, что «проверял» меня. Если он искал, кто сможет держать, значит, он уже готовится к чему-то. К тому, что может случиться.

Барон посмотрел на меня долго, будто взвешивая каждое слово.

— Ты хочешь, чтобы я перестал ему доверять? — спросил он спокойно.

— Нет, — ответила я, глядя ему прямо в глаза. — Я хочу, чтобы ты знал: тень, которая раньше была просто тенью, теперь может стать врагом. И если он всё ещё на нашей стороне —

пусть докажет делом. Пусть пойдёт с отрядом. Или пусть останется здесь и покажет, что замок в безопасности. Но нельзя делать вид, что ничего не произошло.

Уголок губ барона чуть дрогнул — не улыбка, а скорее горькое признание правоты.

— Ты говоришь как баронесса, — тихо произнёс он. — Не как та, кто хочет власти, а как та, кто готова её нести.

Я не стала кланяться и не стала благодарить. Просто кивнула.

— Тогда я пойду к Тимуру, — сказала я. — Пусть собирает людей. А я… я поговорю с советником. Не чтобы давить, а чтобы понять: куда он смотрит и что видит.

Барон снова кивнул, уже решительнее.

— Иди. И пусть всё будет тихо. Без криков, без обвинений. Мы не можем позволить страху разойтись по деревне раньше нас.

Я поставила кубок на стол, выпрямилась. Пальцы всё ещё слегка дрожали от холода и напряжения, но в груди теперь было не смятение, а чёткая, холодная ясность: мы починили мост, но опасность не ушла — она просто сменила форму. Из трещины в крыше и льда под ногами она превратилась в чьи-то шаги по мокрой земле и в слова, сказанные слишком спокойно.

Выйдя из покоев, я на мгновение остановилась в коридоре. Советник стоял у поворота — не прятался, не убегал, просто ждал. Его лицо было непроницаемым, но в глазах мелькнуло что-то, похожее на уважение.

— Барон хочет проверить тропы, — сказала я, подходя ближе, но не слишком. — Тимур собирает отряд. Ты пойдёшь с ними или останешься здесь?

Советник чуть склонил голову, будто примеряя на себя эти два пути.

— Я пойду с отрядом, — спокойно ответил он. — Если кто-то следит, лучше, чтобы я был там, где его заметят первым.

На миг мне стало легче. Не потому, что я ему поверила, а потому, что теперь у нас была общая задача. И пока мы делаем одно дело, у нас есть время понять, кто он на самом деле.

— Хорошо, — сказала я. — Тогда идём к Тимуру. Пусть решает, кого брать и куда идти.

Мы двинулись по коридору — я впереди, советник чуть позади, и между нами висело не молчание, а напряжённая тишина, в которой каждый шаг отдавался эхом: теперь мы шли не как баронесса и советник, а как двое, которым предстояло вместе держать линию обороны. И никто из нас не знал, выдержит ли она.

Мы вышли к кромке леса, когда солнце уже цеплялось за верхушки деревьев последними косыми лучами. Сумерки стелились по земле, смешиваясь с туманом, который тянулся от реки, будто хотел укутать ноги и не пустить дальше. Отряд был небольшой — ровно восемь человек, как и велел барон: тишина важнее числа.

Впереди шёл Тимур — он не делал вид, что не волнуется: пальцы то и дело сжимались в кулаки, а взгляд метался от тропы к кустам, словно он пытался заранее поймать любой неверный шорох. Рядом с ним шагал советник Александр Павлович — прямой, собранный, без лишних движений. Он не пытался казаться своим, но и не держался отстранённо: просто шёл и смотрел, будто запоминал каждый камень, каждый наклон ветки.

Антон замыкал строй, но не потому, что прикрывал тыл — просто он всегда так делал: оставлял себе возможность видеть всех сразу. Его лицо было спокойным, но я знала этот взгляд — он был готов ко всему. Четверо следопытов и охотников шли между нами: двое из них были почти бесшумны, как тени, ещё один ступал тяжело, но уверенно, а последний — молодой парень с луком за спиной — всё время косился на меня, будто пытался понять, зачем баронесса вообще пошла в лес.

Я шла посередине, не стараясь быть ни впереди, ни позади. Просто чувствовала тропу под сапогами, запах сырой хвои, горький привкус дыма, который ещё держался в воздухе с утра. И вдруг… всё это стало слишком чётким. Как будто кто-то выкрутил резкость.

Я резко остановилась. Не потому, что услышала звук — наоборот, стало тихо. Слишком тихо. Птицы, которые ещё минуту назад перекликались где-то в кронах, вдруг замолчали. Даже ветер, шелестевший листвой, будто задержал дыхание.

Тимур обернулся, нахмурился:

— Алиса?

Я подняла руку, не говоря ни слова. Прислушалась не ушами — кожей, тем самым внутренним чутьём, которое в последние дни стало острее, чем любой нож. И поняла: наблюдают. Но не из кустов, не из тени у корней. Сверху. С ветвей.

— Не шевелитесь, — прошептала я, и голос прозвучал хрипловато, будто я проглотила комок сырого воздуха. — Они наверху.

Советник Александр Павлович не дёрнулся, не вскинул голову — только чуть наклонил её, как человек, который привык доверять инстинктам, даже если они чужие.

— Сколько? — тихо спросил он.

Я закрыла глаза на секунду, пытаясь поймать направление этого взгляда — холодного, внимательного, будто кто-то водил остриём по моей спине.

— Двое. Может, трое. В кронах, там, где ель смыкается с берёзой. Они не двигаются, но… они ждут.

Молодой охотник с луком медленно, очень медленно потянулся к оружию, но Антон коротко мотнул головой:

— Тихо. Если выстрелишь — они прыгнут. Или начнут падать сверху, как камни. Нам нужно, чтобы они остались там.

Тимур сжал рукоять ножа, но не вынул его — просто держал, как держат опору, когда земля уходит из-под ног.

— Что делаем? — спросил он, глядя на меня.

Я медленно подняла голову. Сквозь переплетение ветвей пробивались последние лучи, и в этой полутьме я пыталась разглядеть хоть тень, хоть движение. И вдруг заметила: на толстой ветке, почти сливаясь с корой, сидел человек. Не шевелился. Только глаза чуть блеснули, когда луч скользнул по ним. Рядом, чуть выше, угадывался ещё один силуэт.

— Они не нападают, — тихо сказала я. — Они смотрят. Как тогда у моста.

Александр Павлович чуть склонил голову, будто прикидывая что-то в уме.

— Значит, разведка, — спокойно произнёс он. — Если бы хотели ударить — уже ударили бы. Они считают нас. Смотрят, сколько нас, кто главный, кто нервничает, кто готов драться.

— Тогда пусть видят, — вдруг сказала я, и сама удивилась, насколько твёрдо это прозвучало. — Пусть видят, что мы не испугались.

Я сделала шаг вперёд, не прячась, не пригибаясь. Остановилась под самой кроной, туда, где тень от ветвей падала на землю чёрным пятном.

— Я знаю, что вы там, — сказала я громко, но без вызова — просто как факт. — Вы считаете нас. Считайте. Нас восемь. И мы не уйдём, пока не узнаем, кто вы и зачем пришли.

На ветке что-то шевельнулось. Не прыжок, не движение к бегству — скорее, удивление. Будто они не ожидали, что кто-то заговорит с ними прямо в лицо.

И тут сверху раздался голос — негромкий, с лёгкой насмешливой интонацией, но без злобы:

— А ты смелая, баронесса. Или глупая.

Из тени на ветке медленно сполз человек — не огромный, не грозный, а обычный мужчина в тёмной одежде, сливающейся с корой. Он легко спрыгнул на землю, приземлившись почти без звука, и остановился в трёх шагах от меня. За ним, чуть осторожнее, спустился второй. Третий остался наверху — как страховка.

— Кто вы? — спросила я, не делая ни шага назад. — И зачем следите?

Мужчина на земле чуть склонил голову, разглядывая меня, потом скользнул взглядом по Тимуру, по Антону, задержался на советнике.

— Мы не враги, — спокойно сказал он. — Пока. Мы те, кто смотрит, чтобы не пришли настоящие враги.

Тимур напрягся, будто собирался рвануться вперёд, но я подняла руку — останавливая не его, а саму эту вспышку ярости.

— Объясни, — сказала я. — Прямо. Без загадок.

Мужчина вздохнул, будто ему надоело прятаться.

— Нас наняли, — просто сказал он. — Не против вас. А чтобы следить за теми, кто ходит по этим тропам. В последнее время тут стало слишком много чужих следов. И если кто-то решит ударить по вашей усадьбе — мы должны успеть предупредить.

Александр Павлович сделал шаг вперёд — не угрожающе, но так, чтобы его голос звучал весомо:

— Кто нанял?

Человек чуть усмехнулся.

— Тот, кто понимает, что лес — это не только деревья. И что тишина в нём стоит дорого.

Он не назвал имени. Но по тому, как он это сказал, и по тому, как советник чуть расслабил плечи, я поняла: он знает, о ком речь.

— Если вы знаете тропы, — сказала я, — тогда помогите нам. Не как тени в ветвях. А как те, кто видит дальше нас.

Мужчина помолчал, потом медленно кивнул.

— Хорошо, — сказал он. — Мы пойдём с вами. Но не потому, что ты приказала. А потому, что сейчас в лесу пахнет не просто дождём. Пахнет бедой. И лучше, чтобы мы все её встретили лицом к лицу.

Тропа вильнула в сторону, огибая густой орешник, и вывела нас к старому броду — месту, где река сужалась, а камни лежали так плотно, будто кто-то специально выкладывал здесь переправу. Вода здесь бежала быстро, но не шумно: она шептала, перекатываясь через валуны, и этот шёпот звучал сейчас как предупреждение.

Следопыты замедлили шаг, принюхиваясь к воздуху, как звери. Один из них, седой, с лицом, изрезанным морщинами от ветра и солнца, поднял руку:

— Тут кто-то был. Совсем недавно. Камни мокрые, но не от воды. От сапог.

Мы подошли ближе. И там, прямо посреди брода, в трещине между двумя плоскими камнями, торчал кинжал. Не брошенный, не воткнутый в спешке — а поставленный ровно, почти ритуально. Рукоять была простой, без лишней резьбы, но на лезвии, у самой гарды, виднелся вытравленный герб: переплетённые змеи, сжимающие в кольцах полумесяц. Ни я, ни Тимур, ни даже Александр Павлович такого не знали.

Я остановилась на берегу, и в груди что-то дёрнулось — не страх, а холодная, острая ярость, которая не просила разрешения. Мои глаза вспыхнули зелёным пламенем, и аура рванулась наружу не дымом, не светом, а резкой, колючей волной — такой, что листья на кустах у воды вздрогнули, а вода на миг будто застыла, не желая касаться этой силы.

Не думая, я шагнула в воду — сапоги тут же наполнились ледяной влагой, но я не чувствовала холода. Подошла к кинжалу, обхватила рукоять, холодную и скользкую, и резко выдернула его из камня.

И в тот же миг по лезвию пробежала тонкая, почти невидимая вязь символов — не гравировка, а что-то, вспыхивающее изнутри, как тлеющие угли. Послание. Не для всех. Только для меня… и для барона.

Сила внутри меня не хотела ждать. Я сжала кинжал обеими руками, чувствуя, как металл сопротивляется, как он будто живёт своей собственной волей. И тогда я рванула его, ломая не с криком, а с тихим, упрямым выдохом: «Нет. Ты не будешь говорить от чужого имени».

Лезвие хрустнуло, как сухая ветка, и рассыпалось не на осколки, а на тонкие, светящиеся нити, которые на миг зависли в воздухе, а потом сложились в слова — не на бумаге, не на камне, а прямо передо мной, в дрожащем свете моих глаз:

«*Тени знают, где трещина. Когда лёд уйдёт — они придут. Не жди помощи извне. Держи сам. И пусть та, что ломает сталь, будет рядом*».

Слова повисели секунду и растаяли, как утренний туман. Кинжал в моих руках превратился в горсть тёмного пепла, который тут же смыла вода.

Я подняла голову. Все стояли неподвижно, будто боялись спугнуть этот миг. Даже те двое, что спустились с ветвей, теперь смотрели на меня не с насмешливым интересом, а с уважением, смешанным с тревогой.

Антон шагнул вперёд, но не ко мне — к камню, где только что был кинжал. Он провёл пальцем по трещине, будто хотел запомнить её форму.

— Это не угроза, — тихо сказал он. — Это… предупреждение. И оно адресовано не нам. Оно для барона. И для тебя.

Тимур сжал кулаки, но в этом жесте не было злости — только готовность.

— Значит, они знали, что мы придём сюда, — глухо произнёс он. — Они оставили это специально. Чтобы мы нашли.

Александр Павлович стоял чуть в стороне, его лицо оставалось спокойным, но глаза были острыми, как лезвие.

— И они знали, кто сможет прочесть, — тихо добавил он. — Кто сможет сломать. Это проверка. И мы её прошли.

Я медленно опустила руки. Зелёное пламя в глазах не погасло, но стало тише, ровнее — как костёр, который больше не рвётся к небу, а греет.

— Надо возвращаться, — сказала я, и голос мой звучал твёрдо, без дрожи. — Надо рассказать барону. Не просто про кинжал. Про то, что они знают про трещину. Про то, что ждут, когда лёд уйдёт.

Седой следопыт кивнул, будто ждал именно этих слов.

— Я знаю тропу короче, — спокойно сказал он. — Если пойдём напрямик, через овраг, будем у стен до темноты.

— Веди, — кивнула я.

Он и его напарник бесшумно скользнули вперёд, растворяясь в сумерках, как тени, которые вдруг стали союзниками.

Мы двинулись следом. Антон шёл рядом со мной, не задавая вопросов — просто чтобы я знала, что он здесь. Тимур замыкал строй, оглядываясь на каждый шорох. Александр Павлович шёл посередине, будто держал невидимую линию между нами и опасностью.

Александр Павлович шёл сначала молча, будто-то бы что-то решая в своих мыслях. Потом резко догнал меня и проговорил:– Знаешь, Алиса, я всегда хотел, чтобы у нас правил именно тот, кто не боится трудностей. Я думаю… Нет, я чувствую, что ты всё изменишь в лучшую сторону. Подругому быть не может.

Я не стала ничего ему отвечать, но и задумалась о том, что я могу здесь изменить… Да, я молода, но мне нелегко здесь приходится, и из-за этого мне нужно учиться здесь всему с бешеной скоростью.

Ворота скрипнули, впуская нас внутрь, и стражник у арки выпрямился, будто хотел заслонить собой весь двор — но, увидев наши лица, только молча кивнул: понял, что сейчас не до рапортов.

Мы прошли через двор, где ещё днём суетились слуги, а теперь было пусто и как-то слишком чисто, словно кто-то специально убрал всё лишнее, чтобы ничто не мешало услышать главное. И когда тяжёлые двери покоев барона распахнулись, я не стала ждать приглашения. Я вошла первой, но не с вызовом — с тяжестью, которую нельзя было нести снаружи.

— Мы вернулись, — тихо сказала я, останавливаясь в трёх шагах от него, чтобы не нести сырость и холод леса прямо к огню. — И мы нашли то, что оставили для нас.

Тимур шагнул вперёд, но не к барону — он встал чуть сбоку, как щит, готовый прикрыть, если слова ударят больно. Антон остался у двери, положив ладонь на косяк, будто держал её открытой на случай, если придётся выходить быстро. Александр Павлович стоял ровно, спокойно, но в его осанке чувствовалось напряжение — он тоже знал, что сейчас решается не просто вопрос доверия.

Я глубоко вдохнула, и в моих глазах снова вспыхнуло зелёное пламя — не ярость, а чистая, собранная сила, которая не давала дрогнуть голосу.

— На старом броду был кинжал, — сказала я чётко, словно каждое слово было гвоздём, вбиваемым в доску. — С гербом, которого никто из нас не знает: змеи, сжимающие полумесяц. Я сломала его, и он выпустил послание. Не на бумаге. Прямо в воздухе.

Я помолчала, собираясь с силами, чтобы произнести эти слова без дрожи:

Тени знают, где трещина. Когда лёд уйдёт — они придут. Не жди помощи извне. Держи сам. И пусть та, что ломает сталь, будет рядом».

В комнате стало тихо. Даже огонь в очаге будто притих, не смея трещать слишком громко. Барон медленно поднялся, не сводя глаз с меня.

— Ты сломала сталь, — тихо повторил он, словно пробуя эти слова на вкус. — Значит, это было адресовано тебе. Они знали, кто сможет прочесть. Кто сможет разрушить.

Я кивнула, не опуская взгляда.

— И они знали, что мы пойдём по этой тропе, — добавила я. — Это не случайность. Это проверка. И предупреждение.

Александр Павлович чуть наклонил голову.

— Если они знали, куда мы пойдём, значит, у них есть глаза в лесу, — спокойно произнёс он. — Или в деревне. Или даже здесь.

Барон резко выдохнул, будто только сейчас позволил себе почувствовать всю тяжесть этих слов.

— Значит, нельзя больше делать вид, что опасность где-то там, за лесом, — сказал он твёрдо. — Она уже здесь. Она смотрит.

Он перевёл взгляд на следопытов, которые стояли чуть позади, не вмешиваясь, но готовые действовать.

— Вы знаете эти места лучше любого стражника, — обратился он к седому охотнику. — Скажите: где ещё могут быть такие «подарки»? Где ещё тени могут оставить знак?

Седой следопыт не стал тянуть с ответом.

— У старой часовни на северном склоне, — глухо произнёс он. — Там тропа идёт в обход оврага, и место тихое. И ещё — у заброшенной мельницы. Там никто не ходит, но оттуда видно все подходы к усадьбе.

Барон кивнул, уже принимая решения, одно за другим, как надевает доспехи.

— Тогда завтра с рассветом мы выставим дозоры там и там, — сказал он. — И у моста тоже. Пусть люди знают: мы не ждём удара. Мы его видим.

Он снова посмотрел на меня, и в его взгляде было не только доверие — в нём была просьба, тихая и тяжёлая:

— Ты устала. Ты принесла эту весть, и ты имеешь право сейчас просто сесть и согреться. Но если ты чувствуешь, что должна быть там, где опасность… я не стану тебя останавливать.

Я покачала головой, но не в отказе — в понимании.

— Я не уйду в покои, пока не буду знать, что стены держат, — тихо, но твёрдо сказала я. — Но я не одна. У нас есть люди, которые знают лес. Есть те, кто готов стоять рядом.

Антон чуть заметно кивнул, подтверждая: да, он будет рядом. Тимур сжал кулаки, но теперь в этом жесте не было ярости — была готовность.

А те двое, что спустились с ветвей, стояли у стены, не пытаясь смешаться с остальными, но и не прячась. Тот, что говорил у брода, сделал шаг вперёд.

— Мы знаем эти тропы, — спокойно сказал он. — Если позволите, мы возьмём на себя северный склон. Там легче заметить чужой след.

Барон посмотрел на него долго, будто взвешивая не только слова, но и человека за ними.

— Позволяю, — наконец произнёс он. — Но помните: здесь не тени. Здесь люди. И если вы с нами — то до конца. Без загадок.

Когда все разошлись по постам и казармам, в покоях остались только мы с бароном. Огонь в очаге тихо гудел, отбрасывая длинные тени на стены. Барон посмотрел на меня так, будто видел не уставшую женщину в промокших сапогах, а ту, кто должен будет стоять здесь, когда его не станет.

— Ты готова стать баронессой, — сказал он твёрдо. — Ты уже не просто носишь этот титул. Ты его заработала.

Я хотела возразить, но он мягко поднял ладонь, останавливая.

— Если мне станет хуже, ты не будешь меня спасать, — продолжил он ровно. — Я достаточно пожил. Я устал. Завтра подготовлю документы и созову совет. Пусть они увидят, услышат, как ты говоришь о тропах и бродах. Пусть поймут: ты — та, кто удержит титул и все земли.

Я кивнула. Он не сбрасывал ношу — он верил, что я смогу её нести.

Барон подошёл к окну, отодвинул штору и посмотрел на тёмный двор.

— Мы не можем позволить себе слабость, — тихо сказал он. — Если завтра совет будет колебаться, пусть вспомнят кинжал, который рассыпался в твоих руках. Пусть помнят, что сталь ломается только там, где есть настоящая сила.

Я протянула руки к огню, чувствуя, как уходит сырость, а вместо неё приходит спокойная ясность.

— Я не буду обещать, что всё будет хорошо, — сказала я. — Но я обещаю, что не дам замку упасть.

Барон чуть склонил голову — в этом движении было горькое облегчение.

Этого достаточно, — произнёс он.

Он сел за стол, достал свиток пергамента и взял перо.

— Завтра первым делом — дозоры у часовни и мельницы, — деловито сказал он. — Потом — совет. И пусть все видят: мы не прячемся. Мы готовимся.

— Я поговорю с Тимуром, — кивнула я. — Пусть возьмёт следопытов на северные склоны. С советником обсудим посты у моста.

Барон кивнул, будто каждое моё слово укрепляло стену.

— И ещё, — добавил он тише. — Пусть никто не знает про послание. Только ты, я и те, кто был у брода. Не надо сеять панику.

— Договорились, — сказала я.

В комнате повисла собранная тишина — как перед рассветом, когда ночь ещё держится за углы, но уже сдаёт позиции.

Я сама расставила дозоры — не по красивым картам, а по тому, что знала про эти места: у старой часовни, где тропы сходятся, будто пальцы в кулак; у заброшенной мельницы, откуда видно каждый шаг к усадьбе; у моста, где лёд ещё держится, но уже дышит трещинами. Тимур шёл рядом, молча кивал на мои слова, а Антон проверял узлы и крепления так, будто от каждой верёвки зависела чья-то жизнь. Следопыты растворились в сумерках — они не нуждались в приказах: лес был их домом, и они знали, где прячутся тени.

Совет прошёл ровно, без криков, но воздух в зале был густым от недоверия. Старые дворяне хмурились, переглядывались, будто пытались разглядеть во мне не баронессу, а девчонку, которая слишком рано встала у руля. Барон говорил спокойно, без пафоса — просто перечислял факты: следы у брода, кинжал с гербом, послание, которое рассыпалось в пепел в

моих руках. А когда он кивнул мне — мол, скажи сама, — я не стала подбирать мягкие слова. Рассказала, как ломала сталь, как читала вспыхивающие в воздухе строки, как поняла: беда не где-то там, за горизонтом. Она уже здесь. И пока они слушали, в зале становилось тише. Не от страха — от понимания.

А потом настал момент, когда слова кончились. Барон положил на стол свитки, приложил печать, коротко назвал моё имя — и всё, что было раньше, осталось по ту сторону этой черты. Теперь я не «та, что может стать», я — баронесса. По праву, по делу, по тяжести, которую взяла на себя.

Гонцы уехали в столицу ещё до заката — с документами, печатями, сопроводительными письмами. В канцелярию, чтобы закрепить титул официально. Я стояла у окна и смотрела, как их силуэты тают в серой дымке дороги, и чувствовала не торжество, а холодную, собранную ответственность: теперь каждый мой приказ будут мерить не по имени, а по делу. И я была готова.

Глава 25 « Шаг, дистанция, свет »

Ночь легла на усадьбу тяжёлым, но не враждебным покрывалом — скорее, как старая, привычная шаль, которая греет, но давит плечами.

Я стояла у окна в своих покоях и смотрела, как гаснут последние огоньки во дворе. Каждый из них означал человека на посту, человека, который устал, но не уходит. И от этого становилось не гордо, а горько: слишком мало людей, слишком много стен, которые надо патрулировать.

Дверь тихо скрипнула. Я не обернулась — и так знала, кто это. Антон остановился на пороге, будто не хотел нарушать эту тишину, но и не мог оставить меня одну с ней.

— Не спится? — спросил он тихо.

Я покачала головой, всё ещё глядя в темноту.

— Просто считаю огоньки. И понимаю, что их слишком мало.

Он шагнул ближе, не спеша, и вдруг обнял меня — крепко, но бережно, так, что внутри у меня что-то тихо щёлкнуло, вставая на место. А потом коснулся губами виска — совсем невесомо, как будто хотел сказать без слов: «Я здесь. Ты не одна».

Я закрыла глаза на секунду, вдыхая запах холодного ветра и кожи, который всегда тянулся за ним. И плечи чуть опустились — не от слабости, а от того, что можно было хоть на миг забыть обо всем.

— Пойдём проверим посты, — сказала я, уже не дрожащим голосом.

— Хоть факелы посмотрим.

Мы шли по коридорам, и каждый чадящий факел только добавлял тяжести: копоть оседала на камнях, фитили сгорали быстрее, чем успевали их менять, а люди и так едва все успевали менять.

У поворота к северной стене Антон остановился, поморщился от едкого дыма и тихо произнёс:

— Вот это и есть лишняя трата сил. Каждый день кто-то должен резать тряпьё, вымачивать в смоле, тащить наверх, менять… А люди и так на устают.

Он щёлкнул пальцем — и над нами мягко вспыхнул светлячок, размером примерно с мячик для пингпонга. Полупрозрачный, он светился ровным золотистым светом, не бросая резких теней, не обжигая взгляд.

Я замерла на миг, а потом тихо рассмеялась — тихо, почти беззвучно, но с облегчением.

— Я совсем забыла о них, — призналась я, качая головой. — Как будто в этой суете они просто выпали из головы.

Антон чуть улыбнулся, не торжествующе, а так, будто просто напоминал о чём-то давно знакомом.

— Пора убирать эти факелы и менять на них, — твёрдо сказала я.

— Подпитав их силой, они спокойно простоят неделю. Никакого дыма, никакой копоти.

Я щёлкнула пальцем, и надо мной появился другой светлячок — чуть больше, с мягким зеленоватым оттенком, будто впитавшим в себя цвет летней листвы. Он не мерцал, не дрожал — просто светил, ровно и спокойно.

— Ну, такой тоже подойдёт, — с улыбкой сказал Антон, и в этой улыбке было что-то тёплое, почти домашнее.

— Главное, чтобы свет был ровным и не резал глаза.И мы пошли дальше, обходя усадьбу — коридор за коридором, пост за постом.

Там, где раньше чадили факелы, теперь мягко светились шарики. Мы снимали тяжёлые железные крюки, убирали закопчённые фонари, протирали ниши от сажи и ставили на их место эти тихие огоньки.Не было копоти, не было дыма. Казалось, сам воздух стал чище, будто

усадьба наконец могла дышать. И с каждым новым светлячком тяжесть, давившая на плечи, становилась чуть легче.

У ворот, где сквозняк всегда раздувал пламя в злые языки, мы поставили сразу два: один чуть выше, другой в нише у стены. Я подпитала их тонкой нитью силы, чувствуя, как магия ложится ровно, без рывков, без напряжения. Шарики чуть дрогнули и засветились ещё спокойнее, будто устраивались на новом месте.

— Смотри, — тихо сказал Антон, кивнув на стену.

— Теперь все просматривается и нет темного места. Бойцам будет проще делать обход.

Я кивнула, вглядываясь в пространство, которое раньше тонуло в резкой темноте и дрожащем свете. Теперь здесь было видно каждый выступ, каждую трещину в камне. И это было не про красоту — это было про безопасность.

— Надо найти десятника, — сказала я. — Пусть распределит, где ещё поставить. Но пусть знает: это не волшебство. Это чтобы людям было легче. Чтобы не надо было каждый день бороться с огнём.

Антон снова кивнул, и мы пошли дальше — не спеша, проверяя каждый уголок, каждую нишу, где мог бы спрятаться мрак. И каждый раз, когда над ладонью вспыхивал мягкий шарик, казалось, что мы не просто меняем свет, а возвращаем усадьбе её голос — тихий, спокойный, уверенный.

Когда мы дошли до последней точки у лестницы к дозорной башне, я остановилась, глядя, как ровный свет ложится на ступени. И вдруг поняла: сегодня мы сделали не просто дело. Мы вернули людям немного покоя.

— Спасибо, — тихо сказала я, не глядя на Антона, но зная, что он поймёт. — За то, что напомнил про них. За то, что не дал мне продолжать делать по привычке то, что только отнимает силы.

Он чуть склонил голову.

— Это ты решила их поставить, — спокойно сказал он. — Я только показал. А ты выбрала сделать лучше.

Я улыбнулась — устало, но искренне.

— Тогда пусть они горят, — прошептала я, глядя на мягкий свет. — И пусть завтра люди проснутся и увидят: ночь не такая уж тёмная, если знать, где зажечь свет.

Мы дошли до караулки. У очага сидел старый десятник, грел ладони. При нашем появлении он было вскинулся, но я махнула рукой:

— Сиди. Скажи лучше, сколько у нас людей, кто где стоит и в каком они состоянии.

Десятник вздохнул — так вздыхают те, кто давно привык нести правду, даже если она тяжёлая.

Людей мало. Три десятка, если всех собрать. Половина — деревенские, с вилами да топорами. Те, кто с мечами, — устали. Две недели на постах без смены… Тут не злость нужна, тут отдых нужен. Но и без постов нельзя.

Я слушала, и внутри всё сжималось не от страха, а от того, как просто и страшно звучала эта правда.

— Значит, будем все менять здесь по-умному, — сказала я твёрдо. — Завтра начнём ежедневные тренировки. Не на износ, а чтобы каждый знал своё место.

Десятник прищурился:

— А кто командовать будет?

— Ты, — ответила я без паузы. — Ты знаешь людей. А рядом пусть будет тот, кто знает бой.

Я повернулась к Антону.

— Переезжай в усадьбу, — сказала прямо. — Не как гость. Как тот, кто будет стоять рядом с десятником, учить людей, смотреть, где слабина. Ты видишь то, чего другие не замечают. И ты не станешь жалеть их так, чтобы они расслабились. Но и не сломаешь.

Он чуть нахмурился, будто не привык к таким предложениям.

— А если я нужен буду где-то ещё? В дозорах, в лесу…

— Будешь, — кивнула я. — Но пусть здесь будет твоё место. Пусть люди знают: если что-то не так, можно прийти к тебе. Просто подойти и сказать: «Тут балка скрипит» или «Я не успеваю следить за двумя тропами».

Антон помолчал, потом коротко кивнул:

— Хорошо. Перееду.

Остаток ночи мы провели не в разговорах, а в деле: обошли посты, записали, сколько людей на каждом участке, кто лучше держит оружие, а кто держится на одной упрямости. Десятник хмурился, но делал пометки на клочке бумаги, а Антон молча кивал, запоминая лица и имена.

К рассвету у меня в голове сложилась простая, жёсткая правда: людей мало, сил мало, но если каждый будет знать своё место и каждый день напоминать мышцам, как держать оружие, мы продержимся.

Когда первые лучи скользнули по крышам, я остановилась у тренировочной площадки. Солдаты уже выстраивались в одну шеренгу — не идеально, но ровно настолько, чтобы было видно: они готовы слушать. На поясах у них висели мечи, и в глазах у каждого читалось одно и то же: «Скажи, что делать, чтобы мы не подвели».

Я встала перед строем, не пытаясь казаться выше, — просто на одном уровне с ними. Рядом, плечом к плечу, стоял Антон.

— Сегодня не будет красивых слов, — сказала я, глядя на первого в ряду, потом скользнув взглядом по остальным. — Сегодня будет просто: как держать меч, чтобы он не стал обузой. Как стоять, чтобы нога не поехала на мокром камне. И как правильно дышать, чтобы не выдохнутся в первые минуты боя.

Антон шагнул вперёд, спокойно снял меч с пояса — не выхватывая, а так, будто показывал не оружие, а инструмент.

— Держите клинок не как палку, — тихо, но так, что услышали все, произнёс он. — Палку бросают, когда тяжело. Меч держат. Даже если рука дрожит. Особенно если дрожит.

Мне подали меч, я прокрутила его. Сталь привычно легла в ладонь — не как угроза, а как продолжение руки.

— Сейчас мы с Антоном покажем, — сказала я. — Не искусство боя. А то, что спасает в настоящем деле: шаг, дистанцию, взгляд. Смотрите не на удары. Смотрите на то, как мы стоим между ними.

Мы встали друг напротив друга. Двор будто чуть притих. Антон сделал короткий, экономный шаг, клинок лёг в защиту — не высоко, не картинно, а там, где он реально мог остановить удар. Я ответила тем же: шаг в сторону, перенос веса, лезвие встречает его движение не с силой, а с точностью.

Спарринг шёл не быстро — я специально держала темп, чтобы каждый в шеренге успевал видеть: вот момент, когда Антон чуть приоткрылся — и я не бросилась рубить, а просто обозначила укол, показывая, куда бы ударила. Вот он сделал ложный замах — и я не повелась, удержала стойку. Только расчёт.

— Видите? — сказала я, не опуская меча, когда мы на миг замерли друг напротив друга. — Сила не в том, чтобы махать тяжелее. Сила в том, чтобы не тратить её зря. Чтобы один точный шаг спас вас, когда десять широких не помогут.

Солдаты смотрели не на сталь — они смотрели на наши ноги, на то, как мы переносим вес, как держим плечи, как не сводим глаз друг с друга даже на долю секунды.

Антон опустил клинок, но не в ножны — просто дал ему повиснуть вдоль бедра, показывая: бой кончился, но готовность осталась.

— Теперь вы, — спокойно сказал он. — По двое. Без ярости. Сначала — стойка. Потом — шаг. Удар — в самом конце. Кто не готов бить — пусть держит меч и учится не ронять его, когда земля уходит из-под ног.

Первые пары вышли вперёд. Один солдат неловко перехватил рукоять, будто меч был тяжелее, чем он думал. Антон подошёл, молча поправил его хват — не грубо, но твёрдо.

— Чуть выше локоть, — тихо сказал он. — И не сжимай так, будто он убежит. Пусть лежит в руке, а не в кулаке.

Я остановилась рядом с другой парой, показала, как ставить ноги: шире, чтобы не упасть, но не так широко, чтобы не потерять скорость и равновесие.

— Думайте не о том, как ударить, — сказала я молодому солдату, который смотрел на меня с напряжённым ожиданием. — Думайте о том, как не дать ударить себя. Всё остальное приложится.

Постепенно двор перестал быть местом, где собираются, чтобы послушать приказ. Он стал площадкой, где каждый шаг, каждый поворот клинка был попыткой сделать себя чуть надёжнее. Где не стыдно было ошибиться, потому что рядом стоял Антон и спокойно поправлял, а я показывала, как из ошибки сделать урок.

Когда солнце поднялось выше и тени от стен стали короткими, я остановилась у края площадки, наблюдая, как пары отрабатывают простые связки. Никто уже не старался выглядеть браво. Все старались просто делать правильно.

Подошёл десятник, молча встал рядом, скрестив руки на груди.

— Раньше они смотрели на меч как на палку, которой отгоняют волков, — тихо сказал он. — А сейчас… сейчас они смотрят на него как на то, что должно их защитить. Это уже половина победы.

Я кивнула.

— Пусть сегодня будет только стойка и шаг, — сказала я. — Завтра добавим удары. А послезавтра — строй. Но если они научатся не падать на мокром камне, остальное мы вытянем.

Антон в этот момент стоял перед одним из солдат, показывая, как держать дистанцию: вытянул руку, не касаясь, просто обозначая границу.

— Здесь начинается опасность, — говорил он спокойно. — До этой линии ты видишь врага. После — он видит только твою спину. Держи эту линию.

Я стояла и смотрела, как меняется их осанка, как уходит неловкость, уступая место сосредоточенности. И чувствовала не гордость, а холодную, собранную уверенность: сегодня мы не строили иллюзий. Мы строили опору. Шаг за шагом, стойка за стойкой.

Следующее утро пришло не с криком петуха, а с тихим, ровным сиянием. Светлячки, расставленные той ночью, не погасли — они всё так же мягко светили в нишах, будто и не было ни ветра, ни сырости, ни долгой тёмной ночи. Их свет не метался по стенам, не прятал углы в дрожащих тенях — он просто был. И от этого двор казался не таким чужим.

Я стояла у края тренировочной площадки и смотрела, как солдаты собираются группами, потирая плечи, кутаясь в плащи. Глаза у них были сонные, но внимательные — будто они сами хотели убедиться, что эта тишина настоящая, а не затишье перед бурей.

Антон подошёл бесшумно, встал рядом, не заслоняя мне вид, а просто деля этот момент.

— Готовы? — тихо спросил он.

— Сегодня не про удары, — сказала я, когда все взгляды сошлись на мне. — Сегодня про три вещи: шаг, дистанция и свет.

Кто-то из солдат чуть нахмурился, будто ожидал чего-то более грозного. Но я не стала усложнять.

— Шаг — это то, что спасает, когда земля уходит из-под ног. Дистанция — то, что не даёт врагу подойти слишком близко. А свет… — я кивнула на мягкий огонёк в нише у стены, — свет нужен, чтобы видеть, где враг, а где свой. Чтобы не рубить вслепую.

Антон шагнул вперёд, спокойно снял меч с пояса. Не для угрозы, а как инструмент, который нужно показать.

— Смотрите не на клинок, — сказал он ровным, привычным голосом, в котором не было приказа, но была уверенность, заставлявшая слушать. — Смотрите на ноги. На то, как я переношу вес. Один неверный шаг — и сталь тебя не спасёт.

Он сделал короткий шаг в сторону, не отрывая пятки, чуть согнув колено, и тут же вернулся в стойку — ровно, без лишних движений.

— Вот так, — произнёс он. — Не широко, не картинно. Так, чтобы устоять.

Я взяла свой меч и встала напротив него, но не для боя, а для показа.

— Дистанция, — сказала я, вытягивая руку вперёд. Кончик моего клинка замер в двух ладонях от его груди. — Здесь начинается опасность. До этой линии ты видишь врага. После — он видит только твою спину. Держи эту границу.

Солдаты смотрели не на сталь, а на наши движения. Кто-то незаметно повторил мой жест, кто-то чуть расставил ноги, будто примеряя эту новую опору.

— Теперь вы, — сказала я. — Без мечей сначала. Просто шаг. Вперёд, в сторону, назад. Так, чтобы не потерять равновесие. Пусть каждый почувствует, где у него центр.

Первые ряды вышли вперёд. Один молодой солдат, тот самый, что вчера неловко держал рукоять, теперь старался стоять ровно, будто боялся, что малейшее движение выдаст его неуверенность.

Антон подошёл к нему, не спеша.

— Не зажимай плечи, — тихо сказал он. — Ты не камень, ты человек. Тебе нужно двигаться. Сделай шаг. Просто шаг. Как будто идёшь по мокрой тропе, где нельзя поскользнуться.

Солдат выдохнул, будто сбрасывая напряжение, и шагнул. Чуть неуверенно, но ровно. Потом ещё раз. И ещё.

— Хорошо, — кивнул Антон. — Теперь вернись. И снова. Но на этот раз думай не о том, как красиво, а о том, чтобы нога встала туда, где тебе будет удобно.

Постепенно площадка наполнилась тихими шагами, осторожными движениями, попытками найти эту самую точку опоры. Никто не кричал, никто не торопил. Мы с Антоном ходили между рядами, поправляли, показывали, снова и снова повторяли: шаг, дистанция, свет.

Когда солнце поднялось выше и тени стали короткими, я остановилась у ниши, где мягко горел светлячок. Его свет лёг на камни, на сапоги солдат, на рукояти мечей, и вдруг всё стало простым: вот люди, вот их задача, вот способ её выполнить.

Подошёл десятник, скрестил руки на груди, смотрел, как пары теперь уже с деревянными клинками повторяют движения, стараясь держать дистанцию.

— Странно, — пробормотал он. — Без криков, без ругани… а они стараются.

— Потому что понимают, зачем, — ответила я. — Мы не учим их махать железом. Мы учим их не падать.

Десятник хмыкнул, но в глазах мелькнуло уважение.

— Пусть так, — сказал он. — Если к вечеру хоть половина из них будет знать, где у них центр, это уже победа.

Я улыбнулась.

— К вечеру пусть знают ещё и дистанцию, — спокойно сказала я. — А завтра добавим удары. Но если они научатся не подпускать врага слишком близко, остальное приложится.

Антон в этот момент стоял перед группой, показывая, как держать клинок, чтобы он не тянул вниз, чтобы рука не уставала раньше времени.

— Меч — не тяжесть, — говорил он. — Это продолжение руки. Если рука знает, куда ступить, клинок найдёт дорогу.

И я смотрела на них — на этих людей, которые ещё вчера казались просто усталыми стражниками, а сегодня старались найти свой шаг, свою дистанцию, свой свет в темноте, — и чувствовала, как внутри крепнет что-то новое. Не гордость, не власть, а спокойная уверенность: мы делаем то, что можем. Здесь и сейчас.

Когда первые лучи скользнули по крышам и двор окончательно проснулся, я остановилась на мгновение, вдыхая прохладный воздух, и поняла: сегодня мы не строили иллюзий. Мы строили опору. Шаг за шагом. Дистанция за дистанцией. Свет за светом.

Барон умер следующем утром. Просто и внезапно, как гаснет светлячок, которому забыли дать силу.

Он ещё вчера стоял у камина, ворчал на слуг, что дрова сырые, просил у десятника доклад о постах. Говорил со мной о припасах, о зимней тропе, о том, что надо бы починить крыльцо. Ступени скрепят сильно. Голос был хриплый, но крепкий, взгляд — ясный. Он даже шутил, что доживёт до ста лет и всем тут ещё надоест.

А утром я вошла в его покои с завтраком — и остановилась. Он сидел в кресле у холодного камина, откинувшись на спинку, с чуть приоткрытыми глазами. Будто задремал. Будто на миг закрыл глаза и просто не открыл их снова.

Поднос выскользнул у меня из рук и рухнул о каменный пол. Грохот был такой, будто что-то лопнуло внутри, не снаружи.

Я подошла, коснулась его руки — она была ещё тёплой, но уже не живой. И в этот момент поняла: никакая сила, никакая нить, никакая магия не поможет. Он ушёл. Быстро, тихо, без последних слов и долгих прощаний, будто решил не обременять никого своей смертью, как не обременял при жизни.

Десятник пришёл на звук. Увидел, снял шапку, перекрестился.

— Барон… — только и сказал.

— Барон, — повторила я, и это слово прозвучало как точка. Не как конец, а как граница, после которой всё становится другим.

Три дня

Усадьба замерла. Не от страха, а от того, что не знала, как быть дальше. Три дня никто не тренировался, не обходил посты лишний раз, не смеялся в коридорах. Люди ходили тихо, говорили вполголоса, будто боялись потревожить тишину, которая стала важнее всех дел.

В первый день слуги вымыли тело барона, одели его в лучший камзол — тот, что он надевал только по большим праздникам, потому что «негодяй я или нет, а вид знать надо». Камзол был тёмно-синий, с серебряной вышивкой по воротнику, чуть потёртый на локтях, и от этого ещё более живой, чем любые новые одежды. Его положили в главном зале на стол, укрыли белым полотном, а у изголовья поставили свечу.

Я сидела рядом весь день. Не молилась — не умела. Просто сидела и смотрела на пламя, которое ровно горело, не дрожало, будто знало, что торопиться некуда.

Тимур приходил дважды. Первый раз — молча встал у двери, постоял и ушёл. Второй раз — принёс мне кружку тёплого сбитня и тихо сказал:

— Выпей. Он бы не хотел, чтобы ты голодала по нему.

Я взяла кружку, отпила, и сбитень показался горьким, хотя был сладким.

Антон не приходил в зал. Он стоял у дверей, молча, не двигаясь, как стоял бы на дозоре. Но я знала: он не охраняет вход. Он охраняет мой покой, чтобы никто не тревожил в эти дни.

На второй день начали стекаться люди из деревни. Крестьяне, лесничий, старая травница, кузнец с женой. Они входили в зал тихо, кланялись телу, кто-то плакал, кто-то просто стоял, опустив голову. Барон был для них не господином, а чем-то большим: стеной, за которой можно было спрятаться, когда мир снаружи становился слишком злым. И теперь эта стена рухнула.

Кузнец, здоровый, плечистый мужчина с руками, привыкшими к молоту, плакал, не скрывая. Слёзы текли по его чёрному от копоти лицу, и он не вытирал их, будто не стыдился.

— Он мою дочь от разбойников спас, — глухо сказал он. — Три года назад. Выехал один, с одним мечом. Вернулся с ней на руках, весь в крови, но живой. Он… он не был бароном для нас. Он был отцом.

Я слушала и молчала. Потому что не было слов, которые могли бы вместить эту потерю.

На третий день траур стал другим. Горе не ушло, но притихло, улеглось, как оседает пыль после тяжёлого шага. Люди перестали плакать и начали вспоминать: как барон учил детей деревни грамоте, как сам чинил крышу у старой мельницы, как ругался на нерадивых стражников, но всегда оставлял им лишний кусок мяса. И от этих воспоминаний усадьба будто чуть ожила: не весельем, а памятью, которая была крепче любой печали.

Похороны...

Хоронили барона на рассвете, когда туман ещё лежал по низинам, как серое покрывало. Гроб несли на руках: десятник, кузнец, лесничий и двое старых стражников, которые служили ему ещё с молодых лет. Я шла следом, не закрывая лица, не пряча слёз — было уже всё равно, кто их увидит.

Могила была за стеной усадьбы, на холме, откуда открывался вид на дорогу и лес. Барон сам показывал это место однажды, шутя: «Вот тут меня и положите, чтобы я и мёртвый за всеми присматривал». Никто не думал, что это случится так скоро.

Гроб опустили в землю. Десятник бросил горсть и сказал коротко:

— Спи спокойно, господин. Мы не подведём.

Кузнец подошёл, положил на крышку гроба маленький железный молоточек — свой, рабочий, потёртый.

— Чтобы и там было чем поработать, — пробормотал он, и кто-то невесело, но искренне усмехнулся.

Я стояла у края могилы и смотрела, как люди один за другим подходят, бросают горсть земли, кладут что-то: полевые цветы, кусок хлеба, деревянную фигурку лошади, вырезанную кем-то из стражников. Простые вещи. Живые. Каким был и он.

Когда последний ком земли лёг на холм, я наклонилась и запустила над могилой свой светлячок — маленький, тёплый, с зеленоватым оттенком. Он тихо засветился, освещая все вокруг, будто говорил: «Я здесь. Я никуда не делся».

— Ты просил чтобы я была баронессой, — прошептала я, так, чтобы никто не слышал. — Я буду ей. И буду баронессой.

И ушла. Не оборачиваясь, потому что знала: он не хотел бы, чтобы я смотрела назад. Он хотел бы, чтобы я смотрела вперёд.

Глава 26 « Мера и вес »

Третий день после похорон выдался серым и тихим, будто сама погода решила не мешать усадьбе привыкать к новой тишине. Траур ещё не сняли, но острая боль уже притупилась, сменившись тяжёлой, собранной усталостью. Люди ходили по коридорам без лишней суеты, говорили вполголоса, будто боялись спугнуть хрупкое равновесие, которое только-только начало складываться.

Я сидела в кабинете барона — теперь уже в своём кабинете. Стол был тем же, кресло — тем же, даже запах воска и старой бумаги остался прежним. Но теперь каждая вещь на нём лежала не как часть чужого порядка, а как карта, по которой мне предстояло вести людей.

Передо мной громоздились стопки бумаг: отчёты о запасах зерна, списки стражников, прошения из деревни, письма от соседей. Барон откладывал их в папку «на потом», и это «потом» теперь стало моим «сейчас». Я водила пальцем по строчкам, привыкая к тому, что подпись внизу должна быть моей.

Скрипнула дверь. В проёме стоял Тимур, держа в руках запечатанный конверт. Печать была тяжёлой, восковой, с оттиском столичного герба — золотой лев на тёмно-красном фоне. Края воска были чуть поцарапаны дорожной пылью, будто гонец гнал коня без остановок.

— Гонец только что прибыл, — тихо сказал Тимур. — Из канцелярии.

Я кивнула, не поднимая глаз сразу. Сначала выдохнула, сбрасывая напряжение, которое копилось в плечах все эти дни. Потом протянула руку и взяла конверт. Пальцы чуть дрогнули, но я не дала себе замешкаться — сломала печать, открыла его и вытащила плотную бумагу.

Строки были ровными, выверенными, написанными каллиграфическим почерком, где каждая буква стояла на своём месте, как солдат в строю. Там было много канцелярских оборотов, ссылок на законы, упоминаний о родстве и управлении… Но самое главное стояло в середине, выделенное жирными чернилами:

«…рассмотрев представленные документы и обстоятельства, принимая во внимание подтверждённое родство и фактическое управление владениями, утверждаем право на титул и управление землями. Годунова Алиса Евгеньевна признана наследницей титула. С настоящего момента она официально именуется баронессой и является полноправной правительницей земель».

Тимур стоял у двери и не торопил. Он не спрашивал, что там написано, — он ждал, когда я сама решу, что с этим делать.

— Ну? — наконец спросил он, чуть наклонив голову. — Что там?

Я подняла глаза. И вдруг почувствовала, как внутри что-то щелкнуло и встало на место — не от гордости, а от тяжести, которую я теперь имела право нести открыто.

— Приняли, — спокойно сказала я. — Документы. И титул. Теперь я баронесса.

Тимур чуть склонил голову, будто взвешивая слово. Потом улыбнулся — не широко, а так, как улыбаются, когда видят, что человек наконец встал на твёрдую землю.

— Значит, всё правильно, — просто сказал он. — Он этого и хотел.

Я чуть кивнула, не споря. Да, барон хотел бы, чтобы усадьба была в надежных руках. Чтобы люди не остались без защиты. Чтобы люди на землях продолжали жить.

Документ я положила обратно в конверт, не стала прятать в ящик. Положила его на стол, поверх стопки отчётов, так, чтобы он был виден. Как знак: теперь всё официально. Теперь решения принимаю я.

— Пусть объявят по усадьбе, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Не как праздник. Просто как факт. Чтобы все знали: документы пришли, титул подтверждён. И чтобы понимали: это не значит, что мы можем расслабиться. Это значит, что теперь у нас есть право делать всё, что нужно, без оглядки.

Тимур снова кивнул.

— Сделаю, — ответил он и уже у двери остановился. — И ещё… Антон ждёт у ворот. Говорит, что посты надо проверить, а заодно хочет посмотреть, как светлячки держатся после дождя.

Я улыбнулась чуть шире, уже не через силу.

— Скажи, что я сейчас подойду. Пусть не начинает без меня.

Когда Тимур ушёл, я ещё минуту посидела, глядя на конверт. Потом встала, накинула плащ и вышла в коридор. Воздух здесь был прохладным, пах воском и дымом из кухни, и в этом запахе было что-то привычное, почти родное.

У выхода меня ждал Антон. Он стоял, прислонившись к каменной колонне, и смотрел, как капли стекают с карниза. Когда я подошла, он не стал ничего спрашивать — просто протянул мне небольшой кожаный футляр.

— Это его, — коротко сказал он. — Барон носил его на поясе. Я подумал, что теперь он должен быть у тебя.

Футляр был потёртым, с тиснением по коже. Внутри лежал перстень с гербом рода — тяжёлый, с тёмным камнем, на котором был выбит фамильный знак на нем был изображен парящий орел. Я повертела его в пальцах, чувствуя вес металла.

— Спасибо, — тихо сказала я. — Я буду его носить.

Антон чуть склонил голову.

— Тогда пойдём, — спокойно произнёс он. — Посты сами себя не проверят. И светлячки тоже.

Мы вышли во двор. Дождь уже закончился, но камни ещё блестели, отражая тусклый дневной свет. Светлячки, расставленные в нишах, горели ровно, не мигая, будто и не было ни ветра, ни сырости. Их мягкий свет ложился на мокрые плиты, на сапоги стражников, на рукояти мечей, и от этого двор казался не таким чужим.

Один из стражников, увидев меня, выпрямился, хотел было поклониться, но я покачала головой.

— Не надо, — сказала я. — Не нужно кланяться.

Стражник чуть расслабился и кивнул.

— Хорошо, госпожа баронесса, — тихо, но твёрдо ответил он.

И в этом «госпожа баронесса» не было лести. Просто признание факта. И от этого слова мне стало чуть легче нести эту новую тяжесть.

Мы обошли посты, проверили, где вода скапливается у стен, где нужно подсыпать щебня, где не хватает светлячков я добавляла. Антон молча отмечал в памяти каждую мелочь, я делала пометки в небольшой записной книжке, которую теперь всегда носила с собой.

Когда мы дошли до северной стены, где ветер особенно сильно гудел в щелях, я остановилась и посмотрела на дорогу, уходящую за горизонт. Где-то там были другие бароны, другие дворы, другие земли. Но здесь, в этой усадьбе, теперь правила я.

Утром следующего дня, я сидела за столом в кабинете. Я ждала Антона, Тимура и управляющего и чувствовала, как эта весна давит не красотой, а срочностью: нельзя было больше прятать голову в плечи и надеяться, что всё как-нибудь обойдётся. Теперь «как-нибудь» означало, что люди останутся без хлеба.

Тимур, Антон и управляющий усадьбы — старик Евстафий, он работал здесь с юношеских лет в усадьбе, тоже как и тот управляющий вел все дела в усадьбе, и он знал каждый камень в этих стенах и каждую дырку в амбаре, — стояли у стола. Евстафий держал в руках толстую тетрадь с кожаным переплётом, потёртую на углах, и смотрел на меня так, будто ждал, что я скажу: «Шучу, мы всё ещё ждём барона». Но барон не вернётся. И это нужно было принять.

— Начнём с главного, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Деньги. Всё, что есть. Золото, купюры, долговые расписки, если есть. Нужно понять, на сколько хватит, пока земля не начнёт кормить нас снова.

Евстафий кивнул, положил тетрадь на стол и открыл её на нужной странице. Почерк у него был мелкий, аккуратный, будто каждая цифра боялась занять лишнее место.

— Золото у нас в сундуке в подвале, под тремя замками, — тихо начал он. — Сорок семь золотых монет. Старые, тяжёлые, с профилем прежнего императора. Их мы не тратили никогда. Только на край.

Он сделал паузу, будто сам не хотел произносить следующую часть.

— А бумажные… — Евстафий перелистнул страницу и чуть кашлянул, будто даже ему было непривычно называть такую сумму. — Рублями у нас миллион двести тысяч. Купюрами разного достоинства, часть в пачках, часть разложена по конвертам с пометками: «на зерно», «на дрова», «на ремонт».

Я на секунду замерла. Миллион двести. На первый взгляд — огромные деньги. Сумма, которой можно было бы, казалось, решить любую беду. Но я уже успела понять, что в управлении землёй «огромно» — это не про количество нулей, а про то, сколько проблем эти нули должны закрыть.

Антон стоял у окна, скрестив руки на груди. Он не торопился с выводами, но я видела, как в его глазах мелькает привычная, холодная оценка: он уже считал дни, пайки, смены постов.

— Запасы еды? — спросила я, глядя на Евстафия.

— Зерно есть, — сказал он. — На два месяца, если экономить. Если весна будет сырой и дороги останутся непроходимыми, дольше не продержаться. Мяса почти нет — только то, что сами добываем. Овощи в погребе, но их хватит до начала лета, не дольше. Соль есть, это хорошо. А вот с дровами беда: сырые, плохо горят, и заготовить больше не успели, пока снег не сошёл.

— Значит, так, — сказала я, опуская взгляд на цифры. — Золото не трогаем. Совсем. Это на самый край: если придут враги, если придётся выкупать кого-то, если случится что-то, что нельзя исправить иначе.

Евстафий чуть наклонил голову, соглашаясь.

–Бумажные...–Я еще раз провела пальцем по строке с цифрами, будто надеялась, что миллион двести вдруг станет больше, если я коснусь его ещё раз. Но цифры не слушались. Они оставались сухими, упрямыми и очень конечными.

Тимур шагнул вперёд.

— Я могу поговорить с купцами, — тихо сказал он. — Не просить в долг, а предложить обмен. У нас есть мёд, есть сушёные травы, есть кожа, которую мы выделываем. Может, за это дадут муку или соль, и мы сэкономим рубли.

— Хорошо, — сказала я. — Пусть будет так. Ты поговоришь с купцами. Антон займётся тренировками и постами. А ты, Евстафий… — я посмотрела на управляющего, — ты будешь следить, чтобы мы не тратили лишнего. Чтобы каждый рубль шёл туда, где он нужен больше всего.

Старик снова кивнул, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на облегчение: ему было важно знать, что кто-то принимает решения, и что эти решения не безумны.

—Да, на лекарства, — сказала я, поднимая глаза от тетради. — На лекарства мы тратить эти деньги не будем. Я сама буду лечить людей. У меня есть сила, есть знания… пусть они наконец принесут пользу не только мне.

В комнате стало тихо. Даже скрип пера Евстафия оборвался на полуслове.

Антон чуть нахмурился, будто уже просчитывал риски.

— Но лечить я буду не всех подряд и не за стенами усадьбы. Нам нужно оборудовать комнату здесь, в левом крыле, ту, что рядом с кладовой трав. Там есть окно, туда можно поста-

вить стол и кушетку. Пусть это будет мой приёмный покой. Детей буду лечить бесплатно. А с взрослых возьму плату. Не золото, не половину урожая — просто разумную плату, чтобы на эти деньги мы могли купить соль или муку. Ну или кто что принесет с собой как в знак благодарности. Мы и этому будем рады.

Евстафий медленно закрыл тетрадь и посмотрел на меня так, будто видел впервые — не как наследницу барона, а как хозяйку, которая готова считать каждую крупицу.

— Комната в левом крыле… — тихо пробормотал он. — Да, там тихо. И близко к запасам трав, которые я сушил прошлой осенью. Если поставить ширму, отделить угол для тяжёлых случаев… и лавки вдоль стены, чтобы люди ждали. Но пускать всех в усадьбу нельзя. Толпы будут мешать страже, да и силы твои не бесконечны.

— Именно, — подхватила я. — Всех в усадьбу не пускать. Пусть ждут за воротами, в тени навеса, который мы ставили для торговцев. Там можно разложить скамьи, поставить кувшины с водой. Десятник будет следить за порядком, чтобы не толкались и не шумели. А ко мне будут пускать по одному, по двое, если случай срочный.

Тимур, до этого молча стоявший у двери, чуть наклонил голову.

— Это умно, — тихо сказал он. — Люди всегда готовы платить за надежду. А если ты будешь лечить хорошо, слухи пойдут быстро. К нам будут приходить не только из деревни, но и с дальних хуторов. И плата будет не подачкой, а благодарностью.

— Не ради слухов, — покачала я головой. — Ради того, чтобы мы могли пережить эту весну. Чтобы у нас была мука, когда зерно кончится. Чтобы дрова не сыпались трухой в печи.

— Значит, план такой, — спокойно подытожил он. — Я беру на себя посты, тренировки и порядок у ворот. Пусть люди ждут там, а не бродят по двору. Ты, Евстафий, организуй комнату: стол, кушетки, ширму, чистые простыни, и чистую воду. А ты Тимур...

Он посмотрел на Тимура, и тот сразу понял.

— Я пройдусь по соседям, — кивнул Тимур. — Скажу, что баронесса открывает приёмный покой. Что детей лечат бесплатно, а взрослым помогают за плату. И заодно узнаю, где можно обменять наши товары на зерно, не дожидаясь, пока цены взлетят ещё выше.

Евстафий снова открыл тетрадь, но теперь в ней появилась новая страница — не с запасами и не с деньгами, а с делами: «Комната для приёма», «Скамьи у ворот», «Порядок очереди». Он писал аккуратно, но быстрее, чем раньше, будто сам чувствовал, что время пошло.

Уже через два дня левое крыло усадьбы начало меняться. Из комнаты вынесли старый сундук и пару сломанных стульев, стены протёрли от пыли, а на подоконник поставили банку с настоем — Евстафий сам её притащил, ворча, что «хоть запах будет правильный». Вдоль стены поставили кушетки застелили их. А в углу, у печи, поставили ширму из плотной ткани, чтобы отделить место, где я буду работать с тяжёлыми случаями.

У ворот тем временем вырос навес из грубых досок и парусины. Под ним поставили скамьи, а рядом — большой деревянный чан с водой и ковшом. Десятник ходил вдоль очереди, не грубо, но твёрдо, следя, чтобы не было толкотни и криков.

— Тихо! — коротко говорил он, если кто-то начинал спорить. — Баронесса не любит суеты. Кто шумит, того пустят последним.

И люди затихали. Не из страха, а из уважения.

Первой ко мне привели девочку лет семи — она сильно обожгла руку, когда тянулась к печи. Глаза у неё были красные от слёз, но она не плакала, только сжимала пальцы здоровой руки в кулачок.

Уложив на кушетку, я провела ладонью над ее головой, погрузив ее в сон. Аккуратно поднесла свою руку над ожогом, и моя рука вспыхнула зеленым пламенем. Место ожога начало выравниваться, краснота сходила, волдыри рассасывались. Ручка девочки приняла здоровый вид.

Вывела ее из сна.

–Ну что больше не болит? –с улыбкой произнесла я.

Девочка посмотрела на свою руку, потом на меня и прошептала:

–Спасибо.

Её мать, стоявшая у ширмы, хотела что-то сказать, но я покачала головой.

— С ребёнка платы не беру, — твёрдо сказала я. — Пусть она просто не лезет к огню. Этого хватит.

Женщина кивнула, и в её глазах стояли слёзы, но уже не от боли, а от облегчения.

Следующим был старик с затянувшейся раной на ноге. Он пришёл сам, опираясь на палку, и смотрел на меня не с надеждой, а с усталой готовностью принять любой ответ.

— Смогу, — ответила я. — Но это будет стоить денег.

— Есть у меня пятьсот рублей, — сказал он. — Возьми. Мне бы только ходить нормально, а то в поле скоро, а я и до сарая дойти не могу.

Я взяла деньги не сразу. Сначала сделала дело: уложив его на кушетку и погрузив его в сон. Подумав немного, поняла, что под кожей скопился гной и воспалена мышца. Вытащив нож из банки со спиртом, сделала небольшой надрез, поднесла свою руку, она снова вспыхнула, вытянув весь гной, мышцу привела в порядок, убрав воспаление, стянула края раны, расправилась кожа на ноге не оставив и следа от рваной язвы. Вывела его из сна. Он, открыв глаза и сев на кушетке, посмотрел на свою ногу, она была целой, и не было ни намека на шрам. Нога была целой. Он провел рукой по ней не веря.

Встав он поклонился, не низко, но уважительно.

— Спасибо, госпожа баронесса, — тихо сказал он. — Ты не просто лечишь. Ты даёшь надежду что в мире есть еще хорошие люди.

А потом уже взяла пятьсот рублей и положила их в мешочек, который Евстафий приготовил специально для таких случаев.

Вечером я сидела в кабинете, а Евстафий расписывал в своей тетради.

Сегодня принесли три тысячи четыреста рублей, — тихо сказал он, записывая. — За лечение. Плюс мёд и мешок сушёных яблок от семьи, чью девочку ты вылечила. Тимур договорился с купцом: за бочонок мёда и кожу мы получим два мешка муки и мешок соли.

Я слушала и чувствовала, как тяжесть, которая давила на плечи с самого утра, чуть-чуть отступила. Это были не миллионы. Это были крохи. Но из крох складывался запас. Из крох складывалась надежда.

Евстафий кивнул, аккуратно подвёл черту под столбцом и закрыл тетрадь.

–Так и еще мне нужна будет помощница, чтобы убрала кровь, поменяла простыни. Да чтоб крови не боялась.

–Найдем, найдем. –сказал Евстафий.

Второй день начался с того, что Евстафий, ворча себе под нос, будто делает одолжение всему миру, привёл ко мне в приёмный покой молоденькую девчушку лет четырнадцати. Глаза у неё были большие, серые, спокойные, а руки — грубоватые, с мозолями от работы, но пальцы двигались легко, будто привыкли к тонкой возне: перебирать травы, завязывать узлы, штопать прорехи.

— Это Марья, — коротко сказал Евстафий. — Внучка кузнеца. Говорит, что не боится ни крови, ни крика, ни грязи. Кузнецкие дети с малолетства видят, как железо режет кожу, и не падают в обморок.

— Ты точно крови не боишься? — тихонько спросила я, не потому что сомневалась, а потому что должна была спросить. Если она соврёт сейчас, потом может подвести в самый неподходящий момент.

— Нет, — спокойно ответила она. — Я видела немало. Дед топором себе по руке ударит — я ему руку перебинтую. Порезы или что-то ещё — мне это не страшно. А убирать я умею. И тихо, чтобы не мешать.

— Хорошо, — сказала я. — Тогда твоя задача — держать комнату в чистоте, менять простыни, кипятить воду, убирать всё после каждого больного. И ещё… стоять у ширмы и смотреть, чтобы никто не вбегал без очереди, не кричал и не мешал. Если кто-то начнёт падать от слабости — держи его, зови меня. Но не пытайся лечить сама. Договорились?

Она кивнула, чуть твёрже, будто это ей даже нравилось — знать свои границы и держаться их.

— Договорились, госпожа баронесса, — тихо, но чётко сказала она.

И с этой минуты комната будто стала не просто местом, где я лечу, а маленьким, строгим хозяйством, где у каждого есть своё дело. Марья тут же принялась протирать стол, растелать чистые простыни на кушетки, ставить на печь большой котёл с водой. Она двигалась бесшумно, но деловито, и от этого в комнате стало спокойнее.

Народу в тот день пришло больше, чем вчера. Очередь под навесом у ворот вытянулась почти до поворота дороги, и десятник уже не просто следил за порядком — ему пришлось поставить ещё одного стражника, чтобы люди не напирали и не спорили, кто следующий.

Первым ко мне привели парня лет двадцати, крепкого, жилистого, с лицом, ещё по-юношески светлым, но уже обветренным. Он держался за руку, и даже сквозь пальцы проступала неестественная, пугающая кривизна кости.

— Сломал, когда с телеги спрыгивал, — коротко объяснил он, будто стыдился этой нелепой беды. — Камень подвернулся, я и не удержался.

Я кивнула, не тратя слов на утешения, которые всё равно не помогут.

— Ложись на кушетку, — сказала я спокойно.

Он лёг, стиснув зубы, будто готовился терпеть боль. Но я не дала ей прийти. Коснувшись головы я погрузила его в сон.

Я взялась за его руку. Кость была сломана чисто, без осколков, и это было удачей. Я собрала её края, стянула, заставила срастаться быстро, но не грубо, чтобы потом рука не ныла от каждого ветра. И в этот раз я почувствовала, что получается быстрее: не потому, что сила стала больше, а потому, что я научилась не тратить её на лишние движения.

Когда я вывела парня из сна, он сначала не понял, что произошло. Потом осторожно пошевелил пальцами, потом сжал кулак, потом снова пошевелил. На лице у него появилось выражение, похожее на изумление, будто он впервые увидел, как работает его собственная рука.

— Целая, — тихо сказал он, скорее себе, чем мне. — И не болит. Совсем.

Я чуть улыбнулась.

— Не нагружай её пару дней. Пусть срастётся как следует. И не прыгай с телег.

Он кивнул, всё ещё не веря, и протянул мне купюры. Семьсот рублей. Сумма, от которой у Евстафия в глазах мелькнуло что-то похожее на облегчение.

— Спасибо, госпожа баронесса, — сказал парень, будто эти слова были ему непривычны, но он хотел их сказать.

Следующим был крепкий мужик с проседью в бороде, с лицом, обветренным до тёмной, почти кожаной грубости. Он пришёл сам, не опираясь ни на кого, но шёл тяжело, припадая на одну ногу.

— Кабан в лесу зацепил, — коротко бросил он, не жалуясь, а просто сообщая факт. — Думал, само заживёт. Не зажило.

Я кивнула. Такие раны хуже всего: они кажутся несерьёзными, пока не начинают гнить.

— Ложись сюда, — я показала на вторую кушетку.

Он лёг, сжав кулаки, будто готовился к боли. Но я снова дотронулась до головы и погрузила его в сон.

Рана была глубокой, кабанский клык прошёл по бедру, разорвав мышцы и кожу. Я вытягивала очаги инфекции, убрала всю отмершую ткань и заставляла волокна срастаться, кожу

ложиться ровно, без рубцов. Я не оставляла ни следа — ни шрама, ни тонкой нити, которая могла бы напомнить о боли. Когда всё было сделано, я медленно вывела мужика из сна.

Он сел, сначала осторожно, потом увереннее. Потрогал бедро — там, где ещё недавно была рваная рана, теперь была просто кожа, чуть светлее, чем остальная, но целая. Он провёл по ней ладонью, будто не верил собственным пальцам.

Потом сунул мне купюру, даже не глядя, сколько там, и, не оборачиваясь, пошёл к двери.

— Спасибо! — крикнул он на ходу и исчез за дверью, оставив после себя запах леса, мокрой шерсти и облегчения.

Когда последний человек ушёл, и очередь под навесом наконец рассеялась, я села на табурет, опустила голову и на минуту закрыла глаза. Силы утекали не каплями, а целыми потоками, и я чувствовала, как они уходят, оставляя после себя лёгкую, но знакомую пустоту.

Евстафий вошёл в комнату тихо, как ходят люди, которые не хотят спугнуть чужую усталость. В руках у него был мешочек, в который он аккуратно складывал деньги.

— Семьсот от парня, — тихо сказал он. — И ещё тысяча от мужика. Итого тысяча семьсот за день. Плюс мешок лука и две корзины яиц от тех, кто не мог заплатить деньгами, а еще чуть не забыл. Три мешка зерна.

— Хорошо, деньги откладывай. Завтра снова рано, — сказала я, вставая и потягиваясь, чтобы прогнать остатки усталости. — Пусть люди знают: приём будет каждый день, кроме тех дней, когда я совсем не смогу. И пусть Марья стоит у двери и записывает, кто пришёл, чтобы мы знали, кому потом нужно будет заглянуть ещё раз.

Евстафий кивнул.

–Евстафий, с завтрашнего дня ты принимаешь деньги. Чтобы мне с ними не возиться.

Евстафий снова кивнул и пошел к двери.

За окном уже темнело, но в нишах мягко горели светлячки. Их свет был не ярким, но надёжным. Как и то, что мы строили сейчас: не роскошь, не славу, а простой, крепкий порядок, который поможет усадьбе дожить до лета.

Утро началось рано — даже раньше, чем обычно. Я проснулась от криков, от топота сапог по двору, от чьего-то отчаянного голоса, который рвался сквозь утренний туман, будто пытался докричаться до самого неба.

Я выскочила на улицу, накинув поверх платья тёплый плащ — холод тут же вцепился в кожу, но я его почти не чувствовала. У ворот стоял мужик, сжимая в руках шапку так, что пальцы побелели. Он кричал, и в этом крике не было ни злости, ни брани — только голая, звенящая паника.

— Госпожа баронесса! Госпожа! — кричал он, дёргая головой в сторону повозки. — Жена… она…не может родить! Кричит, а ничего не выходит! Прошу, помоги!

В повозке, на грубых мешках, лежала женщина. Она выгибалась, хваталась за борта, кричала сквозь стиснутые зубы, а потом вдруг обмякала, будто силы покидали её в эти короткие мгновения тишины.

Я подбежала, быстро провела руками над её животом, чувствуя, как внутри всё сжато, напряжено, неправильно. Схватки шли, но воды не могли отойти, и ребёнок не мог выйти. Каждая секунда тянулась, как час.

— В приёмную комнату, быстро! —крикнула я. –Несите её на носилках! И воду кипячёную, чистые пелёнки, простыни, всё чистое, всё сразу! Марья! — я обернулась, и Марья, бледная, но собранная, уже стояла рядом. — Беги к котлу, пусть кипятят воду, пусть несут всё, что мы готовили для перевязок. И ширму поставь так, чтобы мать могла видеть ребёнка, но чтобы ей не мешали лишние глаза.

Мужа женщины я остановила у двери:

— Ты здесь. Стой и дыши. Если будешь метаться — только мешать будешь. Когда всё будет готово, я позову.

Женщину уложили на кушетку. Я резким движением погрузила ее в сон. Не для того, чтобы она не чувствовала боли, а для того, чтобы её тело перестало сопротивляться, чтобы мышцы не сжимались в судорогах, мешая тому, что нужно было сделать.

— Марья, — тихо сказала я, не отрывая взгляда от живота женщины. — Держи тряпицы. И будь готова подать, что скажу.

Марья кивнула, сжала в руках стопку чистых пелёнок, и я увидела, как она старается дышать ровно, как старается не дрожать.

Я сделала все быстро. Когда ребенок был у меня на руках, я быстро передала Марье, чтобы она его запеленала.

Когда я закончила с женщиной и просканировав ее тело, и поняла, что с ней все хорошо. Вывела ее из сна.

Женщина сначала посмотрела на свой живот, потом медленно перевела взгляд на Марию и увидела свою кроху. Она заплакала и протянула руки.

–У вас прекрасная дочка,–сказала я улыбнувшись.

Женщина, ещё слабая, дрожащая, протянула руки, и я аккуратно, бережно переложила малышку к ней на грудь. Девочка тихонько пискнула, сморщила носик, будто проверяла, настоящий ли этот мир, и притихла, прижавшись к матери.

Я отошла на шаг, давая им эту минуту, и пошла звать мужа. Он стоял у двери, сжав кулаки так, что костяшки побелели, и смотрел на дверь, как на единственный свет во тьме.

— Можно, — тихо сказала я. — Она жива. Ребёнок жив. Всё хорошо.

Он шагнул, потом будто споткнулся о собственные ноги, рухнул на колени прямо на каменные плиты, не чувствуя холода, и зарыдал — не стыдясь, не пряча лица, просто позволяя слезам смыть тот ужас, который держал его всю дорогу сюда.

— Спасибо вам, что спасли их… — шептал он, а потом поднял на меня глаза, в которых теперь была не только благодарность, а почти мольба о том, чтобы это оказалось правдой. — Не знаю, что было бы, если не вы… У нас нет денег, но у нас в повозке есть шесть мешков зерна. Я оставлю зерно вам. И сегодня днём приедут с моей деревни — привезут вам туши свиней и баранов. Это всё, что у нас есть, но пусть это будет платой. Пусть вы знаете, что мы не забыли.

Марья, стоявшая у ширмы, тихонько всхлипнула и тут же смущённо утёрла глаза рукавом.

— Простите, госпожа, — пробормотала она. — Просто… это как чудо.

Я улыбнулась ей, и улыбка вышла настоящей, не натянутой, потому что в такие минуты даже усталость кажется не врагом, а просто следом от тяжёлой, но нужной работы.

— Это не чудо, — тихо сказала я. — Это дело. И ты в нём — не меньше моего. Ты отвечаешь за порядок, ты не дрогнула, ты была здесь, когда мне нужна помощь. Спасибо тебе.

Она покраснела, но расправила плечи, будто эти слова дали ей новую силу.

Евстафий, вошедший в комнату с тетрадью в руках, на секунду замер, глядя на мать с ребёнком, потом перевёл взгляд на меня.

— Шесть мешков зерна, — тихо сказал он, будто сам взвешивал эти слова. — Если считать по нынешним ценам, это почти две тысячи рублей. Плюс туши… Это не деньги, но это еда.

Я кивнула.

— Пусть зерно сразу идёт в амбар, — сказала я. — А туши — в ледник, чтобы не пропали. И пусть люди знают: если кто-то не может заплатить деньгами, мы принимаем помощь товарами. Но только если это не разорит их самих. Мы не будем забирать последнее.

Евстафий чуть склонил голову, соглашаясь.

— Сделаем, — спокойно сказал он.

Антон, стоявший у двери, скрестив руки на груди, чуть наклонил голову.

— Стража уже проверила повозку, — тихо сказал он. — Зерно чистое, без плесени. И люди с деревни уже едут, как он и сказал. Всё честно.

Я снова посмотрела на женщину. Она теперь лежала спокойно, прижимая к себе дочку, и смотрела на мужа так, будто видела его впервые — как человека, который прошёл через страх и остался рядом.

— Пусть она отдыхает, — сказала я, обращаясь ко всем сразу. — Переведите их в комнату для гостей. Никого не впускать в эту комнату, кроме Марьи, чтобы она меняла тряпицы и следила, чтобы женщина пила отвар. И пусть муж сидит рядом. Ему это нужно не меньше, чем ей. Как женщина окрепнет можете ехать домой. И накормите их.

Марья тут же шагнула вперёд.

— Я всё сделаю, госпожа, — твёрдо сказала она.

Людей набралось не мало, но меньше чем вчера.

Когда солнце поднялось выше и стало пригревать, я вышла во двор, чтобы глотнуть свежего воздуха и дать себе минуту передышки. Антон подошёл ко мне, не нарушая тишины, просто становясь рядом, как делают те, кто знает, что иногда лучше молчать.

— Ты сегодня сделала больше, чем просто спасла жизнь, — тихо сказал он. — Ты дала им надежду. А надежда — это тоже ресурс. Она дает силы и веру в людей, когда заканчиваются деньги и припасы.

Я чуть улыбнулась, глядя, как по двору идут люди, как они несут зерно, как стражники помогают разгружать повозки, как Марья выглядывает из двери, проверяя, всё ли спокойно.

— Надеюсь, — тихо ответила я. — Потому что нам нужно, чтобы они верили не только в мою силу, но и в то, что мы сможем улучшить эту усадьбу. Да и людям нужна вера в то, что не все потеряно. Что мы сможем помочь людям с чем бы они сюда не пришли.

Антон кивнул, будто принимая эти слова как часть плана, как ещё одну строчку в невидимой тетради, которую он вёл в своей голове.

Евстафий пришёл в кабинет, когда солнце уже клонилось к закату, и косые лучи ложились на стол тонкими золотыми полосами. Я перебирала документы — что-то подписывала твёрдой, уверенной рукой, что-то откладывала на потом, помечая сбоку мелким аккуратным почерком: «уточнить», «после паводка», «спросить у Антона».

Он сел напротив, положил на стол свою потрёпанную тетрадь с кожаным переплётом, кашлянул — будто заранее извинялся за то, что собирается нарушить тишину цифрами.

— Сегодня у нас, — начал он, открывая страницу и водя пальцем по строчкам, чтобы не сбиться, — шесть мешков зерна. Три туши свинины, четыре туши баранов. Одна корзинка яиц. Мешок муки. И три мешка картофеля. А по деньгам… не густо. Две тысячи семьсот рублей.

Я подняла глаза от бумаг и посмотрела на него не с досадой, а с тем вниманием, с каким слушают человека, который знает цену каждой мелочи.

– Не густо, — повторила я, но без горечи. — Но и не пусто.

— Есть и другое, — тихо сказал он. — Люди из деревни, что привезли туши… они просили, чтобы вы, госпожа, взглянули на одного старика. У него жар, и он уже третий день не встаёт. Они не просят лечить даром, они готовы дать, чем могут. Но… боятся, что если вы не посмотрите, то будет поздно.

–Хорошо я поеду. Сейчас только переоденусь и поеду. – быстро сказала я.

Я была готова через час.

Во дворе конь уже ждал — вороной, с широкой грудью и умными тёмными глазами. Он будто чувствовал: сегодня не прогулка, не объезд границ, а спешка. Я оседлала его быстро, привычно, без лишних движений, затянула подпругу, поправила стремена. Конь фыркнул, тряхнул головой, будто торопил: «Ну, поехали уже».

Деревня встретила меня тишиной, какой бывает только там, где все затаили дыхание. У крайнего дома, где крыша была крыта потемневшей соломой, а ставни приоткрыты, будто от жары, толпились люди. Они не кричали, не метались, но стояли плотной, молчаливой группой, и в этом молчании было больше страха, чем в любом крике.

Я спрыгнула с коня, не дожидаясь, пока кто-то подбежит держать поводья, и пошла прямо к двери.

— Где он? — спросила я, и голос прозвучал твёрже, чем я чувствовала себя внутри.

Женщина в тёмном платке, с лицом, изборождённым морщинами и тревогой, кивнула на дверь:

— В горнице, госпожа. Уже третий день… жар такой, что тряпица смоченная холодной водой быстро нагревается, едва её на лоб кладут.

Я кивнула, не тратя слов на утешения, и вошла.

В горнице было темно и душно, пахло травами, дымом и тяжёлым, густым запахом болезни. У стены, на широкой лавке, лежал старик.

Он был не из тех стариков, что кажутся хрупкими, как сухая ветка. Нет, в нём ещё чувствовалась сила — та, что копится годами тяжёлой работы и не уходит даже с годами. Широкие плечи, руки, привыкшие держать косу, топор, упряжь, теперь лежали неподвижно, тяжёлые, будто сами по себе тянули его к земле. Лицо было сухим, скулы резко выступали, кожа натянулась, как пергамент, а глаза, обычно, наверное, спокойные и внимательные, сейчас горели лихорадочным огнём — ярким, неестественным, пугающим.

Седые волосы прилипли ко лбу от пота, а на груди, поверх старой рубахи, лежала мокрая тряпица — уже не белая, а серая, пропитанная водой и усталостью тех, кто пытался сбить жар. Старик дышал тяжело, с хрипом, будто каждый вдох давался ему как победа, а выдох — как поражение.

Рядом на табурете сидела девочка лет двенадцати — наверное, внучка. Она сжимала в руках ещё одну тряпицу, мокрую, и смотрела на старика так, будто боялась моргнуть: вдруг в эту секунду он перестанет дышать.

— Не бойся, — тихо сказала я, подходя ближе и опускаясь на колени рядом с лавкой. — Я посмотрю.

Девочка подняла на меня глаза, в которых стояли слёзы, но она не плакала. Только кивнула, будто хваталась за моё слово, как за верёвку над пропастью.

Я провела ладонью над стариком, не касаясь, чувствуя, как от него идёт жар — не просто горячий воздух, а сама хворь, будто огонь, который сжигал его изнутри. Жар был сильным, цепким, он уже въелся в кости, в кровь, в лёгкие. Но ещё не до конца. Ещё была тонкая грань, за которой болезнь становилась непобедимой. И мы пока не перешагнули её.

–Уберите все и пусть девочка выйдет. Не нужно ей это видеть. – твердо сказала я.

Все зашевелились, начали все убирать. Кувшины, тряпицы. Девочка не хотела уходить, но подошла женщина и увела ее на улицу.

Я провела рукой над головой старика, погрузив его в сон. Провела другой рукой над его телом. Моя аура вылетела из меня и направилась к нему. Выжигая все очаги болезни. Жар спал, дыхание стало ровным, без хрипов. Немного подкачала его своей силой, чтобы он не чувствовал недомогания. Вывела его из сна.

Он открыл глаза сев на лавке. Сделал глубокий вдох. Встал и пошел на выход из дома.

–Вы чего тут все встали? У меня сарай покосило. Поправить надо. – грозно сказал дед, и пошел дальше.

Я усмехнулась такому рвению к работе.

–Спасибо вам огромное госпожа. Век не забудем. Завтра повозку соберем. К полудню вам все передадут.

Я выскользнула из дома и помчалась обратно в усадьбу.

Глава 27 « Лидия »

Я сидела за массивным столом, в моем уже кабинете на втором этаже — прямо рядом с моими покоями. Здесь пахло пылью, чернилами и горьковатой травой: запах старых бумаг и моих духов смешивался, будто сам воздух пытался напомнить, что в этом доме теперь нужна генеральная уборка. Пыль и грязь была везде, видимо старый барон и не разрешал тут убираться.

Передо мной лежали стопки документов — отчёты по урожаям, списки долгов, прошения, распоряжения. Я перебирала их медленно, не спеша: в этих бумагах пряталась логика этого мира, его негласные правила. А мне нужно было знать правила — не чтобы им подчиняться, а чтобы понимать, где их можно сломать. Я не собираюсь под кого то подстраиваться. Теперь я буду устанавливать свой порядок. Да и чувство все равно осталось, что как будто вручили мне тяжёлый сундук и сказали: «Разбирайся сама».

На краю стола стояла тёмная деревянная шкатулка. Туда я складывала всё, что выбивалось из обычного порядка. Туда ушёл и вчерашний листок с той странной фразой: «Сила уходит через камень. Колодец закрывается… Если не найти якорь, всё, что было дано, вернётся во тьму». Я провела пальцем по крышке шкатулки — проверяя, надёжно ли заперто, — и потянулась за следующей папкой.

И в этот момент снизу донеслись резкие, тяжёлые звуки: скрип входной двери, гулкие шаги, лязг металла. Стража. Не гости, не посыльные — кто-то пришёл с силой, и эта сила была напряжённой, колючей, как натянутая струна.

Я аккуратно закрыла папку, положила её поверх стопки и встала. Не торопливо, но и не медленно — ровно так, как встаёт человек, который знает: сейчас начнётся работа.

Вышла в коридор, дошла до лестницы и замерла на верхней площадке. Внизу, в прихожей, стоял барон Роговцев. Мокрый плащ прилип к плечам, волосы с проседью потемнели от дождя, плечи были опущены, будто он нёс на них не ткань, а весь свой страх. За ним — трое стражников, неподвижные, как статуи, только пальцы нервно сжимались на рукоятях мечей.

Барон поднял голову. Наши взгляды встретились через весь холл — сверху вниз. В моём взгляде не было ни любопытства, ни сочувствия. Только готовность принять задачу.

— Моя дочь больна, — сказал он. Голос звучал так, будто эти слова он репетировал всю дорогу, но всё равно не смог сделать их мягче. — Лидия. Она не просыпается. Лекари говорят, что не видят болезни. А я вижу, как она тает.

Я чуть наклонила голову, будто взвешивала не слова, а саму тяжесть его просьбы. Потом кивнула — коротко, без лишних обещаний.

— Где она?

— В карете. Я не стал вносить… не знал, куда.

Я спустилась по лестнице — не спеша, но без остановок, как человек, который уже принял решение. На нижней ступеньке остановилась в двух шагах от барона, чтобы видеть его глаза.

— Несите её в малую гостиную, — сказала я. — Разожгите камин — здесь слишком холодно даже для весны. Приготовьте тёплую воду, чистые тряпицы. И пусть никого лишнего там не будет. Я должна её осмотреть и чтобы ни кто не мешал.

Барон снова кивнул. Он хотел что-то добавить — может быть, поблагодарить, может быть, объяснить, как долго Лидия не просыпается, — но не нашёл слов. Вместо этого резко махнул рукой стражникам, и те молча двинулись к выходу.

Через несколько минут Лидию внесли. Я стояла в дверях малой гостиной, наблюдая, как её укладывают на диван. Не смотрела на барона, не смотрела на стражников. Только на Лидию:

на то, как неестественно ровно лежит её тело, как бледна кожа, как ресницы едва заметно подрагивают, будто ей снится что-то тяжёлое.

Подошла ближе. Одну руку положила на лоб, другой взяла её запястье, прижала пальцы, ловя пульс. Он был — тонкий, неровный, будто шёл по трещинам. Кожа — ледяная, но под ней чувствовалась сухая, злой жар, как будто болезнь жгла её изнутри, медленно и терпеливо.

Ни ран, ни сыпи, ни очевидных признаков обычного недуга. Только это пугающее истощение — будто кто-то медленно вытягивал из неё жизнь.

Я наклонилась ближе и тихо, так, чтобы слышала только она, сказала:

— Ты не имеешь права угасать. У меня нет времени на слабость. Ни у тебя, ни у меня. Я знаю что ты меня слышишь. Не сдавайся, слышишь.

Лидия не ответила. Только ресницы дрогнули, будто во сне она услышала этот холодный, жёсткий голос и попыталась от него спрятаться.

За окном снова шевельнулся ветер, принёс запах сырой земли и мокрой коры — весну, которая никак не могла согреться. Я не смотрела туда. Смотрела только на запястье Лидии, на то, как слабо пульсирует жизнь. И думала не о том, как её спасти, а о том, какую часть своей силы я готова потратить, чтобы удержать эту тонкую нить.

Лидия лежала так неподвижно, что казалось — она уже не здесь, просто тело осталось ждать чего-то, чего никто не мог сказать. Я не стала тратить время на лишние слова. Вместо этого опустила ладони чуть выше её лба, не касаясь кожи, и потянула ту самую холодную, плотную нить силы, которую научилась держать в себе, как клинок — ровно, без напряжения.

Погрузив ее в глубокий сон, я начала сканирование ее тела. Я не закрывала глаза, не делала пауз. Просто позволила силе потечь от моих ладоней вниз, вдоль её тела, тонкой волной, которая не грела, а считывала. Она шла по венам, как ледяной свет, отмечая каждый сбой, каждую неровность.

Сердце — живое, но спотыкается. Не от раны, не от яда, а будто кто-то дёргает за невидимые нити, мешая ему биться ровно. Лёгкие — чистые, но вялые, будто им не хватает воли втянуть воздух. Кровь — тяжёлая, густая, будто в ней слишком много примесей и сердце плохо справлялось.

Я не стала гадать, что это. Сначала — исправить то, что можно исправить прямо сейчас.

Опустила одну руку на её грудь, прямо над сердцем. Не касаясь, держала ладонь в паре сантиметров, чувствуя, как под кожей пульсирует эта рваная, усталая жизнь. И начала отдавать свою энергию — не потоком, не лавиной, а тонкой, ровной струёй, как будто подливала масло в почти погасший фитиль. Не для того, чтобы сделать сердце сильнее, а чтобы дать ему ритм — чёткий, спокойный, без срывов. Пусть качает кровь ровно, пока я разберусь с остальным. Кровь насытила кислородом и по всему организму разжижала ее, помогая тем самым сердцу быстрее и легче прокачивать кровь.

Второй рукой я потянулась к области лёгких. Там нужно было не толкать, а вести — мягко, настойчиво, заставляя мышцы работать, даже если тело хотело сдаться. Я словно водила невидимыми пальцами по рёбрам, подталкивая каждый вдох, помогая кислороду пробираться глубже, разгонять эту тяжёлую, тёмную гущу.

Сила текла из меня, и я чувствовала, как она уходит — капля за каплей. Но я не останавливалась.

Через несколько минут ритм сердца стал ровнее. Не идеально, но уже не спотыкался на каждом ударе. Дыхание выровнялось, стало глубже, будто она наконец-то смогла сделать тот самый вдох, которого ей не хватало.

Я чуть опустила руки, но не убрала их совсем. Стояла у изголовья, смотрела на её лицо — на то, как с него понемногу уходит эта пугающая восковая бледность, как тень под глазами становится чуть менее глубокой.

За спиной тихо скрипнула половица — барон. Он стоял в дверях, не решаясь подойти ближе, будто боялся спугнуть этот хрупкий, выстроенный мной порядок.

— Что ты делаешь? — спросил он тихо, почти шёпотом, будто боялся, что громкий звук разрушит всё.

Я не повернулась. Не хотела терять концентрацию.

— Держу её, — сказала ровно. — Пока не пойму, что её тянет вниз. Сердце и лёгкие я привела в порядок, но это не лечение. Это костыли из моей силы. Они будут держать её, пока я не найду причину.

Он сжал кулаки, будто хотел схватиться за эти слова, как за верёвку.

— Найди, — сказал он. Просто. Без приказниго тона, без клятв. Просто «найди».

— Найду, — ответила я. И в этом слове не было обещания, которое дают, чтобы утешить. Это был холодный, жёсткий план. — Но мне нужно время. И тишина.

Повернулась к служанке, которая стояла у двери, белая от страха:

— Принеси куриный бульон и тёплые одеяла. И пусть никто не заходит, пока я не позову. Даже ты.

Она кивнула и выскользнула из комнаты, будто боялась, что сама тень её шагов может что-то нарушить.

А я снова опустила ладони — не на тело, а над ним, чуть в стороне, чтобы чувствовать, как держится этот новый, хрупкий ритм.

Я провела сканированием до самого конца — вдоль каждой вены, туда, где тень ложится плотнее. И когда картина сложилась, внутри всё сжалось в тугой, ледяной комок.

С органами — более-менее порядок. Печень, почки, селезёнка — работают, хоть и на пределе, будто пытаются компенсировать то, чего им не хватает. Я добавила своей силы в них облегчая им работу.

Дальше я заметила тонкие, почти прозрачные нити тянулись от её груди куда-то в сторону, в пустоту, будто кто-то или что-то стояло в тени и тихо, терпеливо тянуло из неё жизнь. Не рывком, не жадно — ровно, день за днём, чтобы никто не заметил, как она тает.

Я не стала гадать, кто это делает. Сначала — дать телу энергию... чтобы работало без меня.

Снова опустила ладони над её телом. На этот раз не только над сердцем и лёгкими — по всей длине, и окутала ее своей силой, зеленая дымка разлилась по ее телу. И я начала отдавать силу — не каплями, а плотным, ровным потоком, пока не почувствовала, как собственные мышцы начинают мелко дрожать от напряжения. Я подпитывала её до отказа, до того предела, когда моя сила уже не растворялась в её истощении, а начинала держаться, как щит. Пусть этого хватит хотя бы на сутки. Пусть она протянет без меня, если мне придётся уйти искать эту чёртову откачку энергии.

— Слушай внимательно, — голос вышел ровным, без дрожи, и от этого он звучал ещё жёстче. — Приготовь куриный бульон. Самый простой, без пряностей. И отвар для поддержания тепла — тот, что с имбирём и мёдом, но не горячий, чтобы не обжечь. Поить её по чуть-чуть, но часто. Каждые десять минут — ложка бульона, ложка отвара. Если начнёт шевелиться — не торопи. Если застонет — не пугайся. И пусть в комнате будет тепло, но не душно. Одеяла сухие, проветривать каждый час.

Я взяла чашку из ее рук с бульоном и поднесла к губам Лидии. Она сделала глоток, небольшой и еще один и еще.

— Да, госпожа… я всё сделаю. – прошептала она и выскользнула за дверь, тихо прикрыв её за собой.

В комнате стало тише. Только мерное, теперь уже ровное дыхание Лидии нарушало эту тишину. Я подошла к окну, отодвинула тяжёлую штору — за стеклом всё та же серая, злая весна: лужи, мокрый камень, голые ветки, которые царапали небо. Но сейчас я смотрела не на

пейзаж. Я смотрела на отражение комнаты в стекле — на кровать, на Лидию, на себя, стоящую у окна, с тёмными кругами под глазами и руками, которые ещё помнили, как дрожали от отдачи силы.

И в этом отражении я вдруг увидела тень — не в реальности, а в искажении стекла. Тонкую, полупрозрачную нить, которая тянулась от груди Лидии куда-то за пределы комнаты, в сторону старого колодца во дворе, туда, где камень был покрыт странным, будто выжженным узором. Я моргнула — и тень исчезла. Но я знала, что это не игра света. Это был след.

Я быстрым шагом пошла в свой кабинет, открыла шкатулку. Взяв этот свиток с неровной фразой: «Сила уходит через камень. Колодец закрывается. Если не найти якорь, всё, что было дано, вернётся во тьму».

Пальцы скользнули по буквам, будто я могла на ощупь прочитать то, что осталось недописанным.

Значит, колодец. Значит, якорь. Значит, кто-то привязал Лидию к этому месту — или к чему-то внутри него — и теперь тянул из неё силу, как воду из пересохшего источника.

Я сунула свиток в карман, туда, где ткань уже была тёплой от моего тела.

Я нашла Евстафия не в людской и не у стены — он был там, где и должен быть управляющий: в маленькой каморке рядом с хозяйственным двором, склонившись над толстой учётной книгой.

— Ты здесь очень давно, — сказала я без предисловий. Голос звучал ровно, но в нём была та самая жёсткость, которая не оставляет места для отговорок. — Про старый колодец во дворе. Когда к нему в последний раз подходили? Кто работал?

Евстафий помолчал. Не тянул время нарочно — он будто прислушивался к чему-то внутри себя, проверяя, можно ли вообще произносить эти слова.

— К нему не ходят, — проговорил он тихо, но не шёпотом — так говорят, когда знают, что слово имеет вес. — Вода пошла горькая. Дно затянуло илом. Барон велел не трогать.

— А кто-то мог трогать так, чтобы барон не знал? — я не повышала голоса, но шагнула чуть ближе, чтобы он видел: я не прошу, я выясняю. — Тихо. Ночью. Так, чтобы никто не заметил.

— Мог, — наконец сказал он. — Тут места старые. Они… помнят. Иногда кажется, что камень сам зовёт. Кто-то слышит. Кто-то нет.

Я чуть сузила глаза, цепляясь за каждое слово.

— Что значит «зовёт»? — спросила я. — Объясни.

Евстатафий посмотрел на меня — прямо, без страха, но с какой-то усталой горечью, будто знал, что сейчас скажет то, за что потом придётся платить.

— На стенках колодца есть знаки, — произнёс он, и голос его стал ещё тише, будто он боялся, что камни услышат. — Не резьба. Не буквы. Такие узоры, будто мороз рисует, только они не тают. Старые люди говорили, что это якоря. Они держат силу. Если знать, как их повернуть, можно привязать к ним что угодно — дом, землю… человека.

У меня внутри всё сжалось — ровно там, где в кармане лежал свиток с фразой: «Если не найти якорь, всё, что было дано, вернётся во тьму».

–Но как может быть привязка Лидии к старому колодцу? –спросила я.

–Да кто его знает. –тихо сказал Евстафий. –Она с отцом приезжала когда маленькая была. Хотя нет... они приезжали сюда прошлым летом. Да точно, Лидия ни минуты в усадьбе не сидела. Гуляла.

Прежний барон может знал. Он говорил, что колодец — не про воду. Он про равновесие. Про то, чтобы земля не глотала силу. А потом он умер, и всё затихло… или я думал, что затихло.

Я вспомнила тень, которую видела в отражении стекла — тонкую нить, тянущуюся от груди Лидии к колодцу. Вспомнила, как сила утекала из неё, ровно и терпеливо. Кто-то знал

эти знаки. Кто-то воспользовался тем, что после смерти прежнего барона никто не следил за равновесием. И привязал Лидию к этим якорям — не чтобы спасти, а чтобы тянуть из неё жизнь.

— Покажи мне эти знаки, — сказала я. — Сейчас.

Евстафий чуть нахмурился, будто хотел возразить, но увидел что-то в моих глазах — не гнев, не панику, а холодную, собранную решимость, от которой не отмахнёшься. Он медленно кивнул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.